

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

WIDENER LIBRARY

HX 42XU X

3 2044 014 089 957

Slav. 880.3

Bound

JAN 12 1900

THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

(Class of 1887.)

Received 9 Dec. 1895.

РАЗСКАЗЫ
ПРО
ПЕТРА ВЕЛИКАГО

А. ПЕТРУШЕВСКАГО.

УДОСТОЕНО ДВУХЪ ПРЕМІЙ.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание Н. Фену и К^о.
1893.

Торговый домъ Н. ФЕНУ и К^о.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 40.

ОТДѢЛЫ МАГАЗИНА:

Книжный. — Музыкальный. — Наглядныхъ пособій и образовательныхъ игръ. — Письменныхъ, чертежныхъ и рисовальныхъ принадлежностей. — Классной мебели.

Фирма Н. Фену и К^о издала или приняла въ складъ, между прочимъ, слѣдующія книги:

Погоскій, А. Собраніе повѣстей и разсказовъ, въ трехъ томахъ (съ рисунками В. Шпака)	4 . 50
Его-же. Оборона Севастополя. Бесѣды о войнѣ 1853—55 г. 1	25
Его-же. Дѣдушка Назарычъ	20
Его-же. Нарва и Полтава. Съ портретомъ	20
Его-же. Наши богатыри, въ двухъ книгахъ	50
Его-же. Неспособный человѣкъ (повѣсть)	25
Его-же. Неспособный человѣкъ, или 20 лѣтъ службы, — представленіе для театра въ 5 картин. (передѣлано изъ повѣсти) —	20
Его-же. Отечественная война 1812 года	20
Его-же (подъ редакціей). Петръ Великій, преобразователь Россіи	20
Его-же. Старики. Разсказъ изъ крымской войны	20
Его-же. Маіорская дочка (повѣсть)	25
Его-же. Штутцерникъ Зачины-вороты (повѣсть). —	25
Его-же. Сибирлетка, полковая собака	25
Его-же. Сорочьи гнѣзда	20
Его-же. Господинъ колодникъ	20
Его-же. Музыкантъ	25
Его-же. Мірскія дѣтки. Всѣмъ шильямъ шило (повѣсть) —	20
Его-же. Суходольщина (повѣсть)	20
Его-же. Покойный Иванъ Ивановичъ Ивановъ	15
Его-же. Чертовщина. Путешествіе на луну. Мудрый судья. —	20
Его-же. Камень-Бремневичъ	10
Его-же. Подосиновики (повѣсть)	20

РАЗСКАЗЫ
ПРО
ПЕТРА ВЕЛИКАГО

А. ПЕТРУШЕВСКАГО.

A. Petrushevski.

Удостоено Комитетомъ грамотности первой премии и Ученымъ комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ золотой медали.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание Н. Фену и К^о.
1893.

Scaw 880, 3

87 4 / 78

A. G. Knowledge

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.

Книга эта написана по слѣдующимъ сочи-
неніямъ:

- Алферьевъ.* Великій преобразователь Россіи, Петръ Алексѣевичъ.
Андреевъ. Общеобразовательный очеркъ русской исторіи.
Артикулъ воинскій купно съ процессомъ.
Афанасьевъ. Госуд. хозяйство при Петрѣ Великомъ.
Барановъ. Архивъ правит. сената, т. I.
Барсовъ. Петръ I въ народн. преданіяхъ сѣв. края.
Бартоломеевъ. Восемнадцатый вѣкъ; Русскій архивъ.
Бассевичъ. Записки о Россіи при Петрѣ Великомъ.
Берггольцъ. Дневникъ.
Бергъ. Собраніе писемъ Петра Великаго.
Бычковъ. Письма Петра Великаго.
Бяляевъ. Крестьяне на Руси.
Веберъ. Записки о Петрѣ Великомъ.
Виліамсъ. Записки о Петрѣ Великомъ.
Водовозовъ. О томъ какъ сталъ Петербургъ.
Военный Сборникъ 1876 года.
Вѣстникъ Европы 1872 года.
Герье. Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру Великому.
Голицковъ. Дѣянія Петра Великаго.
Градовскій. Высшая администрація Россіи; Исторія мѣстнаго управ-
ленія въ Россіи.
Гротъ. Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи.
Дмитріевъ. Исторія судебныхъ инстанцій.
Достопамятныя сказанія о жизни и дѣяніяхъ Петра Великаго.
Есиповъ. Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ
Великомъ.

- Забѣлинъ.* Домашній бытъ русскихъ царей; Домашній бытъ русскихъ царицъ; Опытъ изученія русск. древностей и исторіи.
- Задлеръ.* Опытъ историч. оправданія Петра Великаго.
- Ивановъ.* Краткій обзоръ русск. современниковъ.
- Инатій,* архіеп. Воспоминанія о пришествіяхъ Петра Великаго въ Олонецъ.
- Извѣстія о Московіи англ. путешественниковъ.
- Иконниковъ.* Русская женщина наканунѣ реформы и послѣ ея; Скептическая школа въ русск. историографіи.
- Кавелинъ.* Основныя начала русскаго судоустройства.
- Карцевъ.* Сѣверная война.
- Кирьевскій.* Пѣсни, имѣ собранныя, вып. 8.
- Корбъ.* Дневникъ.
- Костомаровъ.* Царевичъ Алексѣй Петровичъ; Историч. монографіи и изслѣдованія, 7, 12; Русская исторія въ жизнеописаніяхъ.
- Леонтьевъ.* О значеніи Петра Великаго для Россіи.
- Леруа-Болье.* Россія и Русскіе.
- Межовъ.* Литература русской исторіи.
- Минихъ.* Записки.
- Михневичъ.* Петербургъ весь на ладони.
- Московскія Вѣдомости 1857 г. № 147.
- Нартовъ.* Анекдоты о Петрѣ Великомъ.
- Обручевъ.* Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ.
- Пекарскій.* Историч. бумаги, собранныя Арсеньевымъ; Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ; Петербургская старина.
- Перри.* Состояніе Россіи при Петрѣ Великомъ.
- Петровскій Сборникъ.
- Плейеръ.* О состояніи госуд. управленія въ Московіи.
- Полное собраніе законовъ, т. 5, 6 и 7.
- Посошковъ.* О скудости и богатствѣ.
- Поселятъ.* Францъ Лефортъ.
- Преподобный Нилъ Сорскій.
- Пушкаревъ.* Описаніе Петербурга.
- Розановъ.* Преобразование Россіи Петромъ Великимъ.
- Романовскій-Славатинскій.* Дворянство въ Россіи.
- Русская историческая бібліотека, изданн. археографическ. комиссіей.

Рушинскій. Религіозный бытъ Русскихъ.

Сахаровъ. Записки русскихъ людей, событія времянь Петра Великаго.

Сборникъ Историческаго Общества.

Свѣдѣнія о Петербургской епархіи.

Седербергъ. Замятки о религіи и нравахъ русскаго народа.

Семевскій. Царица Прасковья; Петръ Великій какъ юмористъ; Слово и дѣло; Русская Старина.

Соколовскій. Петръ Великій, какъ учитель и воспитатель народа.

Соловьевъ. Исторія Россіи; Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ.

Тереженко. О началѣ, учрежденіи и состояніи регулярнаго войска въ Россіи.

Туманскій. Собраніе разныхъ записокъ о жизни и дѣяніяхъ Петра Великаго.

Устряловъ. Исторія царствованія Петра Великаго.

Федоровъ. Легенды о Петрѣ Великомъ.

Фоккеродтъ. Россія при Петрѣ Великомъ.

Фонтенель. Похвальное слово Петру Великому.

Хлѣбниковъ. О вліяніи общества на организацію государства.

Хмыровъ. Стрѣльцы и первый бунтъ; Гр. Головкина и ея время.

Цыловъ. Планы Петербурга.

Шашковъ. Историческіе этюды.

Шшикинъ. Панегиристы и порицатели Петра Великаго.

Шубинскій. Историческіе очерки и рассказы.

Щебальскій. Правленіе царевны Софьи; Чтеніе изъ русск. исторіи до исхода XVII вѣка.

Щербатовъ. О порокахъ и самовластіи Петра Великаго; Состояніе Россіи до Петра Великаго.

Юбилей Петра Великаго и торговый флотъ Россіи.

Юридическій Вѣстникъ 1872 года.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТРАН.
1. Юные годы и потѣхи Петра.	1
2. Азовскіе походы	22
3. Иноземная наука.	36
4. Стрѣльцкое дѣло	55
5. Отъ стараго къ новому	71
6. Окно въ Европу	87
7. Война, мятежи и измѣна	107
8. Полтава	124
9. Прутская невзгода.	137
10. Въ чужихъ земляхъ	149
11. Царевичъ Алексѣй Петровичъ.	159
12. Мирныя дѣла и конецъ войны.	178
13. Петровъ рай	198
14. Послѣдніе годы	217
15. Новая Имперія и первый Императоръ.	238

І. Юные годы и потѣхи Петра.

Въ лѣто отъ Рождества Христова 1672, мая въ 30 день, Московскому Царю Алексѣю Михайловичу и Царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ Богъ далъ сына Петра.

Много пѣсенъ сложилось на Руси про царей и другихъ русскихъ людей, но эти пѣсни поются про ихъ дѣла да про житье-бытье бывалое. А Петра Алексѣевича почтила пѣсня и за самое его рожденіе, потому что родился богатырь, какого Русская земля еще не видывала.

Ужъ какъ свѣтель, радощень въ Москвѣ
Ласковый Царь Алексѣй сударь Михайловичъ:
Народилъ ему Господь сына царевича,
Что царевича, Петра Алексѣевича.
Какъ и всѣ-то русскіе плотнички,
Что плотнички—сами мастера,
Они ночку не спали, колыбель-люльку дѣлали;
А нянюшки, мамушки, сѣнны дѣвушки,
Онѣ ночку не спали, ширинку вышивали,
По бѣлому рытому бархату краснымъ золотомъ.
А въ тѣ поры затюремнички они всѣ распушались,
Царскіе погребы—они всѣ растворялись,
У Царя у ласковаго шель пирь и столъ на радости.

Всѣ князья-бояре къ Царю собиралися,
 Всѣ дворяне ко ласковому стѣзжалися,
 Весь народъ Божій на пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются,
 Въ весельи не видали какъ и дни прошли;
 Все для младшаго царевича Петра Алексѣевича,
 Перваго Императора по землѣ.

Дѣтство Петра среди мамушекъ и нянюшекъ шло
 обычнымъ порядкомъ, росъ онъ очень скоро и на
 шестомъ мѣсяцѣ сталъ ходить. Царскія дѣти, разу-
 мѣется, росли въ довольствѣ и холѣ: не ставало у нихъ
 дѣло за сладостями и разными забавами, не ставало дѣло
 и за погодками-товарищами, съ кѣмъ коротать время.
 Росъ такъ и Петръ первые годы, только былъ онъ
 необычайно живъ и проворенъ, да въ играхъ и воен-
 ныхъ забавахъ съ ребятами-погодками не ставилъ
 ихъ къ себѣ подъ начальство, а тѣшился заурядъ
 со всѣми.

Царь Алексѣй Михайловичъ умеръ, когда Петру
 не исполнилось еще четырехъ лѣтъ. Алексѣй Михай-
 ловичъ былъ женатъ дважды; отъ первой жены, изъ
 рода Милославскихъ, онъ оставилъ сыновей Федора
 и Ивана и пять дочерей; отъ второй жены, изъ На-
 рышкиныхъ, — сына Петра и двухъ дочерей. На царство
 сѣлъ старшій царевичъ Федоръ.

Московскіе цари женились не на иноземныхъ прин-
 цессахъ, а на русскихъ боярышняхъ и дворянкахъ.
 Женину родню Государь держалъ около себя, въ по-
 четѣ и милости; если же приводилось ему овдовѣть и
 потомъ опять жениться, то родня второй жены отги-
 рала родню первой и сама входила въ силу. Оттого
 послѣ смерти Царя Алексѣя, съ воцареніемъ Федора,

вошли въ милость Милославскіе, которыхъ оттерли-
было передъ тѣмъ Нарышкины. Царицѣ Натальѣ ужъ
не было прежняго почета; Милославскіе ее не любили,
при случаѣ и обижали; Царица жаловалась; Царь Фе-
доръ, избѣгая доуки, пересталъ съ ней видаться.
Царицѣ Натальѣ пришлось жить въ отдаленіи отъ
царскаго двора, какъ бы въ почетной ссылке, а съ
нею и Петру.

Подошла пора ему учиться. Ученье въ старое
время было не великое: учили читать по азбукѣ, ча-
сослову и псалтырю да писать; затѣмъ обучали цер-
ковному пѣнію, церковно-служебнымъ моленіямъ и по-
рядкамъ. Грамотникъ, который всему этому выучился,
уже самъ долженъ былъ доучиваться какъ знаетъ и
чему хочетъ. Оттого почти вся книжная мудрость
тогдашнихъ *образованныхъ* людей имѣла складъ и
смыслъ церковный, а не мірской. Почти на такой же
ладъ обучали и царскихъ дѣтей, а что и прибавля-
лось въ ихъ обученіи, то было скудно. Первыми на-
ставниками царевичей были дьяки, безупречные чтецы
и краснописцы, которые умѣли и крестъ сполна власть
по писанному, и поклонъ вести по ученому. Потомъ,
при Царѣ Алексѣѣ, приставляли къ царевичамъ на-
ставниками ученыхъ монаховъ изъ Западной Руси и
Малороссіи, дабы вести ученіе пошире. Но на долю
Петра не досталось и этого; ему дали учителемъ
дьяка Никиту Зотова, человекъ добраго, но скудо-
умнаго, который самъ зналъ хорошо только читать
и писать. Да и этому малому дѣлу Зотовъ выучилъ
Петра не гораздо.

Въ 1682 году Царь Федоръ умеръ, дѣтей по себѣ

не оставилъ и царство никому не приказалъ. Старшій по немъ царевичъ, Иванъ Алексѣевичъ, 16 лѣтъ отъ роду, былъ слабъ разумомъ, косноязыченъ, немощенъ тѣломъ и духомъ, а Петру не исполнилось еще и 10 лѣтъ. Одни бояре стояли за царевича Ивана, другіе за царевича Петра. Чтобы не вышло смуты, патриархъ велѣлъ собраться народу на площадь и спросилъ—кому изъ двухъ царевичей быть на царствѣ? Немногіе люди закричали Ивана, всѣ остальные—Петра. Большое число бояръ тоже хотѣли Петра Алексѣевича, и патриархъ благословилъ его на царство.

Въ послѣдніе годы, во дворцѣ царскомъ, стали появляться новыя европейскіе обычаи. Одною изъ такихъ новинокъ было—не держать женщинъ въ строгой заперти. Мало кому пришла охота воспользоваться этою льготой, однако были и такія, особенно царица Софья, дочь Царя Алексѣя отъ Милославской. Она стала звать къ себѣ въ покои мужчинъ, сошлась съ людьми учеными и бывалыми, вела съ ними бесѣду, училась, читала книги. Мало-по-малу она присмотрѣлась къ дѣламъ государственнымъ, судила, рядила о нихъ; ей стало скучно сидѣть, сложа руки, или убивать время на пустыя дѣла; ей захотѣлось силы и власти. А потому, когда умиралъ братъ ея Федоръ, она замыслила захватить въ свои руки государеву власть и править царствомъ именемъ больного, малоумнаго брата Ивана. Но тутъ же на первыхъ порахъ, встрѣтилась препопа: царство досталось не Ивану, а Петру, и за его малолѣтствомъ приходилось, по старому обычаю, править царицѣ Натальѣ. Нарышкины опять становились впередъ и оттирали Милославскихъ. Софья

приходилось не только отступить от своего замысла, но еще итти въ послушаніе къ нелюбимой мачихѣ. Гордая Софья рѣшилась во что бы то ни стало передѣлать дѣло, заманивъ на свою сторону военную силу.

Еще при Иванѣ Грозномъ было набрано войско изъ вольныхъ охочихъ людей, которые порядились служить безсмѣнно. Войско это называлось *стрѣльцами* и находилось у государей въ чести и милости. Стрѣльцы жили въ Москвѣ, по другимъ большимъ городамъ и по рубежамъ государства; они пахали пашню, огородничали, торговали со многой льготой и получали отъ государя денежное жалованье. Живя осѣдло и въ довольствѣ, они избаловались, отвыкли отъ прямой военной службы, съ неохотой ходили въ походы, сдѣлались буйны, своевольны, непослушны. Начальство стрѣлцкое не только не искореняло такого зла, но еще разжигало его, озлобляя стрѣльцовъ: обворовывало ихъ, не давало имъ жалованья, брало ихъ къ себѣ въ подворья на домашнія послуги и работы. Особенно много терпѣли стрѣльцы отъ грабительства своихъ полковниковъ при царѣ Федорѣ, жаловались, но управы не нашли и стали волноваться. Когда царь Федоръ преставился, они заволновались пуще и подали челобитныя. Указано было справиться съ виноватыхъ полковниковъ большія на стрѣльцовъ деньги. Правили деньги по тогдашнему обычаю такъ: выводили на площадь и били по ногамъ палками. Вывели на правезъ полковниковъ; стрѣльцы толпились вокругъ нихъ и указывали, кого бить больше, кого меньше. Получивъ надъ полковниками волю, они стали собираться у своихъ избъ толпами, издѣвались надъ на-

чальниками, швыряли въ нихъ каменями, а иныхъ сбрасывали съ каланчи на-земь. Милославскіе и Софья Алексѣевна еще больше ихъ мучили, страшая великимъ зломъ, которое готовятъ имъ Нарышкины, и указывали, что Петръ съѣлъ на царство противъ закона, обойдя старшаго брата. Когда всѣми этими наущеніями и наговорами стрѣльцы были надежно настроены, царевна и ея пособники роздали имъ списокъ бояръ, которыхъ надо перебить, какъ измѣнниковъ, и велѣли ждаты.

Подшло 15 мая 1682 года. Утромъ два боярина проскакали по стрѣлецкимъ полкамъ, крича въ голосъ, что Нарышкины задушили царевича Ивана. Стрѣльцы ударили въ набатъ, забили въ барабаны и побѣжали къ Кремлю. Одинъ только Сухаревъ полкъ не поддался на наговоры и остался дома. Прибѣжавъ ко дворцу, стрѣльцы столпились у Краснаго крыльца и ревѣли неистово, чтобы имъ выдали злодѣевъ-Нарышкиныхъ. Узнавъ, изъ-за чего стрѣльцы бунтуютъ, царица вывела на крыльцо Царя Петра и царевича Ивана. Стрѣльцы, увидавъ Ивана, изумились; нѣсколько человекъ взлѣзли на крыльцо и стали спрашивать царевича, прямой ли онъ царевичъ Иванъ Алексѣевич и кто его изводитъ. «Меня никто не изводитъ, и жаловаться мнѣ не на кого», отвѣчалъ царевичъ. Стрѣльцы увидѣли, что ихъ обманули, начали переглядываться и стали-было расходиться, да одинъ неразумный человекъ испортилъ все дѣло. Главный начальникъ стрѣльцовъ, князь Долгорукій, выйдя на крыльцо, съ бранью и угрозами приказалъ имъ убраться изъ Кремля. Стрѣльцы не любили Долгорукаго и потому, услышавъ

не у мѣста его брань и угрозы, разсвирѣпли, кинулись на крыльцо, сбросили Долгорукаго внизъ на копыя и потомъ изрубили. Отъ первой крови у нихъ помутилось въ глазахъ; они устали передъ собой копыя и бросились во дворецъ искать измѣнниковъ по своему списку. Здѣсь перешарили они всѣ покои, терема, чуланы; врывались въ церкви, тыкали подъ престолы копыями. Бого не нашли въ Кремлѣ, въ царскихъ палатахъ, тѣхъ стали искать по дворамъ, въ городѣ; убивали ихъ, волокли на Красную площадь и, смѣха ради, кричали встрѣчнымъ: «сторонись, бояринъ ѣдетъ».

Вечеромъ стрѣльцы разошлись по домамъ, но на другой день, на разсвѣтѣ, съ набатомъ и барабаннымъ боемъ опять повалили ко дворцу, грозясь перебить всѣхъ бояръ, коли имъ, стрѣльцамъ, не выдадутъ брата царицы, Ивана Нарышкина. Про этого Нарышкина было имъ сказано, будто онъ хотѣлъ извести Ивана и Петра Алексѣевичей и уже примѣрялъ на себя царскій вѣнецъ. Какъ ни трусили всѣ во дворецѣ, но Нарышкина не выдали. Стрѣльцы простояли у дворца полъ-дня и разошлись, пограбивъ дорогой дворы богатыхъ, нелюбимыхъ бояръ и убивъ нѣсколько челоуѣкъ. На утро стрѣльцы снова явились передъ дворцомъ и назойливо требовали выдачи Ивана Нарышкина, клянясь, что съ пустыми руками на этотъ разъ не уйдутъ. Бояре, дрожа отъ страха, стали упрашивать царицу, чтобы она выдала брата; царевна Софья сказала ей: «брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ, не погибать же намъ всѣмъ за него». Дѣлать было нечего; Иванъ Нарышкинъ исповѣдался, причастился,

соборовался и вышелъ къ стрѣльцамъ. Они съ воплемъ на него кинулись, потащили на пытку, но не добились ни одного слова и на Красной площади разсѣли на части.

Тяжелые были эти дни. Москва будто вымерла; двери и окна были заперты; на улицахъ ни души, кромѣ буйствовавшихъ стрѣльцовъ. Во дворцѣ всѣ прятались по чуланамъ и дрожали отъ страха; одинъ маленькій Царь оставался безстрашенъ и спокоенъ. Но это спокойствіе было притворное, оно доказывало только необычную для ребенка силу духа и воли. Петръ видѣлъ, что производятся злодѣйства; понималъ, что смута затѣяна противъ него и его матери, пользуясь малымъ его возрастомъ и безсиліемъ. Горькая досада и ненависть къ врагамъ затаились въ его сердцѣ и въ памяти неискоренимо засѣли кровавые дни стрѣльчаго бунта.

Расправившись съ кѣмъ хотѣли, стрѣльцы перестали бить и грабить, но не перестали своевольничать. По наущенію царевнинныхъ пособниковъ они потребовали, чтобы были посланы въ ссылку нѣкоторые сторонники Петра, а черезъ недѣлю прислали во дворецъ выборныхъ людей просить, чтобы царствовали оба брата вмѣстѣ. Затѣяли они дѣло неслыханное, но отказа имъ не было: Иванъ сталъ первымъ, а Петръ вторымъ Царемъ. По приказу Софьи, стрѣльцовъ кормили и поили во дворцѣ по два полка ежедневно, и черезъ недѣлю они потребовали у бояръ, чтобы, по молодости обоихъ Государей, правила государствомъ царевна Софья. Согласились и на это, Софья только поломалась короткое время. А чтобы въ концѣ кон-

цовъ дать всѣмъ своимъ беззаконіямъ видъ дѣла праваго, стрѣльцы выдумали поставить на Красной площади столпъ и написать на немъ имена всѣхъ якобы злодѣевъ, которые стрѣльцами въ три дня бунта перебиты. Требованіе было наглое и срамное, но и оно было исполнено. Не размыслила царевна, что отъ своевольства стрѣлецкаго можетъ быть худо и ей самой. А такъ потомъ и случилось.

Со временъ патріарха Никона, когда родился на Руси расколъ, число раскольниковъ все росло, несмотря ни на ссылки, ни на казни. Было ихъ много и въ Москвѣ. Увидѣвъ, какое большое дѣло удалось стрѣльцамъ, они задумали натравить ихъ и на другое—поискать старую вѣру. Между стрѣльцами было много раскольниковъ; они замутились, стали собираться въ круги. Выискались люди, которые выдавали себя за искусныхъ толкователей Священнаго писанія и брались вести съ патріархомъ споръ о вѣрѣ. Это были монахъ Сергій и разстриженный попъ Нигита, прозванный Пустосвятомъ. Новый начальникъ стрѣльцовъ, князь Хованскій, держался раскола и обѣщалъ пособлять, если стрѣльцы подпишутся подъ челобитной, которую написалъ монахъ Сергій. И хоть изъ 20 стрѣлецкихъ полковъ подписались только 10, но раскольники своего замысла не оставили: на улицахъ и площадяхъ собирали народъ, толковали о Никоновой ереси и просили Хованскаго поскорѣе собрать соборъ.

Соборъ собрался въ Грановитой палатѣ; пришла царевна Софья съ сестрами, царица Наталья, патріархъ, архіереи, бояре. Раскольники ввалились въ палату шумно и безчинно и завязали съ православными го-

рячій споръ. Патріархъ показывалъ имъ старинныя книги, читалъ тѣ мѣста, которыя были потомъ испорчены и за которыя стояли раскольники. Ничто не помогало: раскольники шумѣли, ругались; Никита Пустосвятъ чуть не побилъ одного архіерея. Софья окрикала раскольниковъ и грозилась уйти вмѣстѣ съ Царями съ царства; шумъ на время стихалъ, но потомъ опять подымался; слышались даже голоса противъ царевны. Когда раскольники прочитали свою челобитную, имъ объявили, что царскій указъ будетъ сказанъ имъ послѣ. Они шумно повалили изъ Грановитой палаты и дорогой хвалились громогласно, что переспорили всѣхъ архіереевъ. Черезъ нѣсколько дней, по приказу царевны, Никиту Пустосвята схватили и казнили; другихъ раскольниковъ вожаковъ перехватили и разослали въ ссылку.

Смута раскольниковъ затихла, но тревога не улеглась. Хованскій съ каждымъ днемъ становился больше и больше царевнѣ неугоденъ; съ каждымъ днемъ накоплялись на него досады. Онъ угождалъ стрѣльцамъ всѣми способами, чтобы добыть въ нихъ вѣрныхъ себѣ слугъ и защитниковъ; отъ ихъ буйства и озорничества не стало въ Москвѣ никому житья; на улицахъ прохожіе сторонились, женщины прятались за ворота. Стрѣльцы звали Хованскаго «батюшкой» и никого, кромѣ его, не слушались; раскольники тоже были за него всей душой. Прошелъ слухъ, что онъ готовитъ новый бунтъ; появились подметныя письма, пошла тревога и въ царскомъ дворцѣ, и въ народѣ. Софья Алексѣевна стала бояться за самое себя, съ обоими Государями уѣхала за городъ и переѣзжала изъ одного

села въ другое. Когда наступили царевнины именины, Хованскій не остерегся, поѣхалъ поздравлять ее и такимъ способомъ самъ отдался ей въ руки. Его схватили на дорогѣ и въ тотъ же день казнили.

Какъ только вѣсть объ этомъ донеслась до Москвы, стрѣльцы поднялись, захватили Кремль, разставили по стѣнамъ пушки и въ немъ засѣли, не выпуская никого изъ Москвы. Но царевна не оробѣла; она собрала сильную рать изъ служилыхъ людей и стала стрѣльцамъ грозить. Увидѣвъ, что ихъ не боятся, стрѣльцы сами струсили. Они выбрали между собой тысячи три самыхъ виноватыхъ и послали съ повинною къ Троицѣ, гдѣ тогда находились Государи съ царевной. Стрѣльцовъ простили, но дали имъ новаго начальника, Шагловитаго. Онъ взялъ ихъ подъ крѣпкое начало и самыхъ буйныхъ разослалъ изъ Москвы на службу въ дальнія мѣста. Срамный столпъ на Красной площади сняли. Стрѣльцы присмирѣли.

Избавившись отъ смуты, Софья Алексѣевна принялась за дѣла государственныя. Она заключила съ Польшей вѣчный миръ, пообѣщавъ взамѣнъ того воевать Крымцевъ. Ближній любимецъ царевны, князь Василій Голицынъ, два раза ходилъ на нихъ съ большимъ войскомъ, но оба раза безъ удачи. Кромѣ военныхъ дѣлъ, царевна занималась и внутреннимъ устроениемъ государства, издала много разумныхъ законовъ, но никакой коренной новизны не вводила, а правила старымъ обычаемъ и порядкомъ.

Тѣмъ временемъ Царь Петръ входилъ въ возрастъ. Немногому научился онъ у Зотова и потомъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, не разъ объ этомъ жалѣлъ. Пришлось до-

учиваться самому; живой духъ и пытливый умъ Петра не позволяли ему оставаться въ невѣжествѣ. Бытописание родной земли, русскую исторію, онъ любилъ еще съ дѣтства; хорошо зналъ Священное писаніе, особенно посланія св. апостола Павла; многое читалъ изъ царскаго книгохранилища; на 12 или 13 году уже приказывалъ перевести на русскій языкъ книгу объ искусствѣ артиллерійскомъ и фейерверочномъ. Добывъ землемѣрный приборъ, астролябію, Петръ велѣлъ сыскать человѣка, который умѣетъ этимъ инструментомъ владѣть. Сыскали въ нѣмецкой слободѣ Москвы голландца Франца Тимермана; Петръ сталъ у него учиться геометріи и фортификаціи. Государь всюду бѣгалъ, ко всему присматривался, обо всемъ спрашивалъ, таская за собою своего учителя. Разъ, въ селѣ Измайловѣ, забрался онъ въ амбары, гдѣ хранился всякій хламъ, и, увидѣвъ небольшую лодку, спросилъ, что это такое. Тимерманъ отвѣчалъ, что это англійскій ботъ, служить при корабляхъ для ѣзды и возки, ходитъ на парусахъ по вѣтру и противъ вѣтра. Петръ сейчасъ велѣлъ отыскать человѣка, который починилъ бы ботъ и показалъ его ходъ на водѣ. Пошли опять въ нѣмецкую слободу, привели голландца Карштепа Бранта; онъ сшилъ паруса, починилъ ботъ, спустилъ его на Язу и сталъ показывать Петру, какъ ботомъ править. Ботъ худо ворочался и безпрестанно упирался въ берега, потому что рѣка узка; тогда молодой Государь приказалъ перетащить ботъ на Просняной прудъ и сталъ тѣшиться тамъ.

Такому любознательному и непосѣдливому ребенку, какъ Петръ, не могла приттись по праву чинная,

скучная жизнь во дворцѣ, среди людей, отъ которыхъ ничему не научишься, ничего новаго не узнаешь. Бъ тому же мать грустила, жаловалась на невзгуду, на обиды, корила враговъ, тайкомъ грозила имъ. Петръ не могъ помочь горю, и его потянуло вонъ изъ дворца; сталъ онъ учиться и забавляться на свой ладъ, какъ прежде не водилось.

Царевичи обыкновенно росли, какъ красныя дѣвицы, подъ бдительнымъ окомъ родителей и приставниковъ, не зная, что дѣлается на Божьемъ свѣтѣ, за дворцовыми стѣнами. До 15-лѣтняго возраста царевичъ даже въ церковь выѣзжалъ въ крытой колымагѣ и стоялъ тамъ вмѣстѣ съ матерью на особомъ мѣстѣ, завѣшенномъ тафтой. Его берегли отъ всякаго яко-бы зла: и отъ слова и отъ глаза, и отъ навожденія; онъ росъ почти сиднемъ, что сказывалось и на его здоровьѣ. Въ этомъ обычаѣ было худо, но было и добро. Отъ татарщины и другихъ невзгодъ, которыя столѣтїями выносила Русская земля, въ Русскихъ людяхъ развелись многіе пороки. Въ повседневной жизни по городамъ, селамъ, дорогамъ и торжищамъ, неокрѣпшему юношѣ мало можно было найти поучительнаго, а много вреднаго. Особенно бросался въ глаза иноземцамъ тогдашній русскій порокъ—ужасное, безмѣрное пьянство. Упивались виномъ почти всѣ, отъ стараго до малаго, отъ мірянина до инока. Понятно, стало быть, что царевичъ, живя безвыходно во дворцѣ, оберегался до времени отъ многого зла и соблазновъ. Петру выпало на долю иное: онъ проживалъ въ Преображенскомъ селѣ на полной волѣ, о его воспитаніи не радѣли, отобрали отъ него даже Зотова: Петръ

рано увидалъ грубую тогдашнюю жизнь, съ отрочества привыкалъ къ разгулу. Всякій другой на его мѣстѣ испортился бы въ конецъ, но въ Петра Господь вложилъ великую душу, одарилъ его необычайнымъ разумомъ, и потому злые плевелы не заглушили въ немъ добрыхъ зачатковъ, а только выросли вмѣстѣ съ ними, во знаменіе несовершенства человѣческаго.

На 11 или 12 году отъ роду онъ набралъ молодыхъ добровольцевъ изъ дворянъ и иноземцевъ, составилъ изъ нихъ маленькое войско, роту, которую назвалъ *потѣшною*. Рота была устроена на иноземный ладъ, потому что русскій военный строй былъ очень безпорядоченъ и плохъ. Петру помогали иноземцы изъ нѣмецкой слободы. Всѣ поступали въ потѣшную роту простыми солдатами, всякій несъ службу наравнѣ съ другими; служилъ такъ и Петръ. Ему можно было дать 15 лѣтъ отъ роду: былъ онъ статенъ, высокъ ростомъ; на головѣ вились темнорусыя кудри, на щекахъ игралъ румянецъ; въ большихъ черныхъ глазахъ сверкали умъ и огонь; голосъ былъ звучный, походка и всѣ движенія смѣлы и живы. Онъ долгое время служилъ въ потѣшномъ войскѣ рядовымъ; на службѣ спалъ вмѣстѣ съ другими въ шатрѣ или въ караульнѣ на лавкѣ; ночью и днемъ выстаивалъ свою очередь часовымъ; въ артели ѣлъ простую солдатскую пищу; въ земляной и всякой иной работѣ работалъ заурядъ со всѣми. Потѣшное войско росло съ каждымъ годомъ; въ него записывались, въ угоду молодому Царю, люди разныхъ сословій—и иноземцы, и дѣти бояръ, и простолюдины. Въ 1687 году число потѣшныхъ такъ выросло, что Петръ составилъ

изъ нихъ два полка, Преображенскій и Семеновскій; воинскія потѣхи пошли на широкую ногу. Вмѣстѣ съ сухопутной забавой выростала и водяная. На Просняномъ прудѣ стало Петру тѣсно; онъ отпросился у матери на Переяславское озеро и съ товарищами принялся строить тамъ корабли, по указаніямъ мастеровъ Бранта и Корта, причемъ своеручно работалъ, какъ простой плотникъ. Царица Наталья очень любила своего сына; она не хотѣла ему перечить, но страшилась его смѣлости, опасалась либо увѣчья, либо какой другой бѣды. Чтобы отучить сына отъ непосѣдливости, отъ долгихъ изъ дома отлучекъ, она рѣшилась его женить. Петръ согласился и женился въ январѣ 1689 года, когда ему не исполнилось еще 17 лѣтъ, на дѣвицѣ Евдокии Лопухиной. Но надежда царицы Натальи не сбылась: въ апрѣлѣ Петръ былъ уже на Переяславскомъ озерѣ, готовилъ къ спуску на воду корабли, писалъ къ матери про свой недосугъ, просилъ благословенія, называлъ себя: «сынишка твой, Петрушка, въ работѣ пребывающій».

И точно, молодому Петру было очень недосужно: ученье у Тимермана, забавы на сушѣ и на водѣ, постройка потѣшной крѣпости Пресбурга, обученіе полковъ и, въ промежуткахъ между работой, веселые пиры съ товарищами. Царевна Софья не вступалась въ его затѣи, но къ слову обзывала потѣшныхъ озорниками и втихомолку распускала молву, что Петръ сталъ никуда негоднымъ пьяницей. Не мѣшая брату, она однако зорко слѣдила за нимъ, и кто входилъ къ нему въ милость, тому отъ Софьи грозила бѣда. Недаромъ опасалась царевна: Петръ вошелъ уже въ юно-

пескiй возрастъ, завелъ свою собственную силу — потѣшныхъ и началъ ей, Софьѣ, перечить. Разъ, въ 1689 году, въ соборѣ, онъ приказалъ сестрѣ не ходить въ крестномъ ходѣ; царевна ослушалась, взяла икону и пошла; Петръ разгнѣвался и сейчасъ уѣхалъ изъ Москвы. Послѣ второго крымскаго похода, Софья съ трудомъ уговорила Петра дать князю Василю Голицыну благодарственную за службу грамоту и пожаловать его наградой. Но когда князь и воеводы просились предъ царскія очи, чтобы за пожалованье благодарить, то Петръ не согласился и къ себѣ ихъ не допустилъ.

Такіе поступки молодого Царя сильно беспокоили Софью и ея сторонниковъ. Она ужъ звалась Самодержицей и подумывала о дѣлѣ неслыханномъ — вѣнчаться на царство. Шакловитый принялся уговаривать стрѣльцовъ, чтобы они подали Государямъ объ этомъ челобитную, а коли успѣха не будетъ, то встали бы бунтомъ. Но стрѣльцы не поддались: самыхъ смѣлыхъ и буйныхъ въ Москвѣ ужъ не было. А такъ какъ вся сила Шакловитаго состояла въ милости Софьи, то, чтобы царская власть не ушла изъ ея рукъ, онъ рѣшился убить Царя Петра и его мать. Ему взялись помогать 5 человекъ стрѣльцовъ.

Вечеромъ 7 августа 1689 года, Шакловитый собралъ въ Кремль стрѣльцовъ, пустивъ молву, будто Петръ идетъ на свою сестру съ потѣшными. Двое стрѣльцовъ бросились на коней и поскакали въ Преображенское, оповѣстивъ Государя про недобрые замыслы Шакловитаго. Испуганный Петръ вскочилъ съ постели, бросился на конюшню, сѣлъ на коня и уска-

калъ въ ближній лѣсъ. Сюда принесли ему платье; онъ одѣлся и поскакалъ со своими, кто только былъ готовъ, къ Троицѣ. Туда же 8 августа прибыла царица Наталья съ дочерью и невѣсткой; пріѣхали многіе бояре, пришли потѣшныя и Сухаревъ стрѣлецкій полкъ. Дѣло завязывалось нешуточное: грозила усобица; Москва пришла въ ужасъ. Петръ прислалъ указъ, чтобы начальники стрѣлцкихъ и солдатскихъ полковъ и по 10 рядовыхъ съ полка явились къ Троицѣ; Софья ихъ не пустила, а отправила туда патріарха, чтобы помирилъ ее съ братомъ. Патріархъ поѣхалъ, да тамъ и остался. По второму указу Петра, стрѣлцкіе начальники и по 10 стрѣльцовъ съ полка пошли къ Троицѣ. Видя, что дѣло поворачиваетъ худо, царица, скрѣпя сердце, сама отправилась къ Троицѣ, но на дорогѣ встрѣтила посланца отъ брата: Петръ грозилъ, что если она не вернется въ Москву, то съ ней будетъ поступлено нечестно. Царица вернулась, но все еще не смирилась. Петръ прислалъ указъ, чтобы выдали ему Шакловитаго съ пособниками, поимянно; Софья не послушалась. Царь послалъ другой указъ; стрѣльцы пришли въ Кремль толпами и стали грозиться, что возьмутъ Шакловитаго силой, коли царица не выдастъ его волей. Нечего было дѣлать Софьѣ, всѣ ее оставили; она выдала Шакловитаго и стала ждать своей доли.

Шакловитаго казнили, ближняго царевнина любимца, Василія Голицына, послали въ дальнюю ссылку; Софью Алексѣвну посадили въ монастырь. Вся власть самодержавная перешла въ руки Петра; братъ его Иванъ до самой смерти ни во что не вступался.

Но Петра занимали пока только потѣхи да ученіе; онъ передалъ правленіе государственное въ руки ближнихъ надежныхъ людей, а самъ продолжалъ учиться. Настоящаго, правильнаго ученья не было ни прежде, ни послѣ, потому что не было настоящихъ учителей; Тимерманъ, напимѣрь, самъ ошибался въ простомъ ариѳметическомъ сложеніи. Таковы были и другіе нѣмцы московскіе; они выросли въ странахъ просвѣщенныхъ, въ дѣтскіе годы учились, но больше выучились житейскимъ опытомъ: многое извѣдали, ко всему присмотрѣлись, особенно къ военному дѣлу; ничто имъ не было въ диковинку, всего они знали понемногу. На дѣлѣ выходило, что Петръ учился самоучкой и собственнымъ упорнымъ трудомъ добивался всякаго знанія; московскіе нѣмцы только пособляли ему, въ чемъ могли. Пособляли они ему и въ другомъ дѣлѣ, въ спорѣ съ царевной Софьей; не мудрено, что Петру захотѣлось сойтись съ ними поближе. Въ апрѣлѣ 1690 года онъ, первый изъ Московскихъ государей, посѣтилъ домъ иноземца, бывалаго и опытнаго воина Гордона; потомъ побывалъ у другого иноземца, Лефорта, и сталъ посѣщать нѣмецкую слободу все чаще. Тутъ ему рассказывали про иноземные обычаи, про устройство разныхъ государствъ, про тамошнюю жизнь, промыслы, торговлю. Онъ слушалъ толки про дѣла въ Европѣ, знакомился съ разными мыслями объ одномъ и томъ же дѣлѣ, узнавалъ про многое такое, чего на Руси не слыхали и не видали. Иноземцы нѣмецкой слободы были большею частію народъ веселый, беззаботный, охотники и выпить, и погулять; пировали по два, по три дня сплошь, не

ложась спать; пили до безчувствія, плясали до упаду. Вмѣстѣ съ мужчинами веселились и женщины; не было у нихъ и слѣда чопорности. Петръ также ее не терпѣлъ; веселая жизнь московскихъ иноземцевъ приплась ему по вкусу; онъ уже раньше отвыкъ отъ чинныхъ и скучныхъ дворцовыхъ обычаевъ, а теперь, найдя занимательныхъ, веселыхъ собесѣдниковъ, пустился вмѣстѣ съ ними въ широкій разгулъ.

Пиры и всякое веселье не мѣшали однако воинскимъ и водянымъ потѣхамъ; напротивъ, Царь предавался имъ усерднѣе прежняго, не жалѣя ни себя, ни другихъ. При штурмѣ Семеновскаго двора ему опалило лицо; въ одномъ примѣрномъ бою Лефортъ былъ такъ сильно раненъ, что 4 недѣли не выходилъ изъ дому; князь Иванъ Долгорукій получилъ тяжелую рану, отъ которой и умеръ. Въ 1694 году была большая воинская потѣха подлѣ деревни Кожуховой и тянулась больше мѣсяца; одна армія обороняла, другая брала крѣпость. Тутъ дѣлали подкопы, производили вылазки, устраивали приступы; дѣло не обошлось безъ раненыхъ, были даже убиты. Точно такъ же, если не больше, забавлялся Петръ на водѣ. На Переяславскомъ озерѣ строились корабли; Петръ былъ въ безпрестанной работѣ; ближніе бояре съ трудомъ могли его уговорить съѣздить въ Москву, чтобы принять персидскаго посла. Стали спускать корабли, начались морскія ученья, но озеро показалось Петру тѣсно, и въ іюль 1693 года онъ поѣхалъ къ морю, въ Архангельскъ, гдѣ отъ вѣка не бывалъ ни одинъ Московскій государь. Тутъ Русскіе люди, поморскіе жители, умѣли строить мореходныя суда, не по наукѣ, а по старымъ обычаямъ.

Петръ заложилъ корабль, другой заказалъ въ Голландіи, часто ѣзжалъ къ архіепископу Аѳанасію, толковалъ съ нимъ о морскомъ и корабельномъ дѣлѣ, обѣдалъ и ужиналъ у иноземныхъ купцовъ и корабельныхъ капитановъ.

Тѣмъ временемъ скончалась царица Наталья. Петръ горько плакалъ по матери, но дѣла не бросилъ и ранней весной снова уже былъ въ Архангельскѣ. Отсюда пустился онъ въ Соловки, поклониться мощамъ св. Савватія и Зосимы. Въ морѣ захватила его страшная буря, гибель была неминуемая; преосвященный Аѳанасій приобщилъ Государя св. Тайнъ. Одинъ изъ ѣхавшихъ на кораблѣ, бывалый мореходъ и искусный кормчій Антонъ Тимоѳеевъ, взялся провести корабль между подводныхъ камней къ берегу. Государь принялся-было ему указывать, но Тимоѳеевъ отвѣчалъ: «поди прочь, не мѣшай», въ скоромъ времени ввелъ корабль въ заливъ и бросилъ якорь близъ берега. Послѣ этого Тимоѳеевъ упалъ Царю въ ноги и сталъ просить прощенія за свою грубость; Петръ обнялъ его, трижды поцѣловалъ въ голову, пожаловалъ ему денегъ, подарилъ свое измокшее платье. Сойдя на землю, Государь своеручно сколотилъ 1¹/₂-саженный крестъ и поставилъ его на берегу, въ воспоминаніе своего спасенія.

Въ ожиданіи корабля, заказаннаго въ Голландіи, Петръ учился корабельной службѣ, начавъ съ самыхъ низшихъ чиновъ. Рассказывали, что онъ пошелъ въ ученье къ одному голландскому шкиперу, который, увѣрившись, что Царь хочетъ настоящей службы, велѣлъ ему сначала быть юнгой, корабельнымъ маль-

чиномъ, потомъ матросомъ. Петру пришлось закуривать и подавать трубку, подносить водку, потомъ лазить по мачтамъ, закрѣплять паруса, натягивать и завязывать веревки и исполнять всякое матросское дѣло. Видя, что Петръ исправно и охотно справляетъ черную работу, шкиперъ не вытерпѣлъ и, когда Петръ лѣзь зачѣмъ-то на мачту, онъ бросилъ вверхъ свою шляпу и крикнулъ во весь голосъ «ура», а за нимъ подхватила вся команда. Неизвѣстно, было ли все это такъ на самомъ дѣлѣ или для красного словца что прибавлено, только на правду очень похоже.

Когда пришелъ, наконецъ, изъ Голландіи заказанный корабль о 40 пушкахъ, радости Петра не было мѣры. Пошли шумные пиры, послѣ пировъ Государь отправился провожать иноземныхъ купцовъ и плыть съ ними далеко, до самаго дальняго края Бѣлаго моря.

Всѣ эти и другія потѣхи Государь справлялъ со всегдашней своей компаніей. Въ компанію его входили люди именитые и простые, богатые и бѣдные, русскіе и иноземцы — люди всѣхъ званій и сословій. Петръ былъ молодецъ, но его орлиный взглядъ уже вѣрно различалъ людей, такъ что въ зрѣлые годы рѣдко приходилось Государю мѣнять за негодность тѣхъ, кого онъ къ себѣ приблизилъ въ молодости. Правда, въ числѣ ближнихъ людей были и такіе, которые годились только на забавы да на веселье, но Петръ ихъ съ самаго начала и отмѣтилъ. Набольшаго между ними, Никиту Зотова, прежняго своего учителя, Петръ въ шутку пожаловалъ титуломъ князя-папы и приставилъ къ нему «всенутѣйшій и всепьянѣйшій соборъ» изъ самыхъ горькихъ пьявицъ. Для собора этого онъ

собственноручно написалъ потомъ смѣхотворный уставъ съ особыми обрядами, порядками и чиномъ. Позже Государь установилъ еще санъ князя-кесаря, пожаловалъ этимъ саномъ князя Федора Ромодановскаго, воздавалъ ему царскія почести, писался его низайшимъ подданнымъ, принималъ отъ него производство въ чины и проч. Въ шутовскихъ свадьбахъ ѣздили на козлахъ, свиньяхъ, собакахъ; одѣвались въ кули мочальные, соломенные сапоги, лычныя шляпы: пиры были хмельны и шумны, всѣ веселились отъ души; даже князь-папа и князь-кесарь ни мало не тяготились своими чинами и шутовскою по нимъ службою. Петру же пиры и забавы служили отдыхомъ; тамъ всѣ были равны, тамъ онъ снималъ съ себя свой высокій санъ и веселился какъ простой человѣкъ. И отъ этого дѣло не пострадало нисколько.

II. Азовскіе походы.

Въ началѣ царствованія Петра Алексѣевича, Россія на сѣверѣ примыкала къ Ледовитому океану и Бѣлому морю; западная ея граница шла мимо Онежскаго и Ладожскаго озеръ на Чудское озеро, а оттуда за Днѣпръ, такъ что Финляндія, Прибалтійскія губерніи и весь нынѣшній западный край лежали за рубежомъ. Полуденная граница далеко не доходила до Чернаго моря, а тянулась по степямъ, черезъ низовья

Дона на Терекъ. Въ Сибири безспорныхъ границъ, не было, мѣста лежали вольныя.

Велико было Московское государство, но громадность эта служила ему не въ силу, а въ безсиліе. Рубежи тянулись большею частью открытые, длинные, на крѣпкую оборону негодныя; моря были неудобныя. По Ледовитому океану можно было плавать и промыслами заниматься всего три-четыре мѣсяца въ году. Таково почти было и Бѣлое море: по немъ шла кое-какая черезъ Архангельскъ торговля, но морской путь въ Европу былъ далекъ и труденъ. Каспійское море лежало внутри разныхъ земель, небогатыхъ и дикихъ.

Морской силы, ни торговой, ни военной, въ Московскомъ государствѣ не было; была сила сухопутная, но и та страшна казалась только многолюдствомъ. Издавна русская рать составлялась изъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, которые шли на военную службу по государеву указу и вели съ собой людей, смотря по достатку каждаго. Созывалась рать только на военное время, а какъ война кончилась, распускалась по домамъ. Такія рати бывали иногда очень велики, въ сотню тысячъ ратниковъ и больше, но истиннаго военного устройства не имѣли. Люди шли на войну отъ сохи, либо отъ промысла, военной службѣ необученные. Владѣть оружіемъ учились ужъ на войнѣ, ружья были плохи; оборонялись больше ручнымъ боемъ, ржавыми копыями и бердышами. На конное войско стыдно было смотрѣть: кони негодны, сабли тупы, люди безодежны. Въ артиллеріи чуть не каждая пушка разнилась отъ другой и могла стрѣлять только своими ядрами. Всякій долженъ былъ кормиться своей забо-

той, оттого за ратью тянулись огромные обозы; когда харчей не хватало, ратники бѣжали домой, либо грабили, либо гибли съ голода. Такое войско не могло стоять въ бою крѣпко; у ратныхъ людей была забота не о томъ, чтобы непріятеля побить, а какъ бы самимъ уберечься. Въ бояхъ приходилось мѣнять по 3, по 4 свои головы на одну непріятельскую, да и то въ великую заслугу ставилось. Размышляли многіе: «кабы рану легкую нажать и отъ великаго государя получить пожалованіе»; сложилась поговорка: «дай Богъ великому государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать».

Русскій человекъ никогда не былъ трусомъ, и эти самые люди, которые боялись боя, прятались за кустами и бѣжали отъ малочисленнаго непріятеля, были бы хорошими воинами, еслибы войско устраивалось, снаряжалось и обучалось какъ слѣдуетъ. Наука всему начало и душа, а ея-то и не было. Оттого Русскіе люди всячески отдѣлывались отъ службы воинской, приписывались къ другому дѣлу, ублажали воеводъ и сыщиговъ, отпрашивались изъ войска; задаривая воеводъ и сотенныхъ головъ, бѣгали изъ полковъ самовольно. Наказанія за побѣгъ были жестоки, но не помогали.

Иванъ Грозный завелъ постоянное, безсмѣнное войско, стрѣльцовъ; но и они не были настоящими воинами: жили домами, промышляли, торговали. Цари Алексѣй и Федоръ пытались устроить и обучить ихъ на европейскій ладъ, но стрѣльцамъ это не нравилось, и толку изъ тѣхъ попытокъ не вышло. Съ Ивана Грознаго и особенно съ Бориса Годунова, Мо-

сковскіе государи стали нанимать иноземцевъ, но государство было бѣдно и большого войска изъ иноземцевъ держать не могло. Да и были иноземные наемники ненадежны, служили всякому, кто больше дастъ, и потому Московское государство не разъ видѣло отъ нихъ вредъ вмѣсто пользы. Завелись кое-какіе пограничные военные поселяне, но ихъ было мало; появились полки, устроенные на иноземный ладъ, но и они собирались только передъ войной, въ мирное время жили по домамъ, какъ простые селяне, и лишь день или два въ недѣлю обучались военному дѣлу. Изъ двадцати человѣкъ едва одинъ умѣлъ владѣть оружіемъ, на войнѣ каждый кормился самъ на кормовыя деньги, не было въ этихъ полкахъ ни военного духа, ни строгаго послушанія начальникамъ, т.-е. дисциплины. Служили еще на войнѣ казаки, но они привыкли воевать изъ-за добычи и за надежное войско считаться не могли.

Такова была русская военная сила при воцареніи Петра Алексѣевича. Оставаться съ нею государству было опасно; оно не могло оборониться отъ храбраго и хорошо устроеннаго, хотя и малолюднаго врага, а враговъ кругомъ было много. Надо было устроить военную силу совсѣмъ на новый ладъ, а не класть заплаты на старомъ рублищѣ, какъ дѣлалось дотолѣ. Сухопутныя и морскія потѣхи Петра Алексѣевича къ этому и вели. Забавляясь, онъ снарядилъ и обучилъ на европейскій образецъ небольшое регулярное войско, какового въ Московскомъ государствѣ прежде не видали. Оставалось испробовать — хорошо ли дѣло сдѣлано и такъ ли дѣлать впередъ. Государь

въ этому и приступилъ, а больше всѣхъ пособилъ ему въ такомъ рѣшеніи одинъ иноземецъ, Францъ Лефорть.

Лефорть былъ родомъ изъ Женевы и еще при Алексѣѣ Михайловичѣ пріѣхалъ въ Россію искать счастья и службы. Прежде другихъ иноземцевъ явился онъ къ Петру, когда между Царемъ и царевной встала распря, и этого Петръ не забылъ. Лефорть былъ челоуѣкъ мало просвѣщенный, въ военномъ дѣлѣ знатокъ небольшой, въ морскомъ и того меньше. Зато въ жизни своей онъ много видѣлъ и извѣдалъ, говорилъ складно и красно на четырехъ языкахъ, имѣлъ веселый и открытый нравъ, острый умъ и доброе сердце. Никто не умѣлъ такъ хорошо устраивать пиры, какъ Лефорть; никто не умѣлъ такъ угодить Петру своими разказами. Ради всѣхъ этихъ Лефортовыхъ качествъ, молодой Государь мало-по-малу вошелъ съ нимъ въ пріязнь и потомъ полюбилъ его такъ, какъ никого не любилъ. Лефорть тоже полюбилъ Петра, предался ему всей душой и оставался вѣрнымъ его слугою до смерти. Онъ не употреблялъ во зло царской безпредѣльной къ нему милости, никому не вредилъ, не обходился съ Русскими людьми высокоувно; не только не оттиралъ ихъ отъ Царя, но совѣтовалъ ему приближать къ себѣ Русскихъ, давать имъ ходъ. Онъ не вступался въ дѣла государственныя, не добивался почестей и власти, не навязывался со своими совѣтами и указаніями, какъ дѣлаютъ царскіе любимцы всегда и вездѣ. Можетъ статья, Царь цѣнилъ своего любимца больше, чѣмъ онъ стоилъ; вѣрно однакожъ то, что онъ имъ дорожилъ не на однихъ пирахъ. Иначе не

спрашивалъ бы онъ у Лефорта совѣтовъ въ дѣлахъ важныхъ, не давалъ бы ему высокихъ государственныхъ служебъ, а приставилъ бы къ шутовскому дѣлу, какъ Никиту Зотова. Конечно, не Лефорту обязана Русская земля дѣлами своего Царя. Лефортъ былъ человѣкъ рядовой, а дѣла великія рождаются изъ великой души и не созидаются съ чужого голоса. Однако все-таки, благодаря доброму совѣту Лефорта, Государь перешелъ отъ потѣхъ къ дѣлу.

Государя тянуло больше всего къ морю; стало дѣло затѣмъ—до какого моря добраться. Бѣлое море лежало далеко, въ холодной и бѣдной сторонѣ; Балтійскимъ моремъ владѣли Шведы, самый сильный народъ на сѣверѣ; закрытаго Каспійскаго моря очень добиваться не стоило. Лефортъ далъ совѣтъ—добывать море Азовское, что сливается съ Чернымъ. По нуждѣ оно годилось: рѣкою Дономъ можно было сплавлять къ нему русскіе товары и перевозить въ Россію иноземные. Но чтобы владѣть Азовскимъ моремъ, надо было владѣть Азовомъ; туда Государь и рѣшилъ походить. Поводы къ войнѣ были: Татары нѣсколько лѣтъ сряду пустошили порубежныя земли. Татары жили подъ властью Турокъ, съ Турками воевали тогда Нѣмцы,—значить время для войны было удобное. Положено снарядить рать стараго строя къ низовьямъ Днѣпра, а полки новаго строя съ московскими стрѣльцами и казаками послать воевать Азовъ.

Много въ народѣ живетъ пѣсенъ про азовскіе походы. Въ одной изъ нихъ поется:

Собирается Православный Царь подъ крѣпкій Азовъ-городъ,
Собираетъ онъ телѣженекъ сорокъ тысячей,

Въ каждую телѣжку сажалъ по пяти молодчиковъ,
 По шестому приставлявалъ по извозчику,
 Убывали сукнами багрецовыми,
 Убивали гвоздочками полужонгами.

Старого строя рать отправилась; въ апрѣлѣ 1695 года двинулись и полки новаго строя, водой и сухимъ путемъ, къ устью Дона. Начальство надъ этимъ войскомъ дано тремъ генераламъ — Автамону Головину, Лефорту и Гордону; Государь, подъ прозваніемъ бомбардира Петра Алексѣева, велъ бомбардирскую роту. Войска было 31.000, да кромѣ того пришло 7.000 донскихъ казаковъ и 5.000 калмыковъ и казаковъ яицкихъ (уральскихъ) и астраханскихъ. Походъ выпалъ не легкій: за недостаткомъ лошадей, людямъ пришлось трое сутокъ тащить на себѣ пушки и огнестрѣльные припасы, подрядчики не выставили съестного запаса; рѣчныя суда запаздывали. Съ большимъ трудомъ войско собралось подъ Азовъ и осадило городъ.

Туркамъ подвозились всѣ нужные припасы моремъ, а къ Русскимъ подвозъ былъ труденъ: по обоимъ берегамъ Дона стояли двѣ турецкія каланчи, между ними были протянуты цѣпи и набиты сваи. Про это упоминается и въ пѣснѣ:

Ой не дай, Боже, Азовцамъ ума-разума того,
 Не поставили бъ они на усть-рѣчки каланчи,
 Не перекинули бъ цѣпи черезъ славный тихій Донъ,
 Не подвели бы они струны ко звонкимъ колоколамъ.

Донскіе казаки взяли одну каланчу, но Турки отомстили за эту удачу: въ самое знойное время дня,

когда всѣ спали, они ворвались въ русскій лагерь, побили сонныхъ, захватили 9 пушекъ и изъ остальныхъ многія перепортили.

На сонныхъ на нихъ добрыхъ молодцовъ понаѣхали, Сонныхъ добрыхъ молодцовъ всѣхъ порубили, Казачьяго атаманушку въ полонъ взяли, Посадили его добра-молодца въ темну темницу.

Однако скоро послѣ того Турки сами покинули другую каланчу; въ нее засѣли казаки, и Русскимъ стало повольнѣе, но дѣло все-таки не двигалось. Два раза русское войско штурмовало Азовъ и оба раза безъ удачи, а осень ужъ подходила. Посадили въ каланчи 3.000 человекъ и пошли домой.

Походъ не удался. Самъ Государь начиналъ порохомъ бомбы, самъ прицѣливалъ пушки, стрѣлялъ изъ нихъ и работалъ въ окопахъ подъ ядрами и пулями. Глядя на своего безстрашнаго Царя, Русскіе служили усердно и бились стойко. Особенно отличался Гордонъ; онъ велъ оба раза приступъ къ крѣпости, и въ городъ ужъ ворвались войска, зайдя съ Дона, но удержаться не могли. Подкопами, что Русскіе вели подъ крѣпость и потомъ взрывали, побивало не Турокъ, а своихъ. Три военачальника распоряжались каждый по своему, и выходила изъ того безледица. Однимъ словомъ, много было старанья и смѣлости, но не доставало умѣнья. Къ довершенію худа, на возвратномъ пути захватили ранніе морозы и съѣстного запасу не достало; много народу погибло отъ голода и холода; на 800 верстахъ валялись закоченѣвшіе трупы.

Въ концѣ ноября Петръ вступилъ въ Москву съ

торжествомъ; однако неудачу его видѣли всѣ и толковали тайкомъ, что Богъ не благословилъ Царя потому, что онъ отдалъ православныхъ подъ начало нѣмцамъ. Будто на-смѣхъ, въ осужденіе затѣй Петра, рать стараго строя, что ходила къ устьямъ Двѣпра, взяла два города и вернулась благополучно.

Неудача сильно опечалила Петра, но отъ задуманнаго дѣла не отбила. На пути въ Москву онъ писалъ къ иноземнымъ государямъ письма, просилъ прислать къ будущему году искусныхъ инженеровъ и подкопныхъ мастеровъ. А чтобы Турки не могли пособлять Азову съ моря, Государь рѣшилъ построить зимой кораблей. Замыселъ былъ громадный и почти несбыточный: въ Московскомъ государствѣ не было ни свѣдущихъ корабельныхъ мастеровъ, ни верфей, гдѣ строить корабли, ни людей, къ корабельной службѣ привычныхъ. Только разъ, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, строили корабль для Волги и Каспійскаго моря, да и тотъ сжегъ Стенька Разинъ. Времени тоже оставалось мало,—всего одна зима. Петръ это зналъ, но настоялъ на своемъ.

Приѣхавъ въ Москву, онъ приказалъ выслать изъ Архангельска всѣхъ мастеровъ съ зазимовавшихъ английскихъ и голландскихъ кораблей. Въ селѣ Преображенскомъ, изъ сырого и мерзлаго лѣса, стали рубить 26 судовъ, чтобы потомъ по частямъ перевезти ихъ къ мѣсту. Работали Преображенскіе и Семеновскіе солдаты; согнали плотниковъ изъ разныхъ мѣстъ; привели и иноземцевъ, какіе нашлись. На Дону, подъ Воронежемъ, задумано заложить верфь и указано рубить и пилить лѣсъ, годный на корабельное дѣло;

приказано согнать для этого 26,000 рабочихъ, собрать по наряду съ обывателей смолу и конопать, а съ желѣзныхъ заводовъ скобы, крючья и гвозди.

Работа закипѣла, а главный работникъ, Государь, захворалъ: у него сильно разболѣлась нога, такъ что ступить было нельзя. Только въ началѣ февраля онъ немного поправился и съ недолѣченной ногой поѣхалъ въ Воронежъ. Въ это время скончался Царь Иванъ; до его кончины Петръ былъ единовластителемъ на дѣлѣ, теперь сталъ такимъ и по званію. Прибывъ въ Воронежъ, онъ забылъ и боль, и печаль о братѣ и, помѣстившись въ маленькомъ домикѣ, въ двѣ горенки, сталъ нагонять потерянное время. Цѣлыми днями, съ утра до ночи, составлялъ онъ корабельные чертежи и работалъ на верфи съ топоромъ въ рукахъ. Помѣхъ было много: корабельные мастера изъ Архангельска запоздали; работники бѣгали съ работъ тысячами, солдаты, идучи къ Воронежу, дурили и безчинствовали; извозчики съ дороги бѣгали и бросали казенныя вещи вмѣстѣ съ подводами. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, въ кузницахъ не стало угля; загорѣлись лѣса, гдѣ рубились струги; въ мартѣ полили проливные дожди, а потомъ ударилъ сильный морозъ, такъ что рѣна снова стала, дерево заледенѣло и работа прекратилась.

Недешево обошлась эта горячая пора и Государю, и народу; много Петръ подъялъ труда и вынесъ душевной муки; много потерпѣлъ отъ работы, стужи и голода народъ, согнанный съ разныхъ мѣстъ къ государеву дѣлу. Зато въ апрѣлѣ спущено на воду 30 боевыхъ судовъ и 1,300 грузовыхъ строговъ. Самая

лучшая галера была та, которую Государь строилъ своеручно.

Не теряя времени, струги съ войскомъ поплыли внизъ, за стругами тронулся флотъ, и къ концу мая 1696 года всѣ прибыли къ Черкасску.

Войско было гораздо больше прошлогодняго, потому что набрали немало добровольцевъ, даже изъ крѣпостныхъ. Правда, обученныхъ по новому было мало, какъ и прежде, всего четыре полка потѣшныхъ, но неудача перваго похода пошла въ пользу. Все сухопутное войско Петръ отдалъ подъ начальство одному воеводѣ, боярину Алексѣю Шейну, всѣмъ флотомъ велѣлъ командовать Лефорту, а самъ принялъ чинъ капитана и плылъ на галерѣ, которую собственноручно построилъ.

Еще не весь флотъ собрался, какъ уже начались военныя дѣйствія. На морѣ, въ виду Азова, стоялъ турецкій флотъ; донскіе казаки сторожили его на своихъ лодкахъ скрытно, издали. Турки послали въ Азовъ 24 легкія судна со съѣстнымъ запасомъ; когда суда эти выгрузились и плыли отъ крѣпости назадъ, казаки напали на нихъ внезапно и захватили 10 судовъ. Остальнымъ удалось уйти, но они надѣлали у своихъ такой переполохъ, что весь турецкій флотъ спѣшно поднялъ якоря и поплылъ въ море. Запоздали только два корабля; одинъ затопили сами Турки, чтобы не достался Русскимъ, другой захватили казаки. Государь очень порадовался этой побѣдѣ и, какъ только нагнало вѣтромъ морской воды въ обмелѣвшую рѣку, вышелъ съ галерами на взморье и загородилъ Туркамъ путь къ Дону. Скоро они появились, везя подмогу Азовцамъ, и хотъ были гораздо сильнѣе Русскихъ, но на бой

не рѣшились и простояли двѣ недѣли, выжидая, а потомъ повернули назадъ и уплыли въ море.

Иноземные инженеры не прибывали, осадное дѣло безъ нихъ не двигалось. Бомбами русскими были разбиты городскіе дома, но военныя укрѣпленія стояли нетронутыя. Русскіе начали было насыпать стародавнимъ порядкомъ земляной валъ въ уровень съ крѣпостной стѣной, да подоспѣли давно-желанные мастера. Они повели дѣло на славу; крѣпостныя стѣны начали осыпаться; казаки бросились на штурмъ, захватили валъ, ворвались въ улицы и чуть не завладѣли крѣпкимъ замкомъ, однако были выбиты и засѣли только на валу.

На восходѣ было краснаго солнышка,
 На закатѣ было свѣтлаго мѣсяца,
 На зорѣ они на приступъ пошли
 Подъ тотъ-ли подъ славный подъ Азовъ-городъ,
 Что подъ тѣ-ли стѣны бѣлокаменные,
 Что подъ тѣ-ли раскаты высокіе.
 Что не съ горъ бѣлы камни покаталися:
 Покаталися со стѣнъ непріатели;
 Не бѣлы снѣга въ полѣ забѣлѣлися:
 Забѣлѣлися бѣлы груди басурманскія;
 Что не съ дождика потоки разливалися:
 Разливалася ручьями ихъ багрова кровь.

Войскамъ велѣно ужъ было готовиться къ приступу, но до него, къ счастью, дѣло не дошло. Туркамъ неоткуда было ждать подмоги, запасовъ у нихъ оставалось мало, свинцу не хватало, такъ что стрѣляли разрубленной серебряной монетой. Видя, что рассчитывать на подмогу нельзя, они сдались.

Велика была радость Русскихъ, но больше всѣхъ радовался Государь. Галеры подошли съ моря и открыли заздравную, привѣтственную пальбу. Петръ оповѣстилъ о взятіи Азова ближнихъ людей своеручными письмами: «нынѣ со св. Павломъ радуйтесь всегда о Господѣ и, паки реку, радуйтесь». Получивъ добрую вѣсть, патріархъ велѣлъ въ Москвѣ ударить въ большой колоколъ; всѣ благодарили Бога за великую дарованную милость: еще въ первый разъ Русскіе одержали знатную побѣду надъ страшными всей Европѣ Турками.

Одно дѣло было покончено, осталось другое: закрѣпить за собой Азовское море, чтобы не только Турки не захватили его снова, но чтобы намъ самимъ пробраться въ Черное море и открыть по немъ путь для русской торговли. Для этого Государь положилъ построить на Азовскомъ побережьи нѣсколько крѣпостей и завести грозную морскую силу. Не теряя времени, онъ самъ отправился на галерахъ въ море, осмотрѣлъ берега, на Таганьемъ рогѣ назначилъ строить крѣпость и гавань, выбралъ мѣсто и для другой малой крѣпости. Цѣлый день Государь провелъ въ усиленномъ трудѣ; ночь проспалъ въ лодкѣ, на голой лавкѣ, голодный; на другой день продолжалъ поиски и только къ вечеру вернулся къ Азову. Здѣсь тоже кипѣла работа: войско трудилось день и ночь, безъ отдыха; праздниковъ не знали, работали даже въ Преображенъе. Выросла грозная крѣпость; Государь велѣлъ оставить въ ней для обороны большой гарнизонъ, а остальнымъ собираться въ обратный путь, домой.

Тѣмъ временемъ довѣренный человѣкъ Государя, сынъ переселившагося въ Россію иноземца, Виніусъ, строилъ въ Москвѣ триумфальныя ворота, чтобы достойно почествовать побѣдителей. Это была новинка на иноземный ладъ, прежде про такія ворота на Руси не слыхивали. Ворота были выстроены въ 5 сажень вышины, 7 и 8 сажень ширины, разукрашены знаменами и разнымъ оружіемъ, картинами, статуями и многими подходящими къ дѣлу надписями. Государь немного запоздалъ, объѣзжая въ Тульскомъ уѣздѣ желѣзные заводы, надзирая за отливкою пушекъ, бомбъ, за ковкою якорей. Лишь 30 сентября произошло торжество, народу сбѣжалось многое множество. Начальники ѣхали въ богатыхъ золоченыхъ каретахъ шестерикомъ, пѣли пѣвчіе, въ поводу вели разукрашенныхъ коней, шло войско. Государь, въ мундирѣ морского капитана, шелъ пѣшкомъ со своей ротой отъ Серпуховскихъ воротъ до самаго Преображенскаго. Старикъ Виніусъ съ верха воротъ говорилъ привѣтствіе побѣдителямъ. Послѣ торжества Царь жаловалъ всѣхъ по заслугамъ кубками, шубами, деньгами, крестьянскими дворами.

Вскорѣ по возвращеніи въ Москву, Государь созвалъ боярскую думу, для важнаго дѣла. Дума постановила: строить флотъ и заселить Азовъ Русскими людьми, назначивъ на это 3.000 семей изъ низовыхъ городовъ. Спустя малое время, Царь собралъ думу второй разъ и, противъ обычая, позвалъ въ нее иноземцевъ. Приговорено: дѣлать корабли спѣшно, съ пушками и съ мелкимъ ружьемъ, какъ имъ быть въ войнѣ; патриарху, духовнымъ властямъ и монасты-

рямъ дѣлать съ 8.000 дворовъ по одному кораблю; боярамъ и служилымъ людямъ съ 10.000 дворовъ по кораблю же; городамъ изготовить 12 кораблей. Указано корабли изготовить къ апрѣлю 1698 года, сойдясь въ компаніи, а для этого помѣщикамъ и вотчинникамъ прибыть въ Москву, кромѣ мелкопомѣстныхъ, которымъ внести по полтинѣ съ двора; кто не явится, у тѣхъ имѣніе отобрать на Государя. За постройкой судовъ назначено смотрѣть Государеву учителю Францу Тимерману, мастеровъ корабельныхъ рѣшено вызвать изъ чужихъ земель.

Не забылъ Петръ и попить со своей компаніей, на радостяхъ, послѣ удачнаго похода. Многие думали, что теперь наступило время нескончаемаго веселья и спокойствія, а трудамъ насталъ конецъ. Сильно они обочились: не кончалась, а начиналась тяжелая, неустанная работа для именитыхъ и простыхъ, для богатыхъ и бѣдныхъ. Государь несразу принялся за дѣло, но разъ принявшись, уже не оставлялъ его до конца своего царствованія.

III. Иноземная наука.

Азовскіе походы показали Петру, какая сила жить въ знаніи и наукѣ и какъ мало знаютъ Русскіе люди. Онъ видѣлъ, что самъ ученъ мало и худо и хотя до многого дошелъ самоучкой, но необходимо

учиться еще, много и долго: и самому учиться, и другихъ учить. Звать на всякое дѣло иноземцевъ невозможно, потому что пришлось бы нанимать ихъ тысячами, а на это никакой казны не хватитъ, не говоря уже про то, что лучшіе, свѣдущіе люди не поѣдутъ,—имъ и дома хорошо. Да и ставить ихъ всюду головой и началомъ надъ Русскими людьми неудобно, обидно и для государства опасно. Къ тому же иноземцы—наемники, за ними надо смотрѣть, такъ ли и тому ли учать, а смотрѣть некому, ибо между своими нѣтъ знающихъ людей. Выходило стало быть, что и иноземцевъ надо звать, и своихъ посылать въ науку, въ чужія страны.

Самая неотложная нужда была въ корабельныхъ мастерахъ, потому что надо было завладѣть моремъ и завести морскую силу. Петръ съ этого и началъ: онъ велѣлъ отобрать 50 комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ и послать ихъ учиться кораблестроенію въ Англію, Голландію и Италію. Наказъ имъ данъ строгій—учиться прилежно и привезти свидѣтельство отъ иноземныхъ мастеровъ, что прошли науки хорошо, иначе имѣнія будутъ отобраны. Не понравилась такая новинка Русскимъ людямъ; они привыкли бояться чужихъ земель какъ чумы, сообщаться съ новѣрцами считали за грѣхъ, а итти къ нимъ въ науку и того хуже. Даже покойный патріархъ, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, умолялъ Государя не сближаться съ еретиками и не ставить ихъ въ полкахъ начальниками, ибо наведутъ они на православное воинство гнѣвъ Божій. Поэтому назначенные въ чужеземную науку собирались въ путь неохотно, со сле-

зами; отцы отпускали ихъ какъ на погибель, а матери причитали по нимъ, какъ по мертвымъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Государь задумалъ дѣло еще болѣе необычное. Хотя ко второму азовскому походу судовъ наготовлено было много и послѣ того рѣшено строить новый флотъ компаніями, почти всей землей, но все это дѣлалось по нуждѣ. Петръ понималъ, что онъ не знатокъ корабельнаго дѣла. А какъ править работой и учить ей другихъ можно только тому, кто самъ дѣлу выучился отъ начала до конца, то Государь и рѣшился итти въ корабельную науку къ лучшимъ иноземнымъ мастерамъ. Лефортъ давно сманивалъ Петра въ чужіе края—посмотрѣть тамошніе порядки, увидѣть своими глазами промыслы, фабрики, жительство разныхъ народовъ, ихъ обычаи. Петръ слушалъ своего любимца благосклонно, потому что таковы были и его собственные мысли, но былъ занятъ сначала разными потѣхами, потомъ азовскими походами и потому рѣшился несразу. А какъ только онъ рѣшился, то и принялся приводить мысль свою въ исполненіе.

Онъ приказалъ снарядить посольство къ нѣсколькимъ иноземнымъ государямъ для переговоровъ насчетъ войны съ Турками. Послами назначены Лефортъ, бояринъ Федоръ Головинъ и думный дьякъ Прокофій Возницынъ. Каждому изъ нихъ дано по 70 человѣкъ для почета; кромѣ того къ посольству прибавлено 20 дворянъ и 35 человѣкъ добровольцевъ. Посольству указано, кромѣ его прямого дѣла, отыскивать и приговаривать въ Московское государство разныхъ мастеровъ, покупать и заказывать полезные снаряды, машины и проч. Добровольцы раздѣлены на три десятка;

десятиникомъ во второмъ десяткѣ былъ самъ Государь, подъ именемъ Петра Михайлова. Онъ ѣхалъ за море для ученья корабельному дѣлу, а потому, во избѣжаніе разныхъ парадныхъ встрѣчъ, приемовъ, проводовъ и всякихъ докувъ, отправился туда простымъ человѣкомъ, подъ чужимъ именемъ. Править государствомъ поручено было тремъ именитымъ боярамъ сообща.

Наканунѣ дня, назначеннаго на отъѣздъ, Государь былъ въ гостяхъ у Лефорта. Передъ ужиномъ два стрѣльца вызвали Государя и сказали ему, что думный дворянинъ Иванъ Цыклеръ подговариваетъ стрѣльцовъ убить его, Государя; указали и домъ, гдѣ собрались злоумышленники. Петръ вернулся въ комнату, позвалъ съ собой нѣсколько человѣкъ и сказалъ хозяину, что уважаетъ не на долго, по дѣлу. Съ этими немногими людьми поѣхалъ онъ къ Цыклеру и велѣлъ взять его подъ стражу. Пошло розыскное дѣло; открылось, что многіе Государемъ недовольны и хулятъ его за то, что съ нѣмцами якшается, не любитъ свою жену, тѣшится потѣхами непотребными, ударился въ морскую ѣзду, собрался ѣхать въ еретическія земли и многое другое. Замѣшана была въ дѣло и царевна Софья Алексѣевна своими давними подговорами и кознями, вплели и покойнаго боярина Ивана Милославскаго. У Петра затуманилась голова отъ гнѣва: онъ приказалъ казнить шестерыхъ виноватыхъ, а тѣло Ивана Милославскаго выкопать изъ земли, привести на свиньяхъ и поставить подъ плахи, чтобы кровь казненныхъ точилась въ гробъ.

Черезъ пять дней посольство выѣхало изъ Москвы,

днемъ позже выѣхалъ и Государь. Перевалили за рубежь. Первымъ большимъ попутнымъ городомъ была Рига, которая вмѣстѣ со всѣмъ почти Балтійскимъ побережьемъ принадлежала Швеціи. Посольство приняли въ Ригѣ съ почетомъ, но крѣпость осмотрѣть не дозволили, какъ того добивался Государь, и даже запретили разглядывать городскія укрѣпленія издали, въ зрительную трубу. За ледоходомъ на рѣкѣ Двинѣ, московскому посольству пришлось здѣсь прожить нѣсколько дней; Государь очень скучалъ, называя Ригу «проклятымъ мѣстомъ», и при первой возможности перебрался черезъ Двину въ Курляндію. Тутъ онъ нанялъ купеческій корабль и съ немногими людьми отправился моремъ въ Пруссію, велѣвъ туда же ѣхать посольству сухимъ путемъ. Въ Кенигсбергѣ онъ принялся обучаться артиллерійской наукѣ, учился недолго, но выучился хорошо. Учитель выслалъ ему потомъ свидѣтельство, что Петръ Михайловъ за исправнаго, осторожнаго, искуснаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера признаваемъ быть можетъ. Посольство тутъ встрѣтили и приняли съ большимъ почетомъ, угощали, забавляли разными зрѣлищами; Петръ успѣлъ сдѣлать и довольно важное дѣло, заключивъ съ тамошнимъ владѣтелемъ, Бранденбургскимъ курфюрстомъ, дружественный договоръ.

Въ Кенигсбергѣ Петръ зажилъ долго, потому что Поляки выбирали себѣ въ это время короля, а для Россіи было важно, чтобы они не выбрали такого, который захочетъ мириться съ Турками. Старанія Петра удались: Поляки выбрали королемъ Саксонскаго курфюрста Августа, который поклялся съ Турками вое-

вать. Уладивъ это дѣло, Петръ отправился дальше, вмѣстѣ съ посольствомъ.

На встрѣчу Петру, въ м. Коппенбургъ, выѣхали двѣ германскія принцессы, курфюрстина Ганноверская Софія и дочь ея, курфюрстина Бранденбургская Софія-Шарлотта. Это были очень образованныя дамы; онѣ слышали много чудныхъ разсказовъ про Петра и захотѣли непременно съ нимъ познакомиться. Въ тотъ же день, вечеромъ, пріѣхалъ въ Коппенбургъ и Петръ; онъ остановился на ночлегъ въ домѣ крестьянина и ничего не зналъ про замыселъ принцессъ. Едва успѣлъ онъ войти въ домъ, какъ явился посланный съ просьбой—пожаловать къ принцессамъ на ужинъ. Государь очень удивился и отказалъ на отрѣзъ: онъ хотѣлъ, чтобы всѣ принимали его за простого человѣка. Мать и дочь послали къ нему второго гонца, и Петръ сдался на ихъ просьбу, только выговорилъ, чтобы на ужинѣ никого, кромѣ принцессъ, не было. Онъ пришелъ къ нимъ съ задняго крыльца, чтобы не встрѣтиться съ придворными; принцессы приняли своего гостя радушно и изумлялись его высокому росту, статности и мужественной красотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Петръ былъ очень красивъ и строенъ, но невзгоды его юношескихъ лѣтъ, непомѣрные труды и излишество въ забавахъ оставили на немъ слѣдъ: голова Петра тряслась, по лицу пробѣгали корчи, быстрый и пронзительный взглядъ всеялъ страхъ въ непривычныхъ людей. Встрѣтившись съ принцессами, Петръ былъ сначала несмѣлъ и застѣнчивъ, закрывалъ лицо руками и на всѣ привѣтствія отвѣчалъ по нѣмецки: «не могу говорить». Однако онъ скоро ободрился и сталъ

разговаривать бойко и живо, на всѣ вопросы принцессъ давалъ отвѣты быстрые, мѣткіе, когда самъ, когда чрезъ переводчика, потому что по нѣмецки говорилъ несвободно. Въ концу ужина Царь такъ освоился, что позволилъ впустить въ столовую придворныхъ, угощалъ кавалеровъ виномъ, заставляя выпивать по два и по три большихъ стакана; заставилъ выпить и принцессъ. Послѣ того всѣмъ стало еще веселѣе. Принцессы позвали итальянскихъ пѣвцовъ и велѣли имъ пѣть; Государь слушалъ безъ скуки и даже поднесъ главному пѣвцу большой стаканъ вина, но сказалъ принцессамъ, что музыку не очень любить. Послѣ ужина позвали московскихъ музыкантовъ и начали танцовать. Русскіе послы, по приказу Царя, пріѣхали туда же; Лефортъ заводилъ русскую пляску и указывалъ—кому что дѣлать, какъ и куда итти. Пляска очень понравилась принцессамъ, онѣ протанцовали до 4 часовъ утра; танцовалъ и Петръ, хоть сначала отпѣкивался. Всѣ провели время очень весело, и утромъ, прямо съ бала, обѣ принцессы уѣхали изъ Коппенбурга.

Принцессы записали про свое знакомство съ Петромъ, и записки ихъ дошли до насъ. Петра онѣ называютъ человѣкомъ необыкновеннымъ, дивятся его великому уму, живости нрава, красотѣ и статности. Но вмѣстѣ съ добрыми качествами, указываютъ онѣ въ немъ и на дурныя; говорятъ, что онъ человѣкъ и очень хорошій, и очень дурной, что если бы ему довелось получить въ малолѣтствѣ хорошее воспитаніе, то былъ бы онъ человѣкъ совершенный.

Изъ Коппенбурга Государь отправился вмѣстѣ съ

посольствомъ, но потомъ съ 18 человекѣми поѣхалъ впередъ, торопясь въ Голландію. Въ нѣмецкой слободѣ Москвы проживало много Голландцевъ, которые расхвалили Государю свою родину; да и въ самомъ дѣлѣ Голландія была страна богатая, просвѣщенная и, вдобавокъ, мореходная. Петръ пріѣхалъ въ главный голландскій городъ Амстердамъ и не захотѣлъ ждать отставшее посольство, спѣша приняться за работу. Около Амстердама, въ ближайшихъ городкахъ и мѣстечкахъ, находилось въ то время до 50 верфей; онѣ принадлежали частнымъ лицамъ и постоянно работали, строя корабли въ 5—6 недѣль. Одно изъ такихъ мѣстечекъ называлось Сардамъ; Государь его зналъ по рассказамъ сардамскихъ плотниковъ, работавшихъ въ Россіи. Петръ нанялъ ботъ и съ 6 человекѣми поѣхалъ моремъ въ Сардамъ. Подъѣзжая къ мѣсту, онъ увидѣлъ въ морѣ лодку и въ ней знакомаго кузнеца Геррита Киста, который ловилъ угрей. Государь знавалъ его въ Москвѣ и сейчасъ же окликнулъ. Кистъ увидѣлъ передъ собой Московскаго государя, но усумнился, не обознался ли: Петръ былъ одѣтъ голландскимъ плотникомъ, въ красной фризовой курткѣ, бѣлыхъ холщевыхъ штанахъ и низкой лакированной шляпѣ. Петръ объяснилъ ему, зачѣмъ пріѣхалъ въ Сардамъ, не велѣлъ никому сказывать, кто онъ таковъ, и просился къ нему, Кисту, на житье. Бѣдный кузнецъ сталъ отговариваться тѣснотой, но Государь настоялъ на своемъ и приказалъ приготовить себѣ комнату. Домишко Киста былъ всего о двухъ горенкахъ, въ одно окно каждая, съ третьей глухой коморкой, куда можно было поставить только кровать. У Киста про-

живала вдова поденщика; онъ уговорилъ ее выѣхать, обѣщавъ приплатить, и сталъ прибирать домикъ для новаго жильца. А Петръ зашелъ тѣмъ временемъ съ товарищами въ трактиръ. День былъ воскресный, народу слонялось по улицамъ много; огромная толпа собралась вокругъ трактира поглазѣть на невѣдомыхъ иноземцевъ, такъ какъ всѣ сопутники Петра были въ русскомъ платьѣ. Пошли распросы—что за люди, откуда и зачѣмъ пріѣхали; Петръ отвѣчалъ по голландски, что все это простые плотники, пріѣхали учиться и работать. Изъ трактира отправился онъ къ Кисту, въ самую дальнюю, глухую часть Сардама и легъ спать.

На слѣдующій день, рано утромъ, Петръ вышелъ изъ дому, купилъ въ лавкѣ плотничный инструментъ, пошелъ на верфь и записался тамъ въ работники, назвавшись Петромъ Михайловымъ, а во вторникъ уже работалъ на верфи отъ восхода до заката солнца. Возвращаясь вечеромъ домой, онъ купилъ сливъ, положилъ въ шляпу и кушалъ дорогой. Къ нему привязались мальчишки, стали выпрашивать сливъ; Петръ далъ одному, другимъ не далъ; тѣ начали бросать въ него грязью, потомъ камнями, такъ что Петръ долженъ былъ укрыться въ трактиръ. Онъ сильно разгнѣвался и, пославъ за бургомистромъ, пожаловался ему на грубость мальчишекъ. Бургомистръ сейчасъ же вывѣсилъ объявленіе, гдѣ грозилъ жестокимъ наказаніемъ за бросанье грязью и камнями въ знатныхъ иноземцевъ, которые хотятъ остаться неизвѣстными. Кромѣ того онъ поставилъ сторожей на мосту, чтобы не давать толпиться народу передъ домою Киста.

Бистъ слово сдержалъ, не проболтался, кто таковъ его жилецъ, но сардамцы все-таки узнали правду. Одному старику-плотнику писалъ сынъ изъ Москвы, что ѣдетъ въ Голландію великое посольство, въ посольствѣ самъ Царь и узнать его можно по примѣтамъ: огромнаго роста, головой трясеть, правой рукой размахиваетъ, на правой щекѣ бородавка. Старикъ-плотникъ зашелъ въ цирульню и прочиталъ тамъ письмо громогласно; въ это время, какъ нарочно, пришли въ цирульню русскіе плотники, и одинъ изъ нихъ, Петръ Михайловъ, былъ такой самый, какъ написано въ письмѣ. Вѣсть объ этомъ разнеслась всюду, да и самъ Петръ, противъ своей воли, выдавалъ правду. И видъ его, и гнѣвливыи, нетерпѣливыи нравъ, и другія привычки показывали, что онъ не простой работникъ. Разъ онъ купилъ за 40 гульденовъ лодку, другой разъ заплатилъ 450 гульденовъ за полу-палубное одно-мачтовое судно—буеръ; проработавъ день на верфи, другой день провелъ въ морѣ, батаясь на своемъ буерѣ: такъ простые работники не дѣлаютъ. И хоть на всякій почетный зовъ въ гости, на предложеніе хорошей и удобной квартиры, онъ отвѣчалъ: «мы не зватные господа, а простые люди», однако словамъ этимъ ужъ никто не вѣрилъ. Толпы валили за нимъ по улицамъ, не давая ему прохода; Петръ прятался, просиживалъ въ заперти по нѣскольку часовъ, — ничто не помогало: докучливые люди на другой день опять лѣзли. Одинъ зѣвака, разинувъ ротъ, подступилъ къ самому Петру и глупо глазѣлъ на него чуть не въ упоръ. Государь разсердился и далъ ему пощечину. Петръ однако

грѣшился и прожилъ въ Сардамѣ восемь или девять дней, но наконецъ терпѣніе его допнуло: онъ сѣлъ на свой буеръ и, не смотря на бурю, отправился въ Амстердамъ.

На другой день русское посольство торжественно въѣхало въ городъ. Приемъ былъ пышный и почетный; всѣмъ ужъ стало извѣстно, что въ посольствѣ самъ Царь. Петръ зналъ одного изъ амстердамскихъ бургомистровъ, Витсена, который бывалъ въ Россіи и исполнялъ въ Голландіи заказы Русскаго Царя. Этого-то Витсена Петръ попросилъ опредѣлить его, Петра, на хорошую верфь. Витсенъ мигомъ исполнилъ желаніе Государя и устроилъ такъ, что нарочно на этотъ случай былъ заложенъ корабль. Чтобы не терять времени, Государь ночью поплылъ на буерѣ въ Сардамъ, забралъ тамъ свой инструментъ, на другой день рано утромъ перебрался на новоселье и побывалъ у корабельнаго мастера, Класа Поля, къ которому поступалъ въ ученье. Всѣхъ своихъ спутниковъ-добровольцевъ онъ росписалъ по разнымъ корабельнымъ мастерамъ, а десятерыхъ оставилъ при себѣ.

Принялись за работу. Сначала, недѣли три, Петръ приготавливалъ матеріалъ, а потомъ, по указанію мастера, заложилъ корабль и принялся его строить. Съ зарей шелъ онъ на работу и трудился усердно; утомившись, садился на какойнибудь обрубокъ, опускалъ топоръ между колѣнъ и отиралъ потъ. Отдыхая, онъ дружелюбно бесѣдовалъ съ товарищами-рабочими; разговаривалъ и съ посторонними, коли они называли его «плотникъ Петръ Сардамскій» или «мастеръ Петръ»;

если же снимали передъ нимъ шляпы и какъ нибудь величали, то не отвѣчалъ ничего и поворачивался спиной. Всѣмъ было извѣстно, кто таковъ Петръ Михайловъ, но Петръ все таки хотѣлъ, чтобы въ немъ хоть по виду не признавали Царя, дабы избѣжать докуки и свободно работать. Когда дневная работа кончалась, онъ уходилъ домой пѣшкомъ, заткнувъ топоръ за поясъ. А дома его ждала другая работа: онъ читалъ письма и донесенія изъ Москвы, усталой рукой писалъ отвѣты, коротко и торопливо, сильно и грозно.

Дошелъ до насъ рассказъ, будто Петръ, утомившись однажды отъ работы, сидѣлъ на деревянномъ обрубѣ и отдыхалъ. Въ это время пришелъ на верфь одинъ знатный иноземецъ посмотреть на Царя-работника. Мимо Петра рабочіе пронесли бревно; мастеръ Поль пожелалъ показать гостю, что Царь есть работникъ настоящій, какъ слѣдуетъ быть, и потому крикнулъ: «Петръ Сардамскій, помоги товарищамъ, видишь—тяжело». Петръ, не говоря ни слова, подставилъ плечо и помогъ дотащить бревно до мѣста. Можетъ статься, рассказъ этотъ вымышленъ, но онъ очень похожъ на истинную правду; по крайней мѣрѣ въ Амстердамѣ долгое время отцы приводили своимъ дѣтямъ этотъ случай въ примѣръ, какъ надо работать.

Государь занимался въ Амстердамѣ не однимъ кораблестроеніемъ. Витсенъ водилъ его всюду, все показывалъ: и корабли для боя китовъ, и больницы, и воспитательные дома, и фабрики, и мастерскія. Особенно понравилось Петру собраніе анатомическихъ предметовъ у одного ученаго, Рюйша, который умѣлъ

искусно сохранять тѣла человѣческія и животныхъ; Петръ даже сталъ учиться у Рюйша анатоміи—наугѣ разсѣкать трупы и распознавать всё части тѣла. Съ анатоміи перешель онъ на гравированіе и награвировалъ собственной рукой ангела, который попираетъ ногой полулуніе и турецкія знамена. Короче сказать, ничто не проходило мимо глазъ Петра незамѣченнымъ; онъ ко всему присматривался, и обо всемъ спрашивалъ, стараясь взять въ толкъ всякое новое для него дѣло.

Всѣ власти ухаживали за Государемъ, угощали его и, чтобъ особенно ему угодить, устроили примѣрное морское сраженіе. Сражались корабли, выстроенные въ два ряда, одинъ противъ другого; бой тянулся съ утра далеко за полдень. Государь пріѣхалъ на богато убранной яхтѣ, его встрѣтили почетной пальбой изъ всѣхъ пушекъ. Потомъ онъ пересѣлъ на военный корабль и непрерывно направлялъ его туда, гдѣ пальба была сильнѣе. Зрѣлище было великолѣпное, и Государь остался очень доволенъ.

Наконецъ корабль, что строилъ Петръ съ товарищами, былъ готовъ, спущенъ на воду и названъ «Петръ и Павелъ». Корабль вышелъ хорошей и многие годы плавалъ съ товарами въ Остъ-Индію, дальнюю азіатскую сторону. Мастеръ Поль выдалъ Петру свидѣтельство, что онъ, Петръ Михайловъ, при исполненіи корабельныхъ работъ, поступалъ какъ доброму и искусному плотнику надлежитъ и корабельное строеніе и черченіе плановъ знаетъ хорошо.

Учитель былъ доволенъ ученикомъ, да ученикъ не былъ доволенъ учителемъ. Ему хотѣлось выучиться—по какимъ правиламъ слѣдуетъ готовить весь

планъ корабельной постройки, хотѣлось познакомиться съ наукой кораблестроенія, а не съ однимъ ремесломъ. Этому въ Голландіи научить его не могли, и Петръ сталъ жалѣть, что забрался въ такую даль для малаго дѣла; ходилъ не-веселъ, на пирушкахъ сидѣлъ задумчивъ. Одинъ англичанинъ, узнавъ про горе Государя, сказалъ, что въ Англіи кораблестроительную науку знаютъ, и выучиться ей можно тамъ въ короткое время. Петръ развеселился. Въ это время королемъ Англійскимъ былъ Вильгельмъ Оранскій, штатгальтеръ (намѣстникъ) Голландской республики; онъ недавно видѣлся съ Петромъ въ Голландіи и, вернувшись въ Англію, послалъ Московскому Государю въ даръ свою лучшую яхту. Петру подарокъ пришелся очень по вкусу; онъ отправилъ нарочнаго посла благодарить короля и велѣлъ сказать, что желаетъ пріѣхать въ Англію незнатнымъ лицомъ, поучиться морскому дѣлу.

Вильгельмъ прислалъ за Московскимъ Государемъ для почета 4 корабля. Въ началѣ января 1698 года, въ бурную погоду, Петръ вышелъ въ море и поплылъ въ Англію. Вильгельмъ выслалъ сановника поздравить Петра съ пріѣздомъ, потомъ самъ видѣлся съ нимъ и долго бесѣдовалъ. Петръ побывалъ въ королевскомъ обществѣ наукъ, гдѣ видѣлъ многія диковинныя для себя вещи, въ арсеналѣ, въ обсерваторіи, въ университетѣ, въ театрѣ, на монетномъ дворѣ, ничего не пропуская безъ вниманія. Онъ посѣщалъ даже собранія квакеровъ (особая христіанская секта) и не разъ бесѣдовалъ съ англійскими епископами, ведя съ ними споръ о вѣрѣ и упорно отстаивая православіе. Но

больше всего занимался онъ наукой кораблестроенія, переѣхавъ для этого въ Дептфордъ, недалеко отъ столичнаго города Лондона, и поселился въ домъ, задняя сторона котораго выходила прямо къ верфи, такъ что ходилъ на работу, не переходя даже улицу. Здѣсь онъ учился усердно, доколѣ не узналъ кораблестроительную науку досконально. Въ то же время проходилъ онъ морскую артиллерійскую науку и для этого ѣздилъ въ гор. Вуличъ, гдѣ былъ и арсеналь, и литейный заводъ, и склады разныхъ артиллерійскихъ снарядовъ.

Такъ прошло три мѣсяца; Царь сталъ собираться въ путь. Не даромъ прожилъ онъ въ Англїи, особенно для корабельнаго дѣла. Послѣ онъ говаривалъ не разъ, что только тамъ выучился онъ этому дѣлу и если бы не побывалъ въ Англїи, то остался бы навсегда корабельнымъ плотникомъ, не сдѣлавшись кораблестроителемъ.

Король Вильгельмъ потѣшилъ Государя и морскими маневрами. Маневры понравились Царю еще больше, чѣмъ въ Голландїи; онъ побывалъ на всѣхъ корабляхъ, посѣтилъ всѣхъ ихъ командировъ и особенно полюбилъ одного, который зналъ кузнечное мастерство. Въ Англїи же Государь нанялъ мастеровъ разнаго дѣла и приказалъ посольству сдѣлать то же въ Голландїи, но деньги тратилъ бережливо. Мастера горнаго дѣла запросили съ него непомерно дорого; онъ рассчиталъ, что въ Саксонїи можно нанять дешевле и изъ Англїи не взять.

Передъ своимъ отъѣздомъ Государь еще разъ побывалъ у Вильгельма и, по его просьбѣ, позволилъ

списать съ себя портретъ, а затѣмъ выѣхалъ въ Голландію.

Дѣло, за которымъ было снаряжено московское посольство, не налаживалось. Голландія не только отказалась пособлять Россіи въ войнѣ съ Турками, но еще хлопотала, вмѣстѣ съ Англіей, помирить Турцію съ Австріей. Московскому Государю нужно было отвоевать отъ Турокъ море; одинъ, безъ пособниковъ, сдѣлать онъ этого не могъ, а потому рѣшился на послѣднюю попытку: либо уговорить Германскаго императора продолжать войну съ Турками, либо уладить въ крайности такъ, чтобы мириться съ ними сообща. Поэтому, не мѣшая въ Голландіи, Петръ слѣшно поѣхалъ съ посольствомъ въ Австрію.

Путь лежалъ черезъ многія земли, промышленныя и богатыя; Петръ хотъ торопился, однако осматривалъ дорогой все, что казалось стоящимъ. Подъ Вѣной, столицей Австріи, пришлось вести скучные и долгіе переговоры о вѣздѣ пословъ. Надменный и чванный австрійскій дворъ давалъ этому дѣлу большую важность, Московскаго Государя не считалъ ровней Германскому императору и спорилъ чуть не за каждый шагъ. Вѣздъ московскихъ пословъ вышелъ не богатъ и не пышенъ; вдобавокъ у самой заставы стали проходить черезъ дорогу войска, въ перерѣзъ поѣзду, и посламъ пришлось выжидать ихъ, стоя на одномъ мѣстѣ цѣлыхъ 8 часовъ. Государя при этомъ не было; онъ тремя днями раньше пріѣхалъ въ Вѣну, простымъ человѣкомъ, съ почтой.

Увидѣвъ, что за несговорчивый народъ имперскіе министры и придворные чины даже въ самыхъ пу-

стыхъ дѣлахъ, Петръ рѣшилъ—свидѣться съ самимъ императоромъ и переговорить съ нимъ обо всемъ лично. Но и это было нелегко; пошли переговоры—въ какой комнатѣ государямъ встрѣтятся, у котораго окна и проч. Таковы ужъ были австрійскіе придворные порядки; отъ нихъ не отступали никогда и ни для кого. Еще незадолго передъ тѣмъ, Турки разгромили Австрійцевъ и чуть не взяли Вѣну, а Польскій король, Янъ Собѣскій, разбилъ Турокъ и отогналъ ихъ отъ Вѣны. И все-таки, когда пришлось обоимъ государямъ свидѣться въ первый разъ, императоръ сталъ считаться съ королемъ—кто изъ нихъ при встрѣчѣ долженъ первый поклониться. Немудрено, что съ Московскимъ Государемъ австрійскіе придворные чины заводили ту же пѣсню. Наконецъ, государи свидѣлись. Императоръ одѣлся въ бархатъ и кружева, кафтанъ его былъ весь унизанъ драгоценными камнями; на Царѣ же былъ простой кафтанъ темнаго сукна и на шеѣ поношенный галстукъ. Пока императоръ Леопольдъ, не торопясь, передвигалъ ноги, идя на встрѣчу гостю, Петръ быстро пошелъ къ нему, сошелся не у условленнаго окна, обнявъ Леопольда по русскому обычаю и сталъ бесѣдовать. Изъ бесѣды этой ровно ничего не вышло: Леопольдъ говорилъ только заученныя рѣчи, вытверженныя заранѣе. Кончивъ бесѣду съ императоромъ, Царь вышелъ въ садъ и тутъ снова смутилъ австрійскихъ сановниковъ. Замѣтивъ прудъ и на прудѣ лодку, Петръ сѣлъ въ лодку и сталъ кататься по водѣ, вмѣсто того, чтобы съ царской важностью, чинно и степенно пройти куда слѣдовало.

Вернувшись домой, Государь послалъ къ канцлеру

имперіи записку о турецкихъ дѣлахъ и, въ ожиданіи отвѣта, принялся осматривать въ Вѣнѣ бібліотеку, арсеналъ, палату рѣдкостей и диковинокъ и всякія другія любопытныя мѣста. Былъ онъ и у Германской императрицы; она приняла его радушиѣе и проще императора и очень понравилась Царю своей привѣтливостью; Царь, въ свою очередь, изумилъ ее своимъ умомъ и вселилъ къ себѣ глубокое уваженіе. Видѣлся онъ также съ наслѣдникомъ престола, созвалъ и угостилъ отъ имени посольства 1000 человекъ высшихъ чиновъ; на маскарадѣ, который устроилъ для него Леопольдъ и гдѣ всѣ были одѣты въ платья различныхъ народовъ, Петръ одѣлся фрисландскимъ крестьяниномъ, танцевалъ, шировалъ за ужиномъ; императоръ былъ тутъ же, вмѣстѣ съ императрицей, въ нарядѣ хозяина и хозяйки гостиницы. За ужиномъ онъ пилъ съ Петромъ изъ одного очень дорогого бокала и бокалъ этотъ ему подарилъ.

Устроилось кое-какъ и дѣло посольское. Русскіе просили, чтобы Австрія не мирилась съ Турками, пока Турція не отдастъ Россіи завоеванное Петромъ побережье Азовскаго моря и еще крѣпость Керчь. Императоръ обѣщалъ настаивать на этомъ, когда пойдутъ съ Турками мирныя переговоры, и не приступать ни къ какому рѣшенію, не сговорившись прежде съ Царемъ.

Императоръ побывалъ у Петра, Петръ побывалъ у Леопольда въ другой разъ, на прощанье. Послѣ длинныхъ переговоровъ состоялся, наконецъ, и парадный пріемъ посольства императоромъ, чего никакъ нельзя было обойти, а затѣмъ большой обѣдъ. Петръ стоялъ

за стуломъ Лефорта, и когда пили вино, Лефортъ подалъ ему первый бокаль, будто для того, чтобы онъ отвѣдалъ.

Дѣла по всѣмъ статьямъ были порѣшены, и Петръ собирався ѣхать дальше, въ Венецію, поучиться построить галеръ, т. е. большихъ гребныхъ судовъ. Вдругъ пришло изъ Москвы донесеніе, что стрѣльцы взбунтовались; Государь на другой же день поскакалъ въ Россію.

Такъ кончилась поѣздка Петра въ чужіе края за европейской наукой. Полтора года прошли для него незамѣтно. Но всему онъ присматривался, во все внималъ; ѣдучи дорогой, часто выходилъ изъ повозки, осматривалъ домашнія и полевые работы крестьянъ, входилъ въ ихъ хижины. И дома, и въ дорогъ при немъ была записная книжка; онъ записывалъ все, что видѣлъ новаго, а иногда приказывалъ разнымъ вещи срисовывать или дѣлать имъ чертежъ. Даже при перемѣнѣ лошадей на почтовыхъ станціяхъ, Государь спрашивалъ, нѣтъ ли вблизи чего замѣчательнаго, и коли что было, ходилъ смотрѣть. Усталости онъ не зналъ; въ Голландіи сбились съ ногъ приставленные къ нему люди, бѣгая за нимъ всюду. И дѣйствительно, служба ихъ была трудная: Петръ доискивался всего, что могло принести его государству пользу и выгоду. Прихотямъ богатыхъ людей, пышности и великолѣбію онъ большой цѣны не давалъ и всячески отъ нихъ уклонялся. Курфюрстъ Бранденбургскій прислалъ за нимъ богатую карету; Петръ вышелъ изъ дому черезъ заднее крыльцо и пришелъ къ нему пѣшкомъ. Осматривая замокъ одного владѣтельнаго Германскаго

князя (княжество было очень маленькое), онъ замѣтилъ, что кухня слишкомъ велика. Все онъ мѣрялъ на свой хозяйственный аршинъ, все приглядывалъ къ нуждамъ своего небогатаго государства, и примѣръ чужихъ земель не сбиль его съ этого пути. Заполонила же его иноземная наука; его приводилъ въ изумленіе просвѣщенный человѣческій умъ, который все себѣ покорилъ и надъ всѣмъ властвовалъ. Царь поддался этой силѣ великаго европейскаго ума и потому увидѣлъ въ чужихъ земляхъ больше хорошаго и меньше дурного, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Это сказалося потомъ на нѣкоторыхъ изъ дѣлъ его, потому что добро никогда не живетъ безъ худа.

IV. Стрѣлцкое дѣло.

Въ то время, когда привелось царствовать Петру I, Московское государство хирѣло отъ тупого недуга. Какъ точить злая болѣзнь юношу, даетъ ему старческій образъ, поѣдаетъ его силы и отбираетъ отъ него все, чѣмъ дорога молодая жизнь, такъ точилъ давній недугъ Московское государство. Сказывался тотъ недугъ въ бѣдности, невѣжествѣ и безсиліи.

Русской землѣ пришлось много столѣтій жить въ сосѣдствѣ и общеніи съ азіатскими племенами, на окраинѣ Европы, въ отчужденіи отъ христіанскихъ народовъ. Со временъ татарщины, въ русскіе свѣчаи и обычаи забралось много азіатскаго, и темная, полу-

дикая Азія становилась Россіи больше по плечу, чѣмъ невѣдомая Европа. Благое государственное устройство держится на семьѣ, на школѣ, на законѣ. Въ Московскомъ государствѣ въ семьѣ значилъ все одинъ отецъ; онъ дѣлалъ, что хотѣлъ, и дѣтьми распоряжался, какъ рабами. Сложилась отцовская про дѣтей поговорка: «хочу—съ вашей ѣмъ, хочу—масло пахтаю». Школъ почти не было; люди не готовились къ жизни ученьемъ и въ жизнь вступали большими ребятами. Законъ былъ на бумагѣ, а не на дѣлѣ; на дѣлѣ правъ былъ тотъ, кто силенъ; сила значила больше всего; каждый человѣкъ подчинялся сильному и подчинялъ себя другому, кто послабѣе. Не боялись самодуры и насильники правды, а только палки и кнута, да и то не очень, ибо и побои не иначе, какъ по боли почитали и въ безчестье себя не ставили.

На Руси почти не было ни промышленности, ни торговли; всякій готовилъ все на себя самъ; изъ города въ городъ возили только хлѣбъ, сало, деготь, медъ и другіе немногіе сырые товары. Вдаль не возили, да и дороги были непроѣзжія. Ручной работой дѣлали только грубые холсты, а сукна, хорошія полотна, шелковыя ткани и все другое, на что требовалось побольше умѣнья, привозилось изъ чужихъ земель. Фабричное дѣло стало передъ Петромъ заводиться, только слабо, да и то въ рукахъ пришельцевъ-иноземцевъ. Небольшая морская торговля тоже зародилась, но всего черезъ одинъ Архангельскъ, на холодномъ морѣ, и ту забрали въ свои руки Англичане. Иноземцы работали сообща, сговорившись; Русскіе же люди всякое дѣло дѣлали каждый по себѣ, особо; соединялись только при бѣдѣ и

потому ни въ чемъ за иноземцами стянуть не могли. Выискался было одинъ ярославецъ, Лаптевъ, снарядилъ корабль и повезъ въ Амстердамъ грузъ дорогихъ мѣховъ, но тамъ никто ничего не захотѣлъ купить; Лаптевъ вернулся въ Архангельскъ и тутъ уже распродалъ свой товаръ иноземнымъ купцамъ. Общественное преусиѣяніе состоитъ въ томъ, что трудъ между людьми дѣлится, одинъ нуждается въ другомъ и всѣ живутъ сообща, складывая свои труды на общее благо; на Руси этого не было.

Грамотѣ учились немногіе, да и то для церковной потребности; объ образованіи и просвѣщеніи ума наукой не только не помышляли, но всякаго знанія боялись, какъ зла. Было у Русскихъ людей общее благо, вѣра православная, но и ее разумѣли не по духу, а по буквѣ. По уставамъ церкви отъ всѣхъ требуется богобоязненная жизнь, только у мірянина и у монаха она складывается не одинаково. Церковь учитъ, что и мірянинъ, и монахъ могутъ спастись, живя каждый по своему, лишь бы соблюдали законъ Божій. Каждый просвѣщенный человѣкъ это понимаетъ, но въ старое время на Руси просвѣщенныхъ людей почти не было, и монастырское правило стало мало-по-малу правиломъ доброй домашней жизни. Богоугоднымъ дѣломъ стали въ мірѣ считать только богомольные монастырскіе подвиги, а о томъ, что міряне должны дѣлать на пользу себѣ и другимъ, не заботились. Мірскія пѣсни, пляски, качанье на качеляхъ, скаканье на доскахъ и другія невинныя забавы сдѣлались грѣховными и преслѣдовались; за куренье табаку рѣзали носы и били кнутомъ.

Это не повело къ добру. Перестали отличать великое отъ малаго; великимъ не брегли, малымъ дорожили; прилѣпившись къ слову да къ обряду, упустили разумъ вѣры святой. Развелось и вѣдрилось въ людей суевѣріе и пустосвятство; постники валялись по праздникамъ, среди постовъ, пьяные на улицахъ; жили грѣховно, заботясь лишь о томъ, какъ творить земные поклоны и вкушать просвиру; грѣшникъ нераскаянный вѣрилъ, что спасется, коли его погребутъ возлѣ церкви. Священники знали только богослуженіе, да и то зачастую плохо, а въ вѣроученіи ничего не смыслили. Простые люди не знали ничего; изъ 10 человекъ едва одинъ могъ прочитать вѣрно *Отче нашъ*. Во всемъ темные люди видѣли не свою вину, а сатанинское навожденіе, какъ будто Богъ не далъ человѣку свободной воли. Стала вѣра не живая; сдѣлалась она обычаемъ, привычкой, которыми дорожили больше потому, что такъ издавна повелось. Все, что вошло въ привычку и укоренилось въ обычай, приурочили къ дѣлу вѣры, сдѣлали священнымъ. «Не нами положено, не намъ и мѣнять», — говорили люди: — «лежи оно такъ до вѣка». Стало нечестіемъ и ересью подстригать или брить бороду, носить короткополое платье, ѣздить въ повозкѣ съ дышломъ, курить или нюхать табакъ и многое другое, что до вѣры совсѣмъ не касается.

Такое чрезмѣрное освященіе старины привело къ тому, что все свое, хоть бы и дурное, Русскіе люди считали хорошимъ, праведнымъ, а все иноземное, хоть бы и хорошее, — нечестивымъ, поганымъ. Книжные люди, въ гордынѣ своего невѣжества, называли Рус-

скій народъ богоизбраннымъ Израилемъ, а всѣ другіе народы богоненавистниками. Общеніе съ иноземцами позволялось только по нуждѣ; ихъ пускали въ Московское государство лишь по крайней надобности и отвели имъ въ Москвѣ особую слободу, Кокуй. Ходить туда православнымъ считалось непристойнымъ; нѣмцамъ выходить изъ своей слободы было не всегда безопасно. Мальчишки, завидѣвъ на московской улицѣ иноземца, собирались толпой и кричали: «нѣмецъ, нѣмецъ, цыцъ на Кокуй, цыцъ на Кокуй». Иновѣрцамъ не дозволялось ходить въ русскую церковь, а если это случалось, то ее окуривали ладномъ и окропляли святой водой. Еще хуже считалось, если православный зайдетъ въ иновѣрческую церковь. Бѣсть вмѣстѣ съ иновѣрцами было зазорно, хоронили ихъ особо отъ православныхъ.

Русскіе люди такъ поступали вовсе не изъ ревности къ своей вѣрѣ, а по невѣжественному самолюбію, ибо почти также сторонились и отъ иноземцевъ православныхъ. Имъ давали милостыню, чествовали пріѣзжихъ святителей, оказывали радушіе и гостепріимство, но не спускали съ нихъ глазъ. Православному иноземцу нельзя было остановиться и разсматривать что нибудь на улицѣ: сейчасъ собиралась вокругъ него подозрительная толпа. При Царѣ Алексѣѣ пріѣхалъ въ Москву Антиохійскій патріархъ въ то время, какъ Царь находился въ походѣ. Патріарху не позволяли никуда выѣзжать, безъ особаго разрѣшенія начальства; онъ даже не смѣлъ смотрѣть изъ оконъ монастыря на царскій вѣздъ. Въ одномъ городѣ сопутниковъ патріарха обступилъ народъ, огля-

дывалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, точно рѣдкостныхъ звѣрей, и спрашивалъ—ѣдятъ ли они хлѣбъ, есть ли у нихъ женщины и другое подобное. Все это оттого, что православные иноземцы были одѣты не такъ, какъ Русскіе, говорили не русскимъ языкомъ, держались привычекъ, несходныхъ съ русскими. А какъ въ языкѣ, въ одеждѣ, въ обычаяхъ своихъ народъ видѣлъ печать православія и связывалъ ихъ со своей вѣрой,—то все, что подъ эту мѣрку не подходило, считалъ неладнымъ, нечестивымъ.

Не зная науки, промысловъ, торговли, считая все свое хорошимъ, а все чужое дурнымъ, Московское государство было бѣдно и невѣжественно, а значить и безсильно, потому что сила государства заключается въ просвѣщеніи и богатствѣ народномъ. И точно, государство при большой рати съ трудомъ справлялось съ малолюднымъ непріателемъ. Крымская орда нахально грабила окраины, жгла поля и избы, уводила людей въ плѣнъ. Чтобы сдержать Татаръ, Московскіе государи изъ года въ годъ посылали въ Крымъ подарки; это была та же дань, которую въ старину платила Русь Большой ордѣ, только полегче и съ виду не такая срамная. Отовсюду грозили Москвѣ враги—сосѣди, жадные на чужое добро, и что дальше, то дѣлались опаснѣе. Становилось ясно, что государству долго такъ не пробыть, что ему надо завести новые порядки, обогатиться, просвѣтиться и усилиться, иначе не миновать бѣды.

Лучшіе Русскіе люди уже давно понимали смутно нужду государственнаго обновленія. Изъ Западной Руси стали вызывать учителей духовныхъ; для мір-

скихъ нуждъ, особенно для разнаго мастерства и для военнаго дѣла издавна, съ Ивана III, звали иноземцевъ, и что дальше, то больше. Стали появляться переложенныя на русскую рѣчь книги, впрочемъ больше для дворца и посольскаго приказа. При Царѣ Алексѣѣ появились наставники изъ западно-русскихъ ученыхъ людей, сначала во дворцѣ, потомъ у вельможъ. Самый знаменитый изъ нихъ, Симеонъ Полоцкій, въ проповѣдяхъ умолялъ Русскихъ людей въискать науку. Лучшіе люди стали понимать, что наука нужна, и бояться ея нечего: отъ огня, желѣза и воды гибнетъ много людей, однако безъ нихъ жить нельзя, надо только владѣть ими умѣючи. При Царѣ Федорѣ появились первыя почты, съ Царя Алексѣя стали вывозить изъ-за моря куранты (газеты), при немъ же появились въ Москвѣ двѣ аптеки, больше прежняго допускались мірскія игры и забавы, завелись даже комедіи для забавы царской. Начали пробираться иноземные обычаи—подстриганье и бритье бородъ, короткое иноземное платье. Все это служило знаменіемъ новаго времени; все показывало, что со старой, битой дороги государство начинаетъ сворачивать на новый путь, по которому давно уже шла вся Европа.

И точно, Русская земля сворачивала на новый путь: въ ней еще не заглохъ живой христіанскій духъ преусціянія и усовершенствованія. Но всѣ попытки—обновиться и просвѣтиться—дѣлались какъ бы урывками, съ боязнью и колебаніемъ; сегодня запрещалось то, что дозволялось вчера, и наоборотъ, да и до самой сущности дѣла не добирались. Школы стали заводиться, но учили въ нихъ не тому, что требовалось;

въ военномъ дѣлѣ заводились разныя новинки, но всё онѣ выходили на старыи ладъ. Хоть цѣлая московская слобода заселилась иноземцами, но ихъ не любили и боялись; въ войскѣ еще терпѣли, но учителями въ школы не пускали. Царь Алексѣй смотрѣлъ балеть, но считалъ это грѣхомъ и всякій разъ спрашивалъ у духовника разрѣшеніе. Въ послѣдній годъ своего царствованія онъ указалъ—иноземныхъ обычаевъ не принимать, волосъ не подстригать, платья иноземнаго покроя не носить. А черезъ нѣсколько лѣтъ, Царь Федоръ велѣлъ дворянамъ и приказнымъ иначе не ходить во дворецъ и даже въ Кремль, какъ въ короткихъ кафтанахъ.

При такихъ сомнѣніяхъ и колебаніяхъ дѣло обновленія, разумѣется, не спорилось и все новое тонуло въ старомъ, тѣмъ паче, что за новизны были немногіе, многолюдство же стояло за старину упорно. А между тѣмъ, время не ждало. Надо было крѣпкой рукой взяться за обновленіе, уничтожить рознь, прогнать спячку, втянуть Русскихъ людей въ неустанную работу сообща и твердо двинуть государство по пути, на который оно такъ боязливо сворачивало. Какъ разъ въ это время Богъ послалъ Россіи недостававшего ей кормчаго, Петра Великаго.

Въ немъ сразу сказался новый человѣкъ. Онъ всюду ѣздилъ и ходилъ за-просто, одѣвался небогато, проводилъ время со своей компаніей и съ иноземцами, ѣздилъ въ нѣмецкую слободу, заходилъ въ иновѣрческія кирки, водилъ иноземцевъ въ православныя церкви. При прежнихъ царяхъ ничего подобнаго Русскіе люди не видывали и не слыхивали. Московскіе государи

изъ Москвы далеко не ѣздили, носѣщали только монастыри и выѣзжали на охоту, въ военные походы хаживали рѣдко. Петръ больше ѣздилъ, чѣмъ сидѣлъ дома, безпрестанно переносился съ одного конца государства на другой, сдѣлалъ два похода въ простомъ чинѣ, подъ Азовомъ своеручно исполнялъ пушкарское и всякое другое дѣло. Преніе государи не только въ чужія земли не ѣзжали, да и подданныхъ своихъ туда не посылали, кромѣ посольскихъ надобностей; Петръ поѣхалъ въ Европу и самъ пробылъ тамъ полтора года. Бояре и дворяне считали непристойнымъ заниматься ремеслами; Петръ отправилъ въ ученые къ иноземцамъ боярскихъ и дворянскихъ дѣтей и самъ работалъ не хуже поденщика. У преннихъ царей большая часть дня проходила въ богомольи; всякій день они выстаивали въ церкви утреню, обѣдню и вечерню; посты держали строго; Кремль, жилище государя, былъ будто большимъ монастыремъ, а государь, кромѣ своего царскаго сана, какъ бы всероссійскимъ церковнымъ старостой. Петръ тоже былъ истинный православный христіанинъ, но совсѣмъ на другой ладъ. Онъ велъ жизнь трудовую, рабочую, отдыха почти не зналъ, свободнаго времени не имѣлъ, а потому не жилъ и не могъ жить по монастырскому правилу. Онъ былъ государь великой земли Русской, мірскаго человѣкъ, а не монахъ; заботиться о благѣ подданныхъ, устроении земли, ея богатствѣ и преуспѣяніи,—вотъ въ чемъ былъ его долгъ передъ Богомъ, а не въ иноческомъ подвижничествѣ.

Но на Руси сильнѣе всего былъ обычай, дороже всего старина. Молодой Государь нарушилъ вѣковѣч-

ные обычаи и дорогую старину, завелъ новые, невиданные порядки и возложилъ на Русскихъ людей небывалую тяготу. Глухо заговорили про нечестивые поступки, замыслы и поведѣніе Царя; въ народѣ пошелъ ропоть; появились даже обличители. Роптали и соблазнялись всё, кромѣ развѣ немногихъ приближенныхъ къ Царю; роптали и темные сторонники старины, и люди, которые желали новаго, но думали, что обновленіе придетъ легко, безъ тягости и трудовъ, какъ по щучьему велѣнью. Больше же всёхъ роптали стрѣльцы.

Государь спрашивалъ отъ воинскихъ людей службы неуклонной, трудовъ постоянныхъ, спрашивалъ того, что дѣлалъ самъ: Новые полки такъ съ самаго начала и привыкли, а стрѣльцы издавна служили льготно, и новая служба показалась имъ тягостью несносной. Особенно избаловались они въ послѣднее время, при Царѣ Федорѣ и царевнѣ Софьѣ, и баловства этого забыть не могли. Вспоминая доброе старое время, когда они только лѣтомъ бывали въ походахъ, и то по очередно, стрѣльцы жили одной надеждой—авось впереди полегчаетъ, и они снова увидятъ спокойную семейную жизнь, съ теплой печкой, жирными щами, прибыльными промыслами. Подъ Азовомъ они бывали лѣтними, безпечны, строптивы; а послѣ Азовскаго взятія только и думали, какъ бы поскорѣе въ Москву.

Мнѣ хотѣлось, добру молодцу, при Москвѣ пожить,
 При Москвѣ пожить, при дворцѣ служить,
 При дворцѣ служить при государевомъ.
 Какъ не жаль-то мнѣ, молодцу, золотой казны,
 Только жаль-то мнѣ, молодцу, зеленасада.

Что во зеленомъ во саднѣ три деревца:
 Ужъ какъ первое въ саду дерево кедровое,
 А другое въ саду древо кипарисное,
 А третье въ саду древо—сладка яблонька.
 Что кедрово древо въ саду—родной батюшка,
 Кипарисъ-дерево въ саду—родна матушка,
 Сладка яблоня въ саду—молода жена,
 Отросточки у яблоньки—малы дѣтушки.

Но вышло не такъ: 4 стрѣлецкіе полка Петръ по-
 слалъ изъ-подъ Азова къ литовской границѣ, да и
 остававшихся въ Москвѣ разослалъ на службу по ру-
 бежамъ. Изъ-подъ Азова стрѣльцы пришли въ Вели-
 кіе Луки на такую же тяжелую службу, если не
 хуже. Человѣкъ 150 побѣжали въ Москву, будто отъ
 безкормицы. Тутъ они наслушались разныхъ толковъ
 на рынкахъ и площадяхъ про Царя отъ недовольныхъ
 людей и вошли чрезъ стрѣльчихъ въ пересылку съ
 царевнами, опальными Государевыми сестрами. Ца-
 ревна Софья прислала имъ изъ монастыря грамоту,
 звала въ Москву всѣ 4 полка. Князь Ромодановскій,
 который, за отсутствіемъ Царя, Москвою вѣдалъ, вы-
 сылалъ стрѣлецкихъ бѣгуновъ вонъ изъ города, но
 они не слушали; тогда онъ выгналъ ихъ силой, сол-
 датами. Стрѣльцы побѣжали къ своимъ полкамъ съ
 собранными вѣстями и съ царевниной грамотой. Вслѣдъ
 за ними пришелъ изъ Москвы указъ — перехватать
 бѣгуновъ и послать на вѣчное житье въ молороссій-
 скіе города. Стрѣльцы бѣгуновъ не выдали и стали
 толковать между собою, что бояре хотятъ удушить
 Государева сына, царевича Алексѣя; что благочестіе
 отъ нѣмцевъ закоснѣло; что Государь въ чужихъ

краяхъ скончался, и многое другое, все то, что бѣгуны стрѣлцкіе слышали на московскихъ базарахъ. На несчастье, за половодьемъ, почты тогда запоздали, и отъ Царя вѣстей не было съ мѣсяць, что и породило слухъ о его кончинѣ. Прямого, открытаго бунта, однако, все еще не было, пока одинъ изъ стрѣльцовъ не прочелъ всѣмъ четыремъ полкамъ письмо царевны Софьи. Въ толпахъ поднялся шумъ; стрѣльцы кричали, что надо итти къ Москвѣ, нѣмецкую слободу разорить, перебить нѣмцевъ и бояръ, Государя къ Москвѣ не пускать и тоже убить, а на державство позвать царевну Софью. Собрались круги, прогнали своихъ начальниковъ, выбрали новыхъ и пошли къ Москвѣ, рѣшивъ звать туда же другіе стрѣлцкіе полки и донскихъ казаковъ.

Сердце каменно молодецкое
 Леденѣтъ лишь да упорствуеть,
 На Царя дышетъ злобой дерзкою,
 Злобою дерзкою, богомерзкою.

Москва пришла въ смятеніе; она видала стрѣлцкія смуты и знала, какія бѣды ей грозятъ. Зажиточные люди стали со всѣмъ имуществомъ перебираться изъ города въ дальнія деревни; бояре держали ночью совѣтъ—что дѣлать. На утро рѣшили: выслать противъ мятежниковъ боярина Шеина съ генералами Гордономъ и Больцовымъ-Масальскимъ, давъ имъ 4000 войска и 25 пушекъ. Царское войско встрѣтило стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ; ихъ было 2200 человекъ. Гордонъ поѣхалъ въ стрѣлцкій станъ уговаривать бунтовщиковъ; стрѣльцы не хотѣли ни-

чего слушать и кричали, что либо помрутъ, либо будутъ въ Москвѣ хоть на малое время; когда же Гордонъ продолжалъ ихъ вразумлять, то пригрозили, что зажмутъ ему ротъ. Не удалось иноземцу, — Шейнъ послалъ русскаго, князя Больцова-Масальскаго; этому была та-же неудача. Стали готовиться къ битвѣ, на обѣихъ сторонахъ служили молебны; стрѣльцы исповѣдались. Шейнъ жалѣлъ неразумныхъ мятежниковъ и вздумалъ ихъ прежде поугатъ: велѣлъ выстрѣлить изъ пушекъ черезъ головы. Отъ этого стрѣльцы еще больше ободрились, стали кидать шапки вверхъ и похваляться всячески. Тогда Шейнъ приказалъ стрѣлять мѣтко; какъ только пушки дали три залпа, стрѣльцы разбѣжались. Ихъ переловили, начался розыскъ (слѣдствіе). Съ пытки стрѣльцы повинились, но никто изъ нихъ не сказалъ про письмо отъ царицы Софьи Алексѣевны. Бояре приговорили: 74 человекъ самыхъ виновныхъ повѣсить, а 1905 послать въ ссылку.

Августа 25 пріѣхалъ въ Москву изъ чужихъ краевъ Государь. Онъ былъ недоволенъ стрѣлецкимъ розыскомъ и рѣшилъ доискаться всей правды. Одинъ злодѣйскій замыселъ задержалъ его въ Москвѣ передъ выѣздомъ, другой заставилъ вернуться раньше времени. Въ памяти Государя встали все ужасы стрѣлецкаго бунта во дни его юности: происки и подвохи Милославскихъ, гоненіе Нарышкиныхъ, тѣла убитыхъ стрѣльцами людей, трупъ его дяди, ими замученнаго, страхъ и слезы матери, незаконный захватъ державства Софьей. Съ той поры Петръ ужъ много потрудился, чтобы избыть невѣжественную старину, а тутъ

старина опять поднимаетъ голову, грозя гибелью. Гнѣвомъ запылало сердце Петра, и онъ положилъ—искоренить враговъ въ конецъ, безъ жалости и безъ пощады, такъ, чтобы и сѣмени не осталось.

Государь тотчасъ-же принялся за новый розыскъ. Стрѣльцы были пытаны крѣпко и стали оговаривать изъ солдатскихъ полковъ кого знали, но втянуть въ розыскное дѣло солдатъ имъ не удалось. Отъ нѣсколькихъ стрѣльцовъ добыто сознание, что было отъ царевны Софьи письмо; еще больше Софьи оказалась замѣшанной въ дѣло ея сестра, царевна Марѳа. Петръ допросилъ самъ своихъ сестеръ: Софья гордо заперлась; Марѳа повинилась, только не во всемъ. Петръ велѣлъ постричь ихъ въ монахини и расадить въ два разные монастыря; къ Софьѣ приставилъ сотню солдатъ, дозволилъ пускать къ ней сестеръ только два раза въ годъ и далъ особое, строгое правило, какъ ее стеречь и какъ за ней смотрѣть.

Судъ надъ стрѣльцами тянулся долго; 30 сентября начались казни. Въ этотъ день 200 человекъ стрѣльцовъ повезли изъ Преображенскаго къ Покровскимъ воротамъ; въ каждой телѣгѣ сидѣло ихъ по двое, держа въ рукѣ по зажженной свѣчѣ; за телѣгами бѣжали стрѣльчихи и стрѣльчата, плача во весь голосъ.

Голова-ль ты моя головушка,
Голова моя послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Ахъ, не выслужила головушка
Ни корысти себѣ, ни радости,
Какъ ни слова себѣ добраго

И не рангу себѣ высокоа;
Только выслужила головушка
Два столбика высокіе,
Перекладину еленовую,
Еще петельку шелковую.

Казни тянулись, съ перерывами, слишкомъ 4 мѣсяца. Одинъ разъ Государь велѣлъ своимъ ближнимъ людямъ своеручно отрубить головы нѣсколькимъ челоувѣкамъ; самъ, не сдержавъ сердца, отсѣгъ головы пятерымъ. Всего переказнено слишкомъ 1,100 челоувѣкъ, большею частію повѣшено на московскихъ стѣнахъ, такъ что доселѣ живеть на Москвѣ поговорка: «что зубецъ, то стрѣлецъ». Почти до 200 челоувѣкъ повѣшено передъ Новодѣвичимъ монастыремъ, гдѣ жила царевна Софья, а 3 стрѣльца передъ самыми окнами ея кельи, съ челобитными въ рукахъ. Цѣлые 5 мѣсяцевъ трупы не убирались съ мѣста казни.

Нѣсколько десятковъ стрѣльцовъ, пущихъ злодѣевъ и заводчиковъ, были оставлены въ тюрьмахъ для новаго разспроса и, черезъ годъ, кто казненъ, кто посланъ въ ссылку. Гнѣвъ царскій къ тому времени улегся, и съ ними поступлено милостивѣе, чѣмъ съ ихъ братьей.

Гнѣвень и раздраженъ былъ Государь все время стрѣлецкаго розыска. Сидя на веселомъ пиру, онъ часто впадалъ въ глубокую думу, становился мраченъ, молчаливъ, суровъ. Онъ вспоминалъ чужія земли, сравнивалъ ихъ со своимъ государствомъ, и тоска грызла его сердце, одолѣвало сомнѣніе — сможетъ ли онъ обновить родную землю, не черезъ силу ли работа? Какъ онъ ни старался, но не могъ избавиться

отъ душевной муки, и на него временами находили припадки ярости. Узнавъ, что Шейнъ производилъ въчины за деньги, Петръ, на пиру у Лефорта, замахнулся на него шпагой, а когда Ромодановскій и Зотовъ старались оборонить Шейна, онъ ударилъ Зотова по головѣ, а Ромодановскаго по рукъ и едва не отсѣкъ ему палець. Заступился Лефортъ, но и тому досталось, а успокоилъ Петра новый его любимецъ, Меншиковъ. Доставалось также и другимъ, попадали подъ гнѣвъ Государя и любимцы.

Переказнивъ виноватыхъ и сославъ нѣсколько десятковъ на дальнее житье, Государь приказалъ всѣхъ остальныхъ московскихъ и азовскихъ стрѣльцовъ распустить по городамъ въ посадъ, кто куда захочетъ, переселить къ нимъ женъ и дѣтей, и этихъ бывшихъ стрѣльцовъ не пускать изъ новыхъ мѣстъ ихъ жительства въ Москву.

Велико было ожесточеніе Петра, беспощадно расправился онъ со стрѣльцами, но этого нельзя ставить ему въ тяжкій укоръ. Пока жила унаслѣдованная отъ стараго времени стрѣлецкая закваска, можно было ожидать впереди большихъ золъ. Слѣдовало пресѣчь зло на вѣки-вѣчные, покончить съ нимъ разъ навсегда; Петръ такъ и сдѣлалъ. Врядъ-ли другой государь поступилъ бы иначе, а про то и говорить нечего, какими ужасами и злодѣйствами отпраздновали бы стрѣльцы свою побѣду, если бы осилили предержавшую власть. Пытая и казня стрѣльцовъ, Петръ поступалъ по понятіямъ своего времени и велъ розыскъ виновнѣ законнымъ образомъ; въ старину это было не всегда.

V. Отъ стараго къ новому.

Торопясь изъ чужихъ земель въ Москву, тушить поднявшуюся стрѣлецкую смуту, Петръ хорошо понималъ, что за бунтовщиками стоятъ тѣмы его враговъ и противниковъ. Они не прекословятъ явно, но отъ нихъ будетъ его дѣламъ препона и помѣха, тупая, упорная, которую сломить труднѣе, чѣмъ открытый мятежъ. Рѣшивъ покончить со стрѣльцами, Государь въ то же время положилъ начать войну со старыми обычаями и порядками, которые наиболѣе отличали Россію отъ Европы. По своему обыкновенію, онъ принялся за дѣло тотчасъ же, круто и рѣшительно.

На другой день Государева возвращенія, 26 августа 1698 года, рано утромъ, пришли къ нему на поклонъ люди знатные и незнатные. Онъ ласково со всѣми поздоровался, со многими обнялся и поцѣловался и собственноручно пообрѣзывалъ вельможамъ бороды, не тронувъ только самыхъ почтенныхъ стариковъ. Въ день новолѣтія, 1 сентября, былъ у Шеина пиръ; гостей собралось множество, всякаго чина и состоянія. Государь былъ веселъ, шутилъ, по старому обычаю раздавалъ яблоки, и когда всѣ развеселились, царскій шутъ сталъ обрѣзывать бороды у тѣхъ, кто, по недогадливости или упорству, пріѣхалъ на праздникъ, не обрившись. Послѣ того велѣно указомъ всѣмъ брить бороды, кромѣ духовенства и крестьянъ. Спустя нѣкоторое время, указано всѣмъ, за тѣми же изытіями, носить одежду иноземнаго покроя, короткую, какую уже носилъ самъ Царь.

Изъ всѣхъ старинныхъ обычаевъ, ношеніе бороды считалось чуть ли не самымъ священнымъ. Хоть издавна, съ Бориса Годунова, началось на Руси бритье бородъ, но съ того же времени поднялись противъ нововводителей и обличенія. За бороду даже всталъ Царь Алексѣй и велѣлъ за подрѣзываніе волосъ отнимать чины. Стояло за бороды и духовенство. Патріархъ Іоакимъ называлъ новый обычай гнуснымъ, блудническимъ, отлучалъ за брадобрітіе отъ церкви, влялъ влятву и на тѣхъ, кто съ бритыми въ общеніе входитъ. Патріархъ Адрианъ, 7 лѣтъ назадъ, говорилъ, что бритье бородъ уподобляетъ людей котамъ и псамъ и стращаль нововводителей страшнымъ судомъ, гдѣ имъ придется стать съ грѣшниками ошуюю. Всего три мѣсяца назадъ, одинъ близкій къ Государю человекъ не хотѣлъ вѣрить, что другой вельможа сбрилъ въ Вѣнѣ бороду и надѣлъ нѣмецкое платье. Но Государь шутить не любилъ, и всѣ должны были повиноваться. Многіе, сбривъ бороду, вспомнили о смертномъ часѣ и наказали положить ее съ собою въ гробъ, дабы не предстать на страшный судъ въ блудночномъ образѣ. Другіе спрашивали отцовъ духовныхъ, брить ли бороду, или, для спасенія души, поплатиться головой? Одному такому вопрошавшему св. Дмитрій Ростовскій отвѣчалъ: «коли сбрить бороду, то она еще можетъ отрости, а если снять голову, такъ уже не отростетъ».

Перемѣна платья тоже произвела большое смятеніе; многіе заупрямились, и Государь вынужденъ былъ не одинъ разъ подтверждать свое повелѣніе новыми указами. Чтобы никто не отговаривался неумѣньемъ изготовить платье новаго покроя, на улицахъ были

вывѣшены чучелы, одѣтыя въ платье указаннаго образца. Велѣно было одѣваться на иноземный ладъ и женщинамъ, но долго послѣ того многія московскія барыни щеголяли въ нѣмецкихъ платьяхъ только на глазахъ у Государя, а когда онъ уѣзжалъ изъ города, то одѣвались по старинѣ.

Искони новолѣтіе считали на Руси 1 марта; потомъ, въ татарскую неволю, стали года вести съ 1 сентября и такъ считали до Петра. Въ Европѣ счетъ былъ другой, тамъ новый годъ начинался 1 января. Петръ рѣшилъ сдѣлать такъ и на Руси, и въ 1699 году велѣлъ счетъ годовъ вести съ 1 января, а начать новый счетъ съ 1 января 1700 года. Поднялся новый ропотъ; говорили, что переносъ новолѣтія съ Семена на Василия есть затѣя еретическая. Упираться противъ Государевой воли не смѣли, и потому счетъ лѣтъ отъ 1 января такъ съ того времени и пошелъ, но многіе продолжали держаться у себя, дома, старины и лѣтъ 15 праздновали келейно новолѣтіе 1 сентября.

Съ великаго князя Ивана III начали заводится при дворѣ разные торжественные обряды и порядки. Всякій выходъ государя былъ параднымъ шествіемъ; въ большіе праздники на царской одеждѣ было низано столько драгоценныхъ каменьевъ, что государя вели подъ руки не для одной торжественности. Царь обѣдывалъ обыкновенно одинъ; кушанье къ его столу доставлялось не иначе, какъ испробованное многими придворными; въ случаѣ болѣзни царской, лѣкарь пробовалъ лѣкарство, которое давалъ государю. Бояре и другіе чиновные люди являлись во дво-

рець каждый день. Увидѣвъ пресвѣтлыя царскія очи, они кланялись въ землю, даже по нѣскольгу разъ, особенно коли государь оказывалъ какую-нибудь милость; одному боярину привелось какъ-то поклониться государю въ ноги 30 разъ подрядъ. Никому не проходила даромъ встрѣча съ царицей, даже невзначай; тотчасъ начинались розыски и допросы, не было ли въ той встрѣчѣ злого умысла. Даже лѣкарь не могъ видѣть царицу и царевенъ: когда была въ чемъ нужда, его впускали, завѣсивъ напередъ окна. Государь объдалъ одинъ, но въ обычаѣ было разсылать ближнимъ людямъ съ царскаго стола кушанья; на государевъ столъ и на подачи расходилось каждый день больше 3000 блюдъ. Въ челобитныхъ люди величали царя до небесъ; а себя не въ мѣру унижали: звались людишками, подписывались Ваньками, Оедьками. На улицахъ люди падали передъ царемъ на колѣни; проходя мимо дворца, снимали шапки, даже зимой. Добраться до царя за какойнибудь надобностью было для простого человѣка дѣломъ недостаточнымъ.

Все это Петръ переимѣнилъ. Онъ не терпѣлъ церемоній и чинныхъ придворныхъ распорядковъ, не любилъ и рабскаго обращенія, а потому не велѣлъ бросаться передъ нимъ на колѣни, бить челомъ въ землю, снимать шапки передъ дворцомъ, писаться уменьшенными прозвищами. Петръ говорилъ, что желаетъ отъ людей меньше низости и больше усердія къ службѣ и вѣрности. Обѣдалъ онъ всегда въ компаніи, за-просто; парадные обѣды, гдѣ приходится съ разными церемоніями кушать одному, онъ ненавидѣлъ и говорилъ, что они выдуманы въ наказанье боль-

шимъ господамъ. Посылать съ царскаго стола подачи онъ не приказалъ, отмѣнилъ и обычай—кормить во дворцѣ нищихъ. Въ дни поминовенія кормилось ихъ во дворцѣ, въ послѣднее время, 1370 человекъ; на первый разъ Государь приказалъ раздать эти деньги нищимъ по улицамъ. Доступъ къ Царю сталъ вольный, вольно было каждому подавать и присылать письма о всякихъ улучшеніяхъ. Такимъ способомъ, по мысли простого человека, Курбатова, дворецкаго графа Шереметева, введена гербовая бумага; этотъ Курбатовъ и крестьянинъ Посошковъ не разъ подносили Государю свои предложенія по разнымъ дѣламъ.

Въ Русскихъ людяхъ того времени, вмѣстѣ съ добрыми свойствами русской природы, жили гнусные пороки. Главною тому виной былъ укоренившійся съ татарщины обычай—держатъ женъ и дочерей въ теремахъ, не пускать ихъ въ мужское общество, выдавать дѣвицъ замужъ и женить сыновей не по сердечной ихъ склонности, а по волѣ родителей. Такъ велось у бояръ, дворянъ и вообще у людей большихъ. Увидавъ, какое почетное мѣсто занимаютъ женщины въ европейскихъ семьяхъ и на какой свободѣ онѣ тамъ живутъ, Государь рѣшилъ завести то же самое у себя. Для этого приказано, чтобы на свадьбахъ и общественныхъ увеселеніяхъ женщины находились вмѣстѣ съ мужчинами, а не особо; постановлено также, чтобы дѣвушки выходили замужъ по своей волѣ. До того времени женихъ и невѣста видѣлись первый разъ когда ужъ дѣло было совсѣмъ слажено, иногда даже подъ вѣнцомъ. Случались при этомъ грубые обманы: хозяинъ высватывалъ свою дочь, а подъ вѣнецъ ста-

вилъ дальнюю родственницу, либо даже служанку. Бывало и такъ, что на смотринахъ за невѣсту показывали какую нибудь красивую дѣвушку, если дочь хозяйская не прогожа, а подъ вѣнецъ ставили дочь. Петръ издалъ указъ, чтобы до вѣнчанія непременно быть за шесть недѣль обрученію, и если женихъ или невѣста захотятъ до вѣнца намѣреніе свое переменить, въ томъ быть свободѣ и ихъ отнюдь не смѣть неволить.

Общественной жизни на Руси не знали почти совсѣмъ; въ одно только мѣсто собирались всѣ, знакомые и незнакомые,—въ церковь Божію, но не для мірскихъ дѣлъ. Надо было завести какое-нибудь мѣсто для общественныхъ мірскихъ собраній; Государь завелъ театр. Театръ былъ и до Петра, но не для всѣхъ, а придворный. Петръ приказалъ построить въ Москвѣ театръ для всѣхъ и давать тамъ представленія мірскаго содержанія (до того были только духовнаго). Въ дни, когда въ театрѣ давались представленія, Петръ велѣлъ позже обыкновеннаго запирать городскія ворота, чтобы не затруднять прїѣздъ. Сказано было Государеву желаніе—не однимъ мужчинамъ ѣздить въ театръ, а также женамъ и дочерямъ, безъ фаты и покрывала. И эта новинка не понравилась; стали говорить, что въ театръ ѣздить—бѣса тѣшить, а возить туда женщинъ и дѣвицъ значитъ всенародно ихъ позорить.

Позаботился Государь на первыхъ порахъ и о народномъ здравіи. Докторовъ было мало, аптекъ тоже. Еще при царѣ Михайлѣ завелась въ Москвѣ аптека, но купить тамъ лѣкарство можно было не иначе, какъ

подавъ челобитную Государю. При царѣ Алексѣѣ эту проволочку отиѣнили, но лѣкарства были дороги, и простой народъ покупалъ цѣлебныя травы и снадобья у мужиковъ ходячихъ или въ зеленыхъ лавкахъ. Петръ велѣлъ открыть въ Москвѣ 8 аптекъ, а зеленыя лавки закрыть, потому что оттуда продавались непотребныя травы, отъ которыхъ люди умирали скорой смертью.

На Руси жилъ нехристіанскій обычай — убивать младенцевъ, которые родились уродами. Государь указалъ этого не дѣлать подѣ смертной казнью, а про такихъ новорожденныхъ уродовъ велѣлъ объявлять. Тогда же приказано хоронить умершихъ не раньше трехъ дней послѣ смерти.

Табакъ Русскіе люди узнали давно, но противъ табачниковъ постоянно вставали приверженцы старины. Еще передъ отъѣздомъ въ чужія земли Петръ позволилъ продажу табаку, а потомъ табачную торговлю отдалъ на откупъ. Пошелъ сильный ропоть; говорили, что попы стали уже не служители Божіи, а волки и церкви Божіей обругатели, потому что употребляютъ табакъ и принимаютъ антидоръ. Одинъ игуменъ объяснилъ, что куреніе табаку запрещено Словомъ Божіимъ: дымъ-де табачный выходитъ изо рта, а въ Писаніи сказано: не то сквернить человѣка, чтó входитъ въ уста, а то, чтó выходитъ изъ устъ. Игуменъ не понималъ, что въ Писаніи говорится про слова, сквернящія человѣка.

Искони государя Московскіе жаловали своихъ вѣрныхъ слугъ деньгами, помѣстьями, кубками, ковшами, шубами. Чтобы въ царскомъ пожалованіи было

больше почета, чѣмъ корысти, Петръ установилъ, по примѣру чужихъ странъ, орденъ, и именно Андрея Первозваннаго, которымъ и жаловалъ самыхъ высокихъ по заслугѣ людей.

Русская земля много терпѣла отъ разбойниковъ; во времени Петра это зло жило въ большомъ размѣрѣ. Разбойничали больше бродячіе люди, которые не переводились отъ земскаго нестроенія, но не они одни. Иной бояринъ проживалъ въ бѣдныхъ хоромахъ, а челяди у него было съ сотню, все народъ босой и голодный, потому что бояринъ худо кормилъ и одѣвалъ. Челядь эта шалила по дорогамъ, накидываясь на проезжихъ, и не оставляла своего воровскаго промысла даже въ Москвѣ. Случалось, что разбойничали по большимъ дорогамъ и сами помѣщики, нападая на цѣлыя деревни; попадались въ разбойничьихъ шайкахъ даже монахи. Въ Москвѣ разбойники были одно время такъ дерзки и безстрашны, что Государь кончалъ свои пиры въ ранній часъ, дабы гости могли безопасно разъѣхаться по домамъ. Петръ крѣпко взялся за разбойниковъ и казнилъ ихъ беспощадно, особенно наводилъ на нихъ страхъ князь-кесарь Ромодановскій.

Неменьше терпѣли Русскіе люди отъ насилія и самовольства воеводъ. Государь началъ войну противъ этого зла тѣмъ, что позволилъ посадскимъ, купецкимъ и промышленнымъ людямъ завѣдывать своими дѣлами черезъ выборныхъ, а не воеводамъ и приказнымъ. Всѣми такими выборными людьми указано вѣдать Московской Бурмистерской палатѣ (ратушѣ), и за такую льготу установленъ двойной окладъ податей. Затѣвая великія дѣла, Петръ нуждался въ деньгахъ и потому

началъ съ улучшенія быта промышленнаго и торговаго сословія, а потомъ уже сталъ издавать законы, для наученія Русскихъ людей другихъ сословіи дѣлать дѣло сообща и самимъ заботиться о своихъ нуждахъ и пользахъ. Но сразу ничто не дается. Люди были неумѣлые, непривычные и сейчасъ же между своими выборными нажили себѣ насильниковъ и мироѣдовъ. Однако Государя это не смутило и онъ указалъ—въ городахъ вѣдать всякія дѣла, вмѣстѣ съ воеводами, дворянамъ-помѣщикамъ и вотчинникамъ; одному воеводѣ, безъ дворянъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу по нимъ не чинить. А чтобы меньше было въ государственныхъ, земскихъ и иныхъ дѣлахъ произвола и кривого толкованія законовъ, Государь велѣлъ нѣсколькимъ сановникамъ составить новое Уложение.

Вообще всѣ мысли Петра клонились сначала къ тому, чтобы Русскіе люди не ждали на все указы изъ Москвы, а вѣдали бы, вмѣстѣ съ мѣстными властями, своими дѣлами сами. А то въ Московской Руси завелись издавна такіе порядки, что городъ, монастырь, владѣльческое село, оброчная слобода, находившіеся въ близкомъ сосѣдствѣ, жили врозь, какъ чужіе, и тянули не другъ къ другу, а каждый порознь къ Москвѣ.

Изъ-за такой повсемѣстной розни, торговые люди отставали отъ иноземныхъ торговцевъ и всегда бывали отъ нихъ въ накладѣ. Петръ приказалъ купцамъ вести торговлю компаніями, какъ въ чужихъ земляхъ ведется, и имѣть о томъ межъ собою съ общаго совѣта установленіе.

Заботясь о торговлѣ, Государь подумалъ и о мо-

нетъ. На Руси денежный счетъ вели рублями, алтынами и деньгами, а были только серебряныя копейки и денежки, да и то, по малому ихъ числу, копейки пересѣкали на двое, а вмѣсто денежекъ платили кожаными и другими жеребьями. Петръ ознакомился съ монетнымъ дѣломъ въ Англіи и устроилъ его у себя скоро. По его указу появились разныя деньги—мѣдныя, серебряныя и золотыя; на золотыхъ выбивался портретъ Государя; запрещено было разсѣкать копейки и торговать жеребьями. До того времени на московскомъ монетномъ дворѣ выбивали серебряной монеты на 500.000 рублей въ годъ и меньше, въ 1700 году выбили на 2 милліона, а въ 1702 году на 4 $\frac{1}{2}$ милліона.

Вздивши за наукой въ чужія земли, Государь, разумѣется, взыскалъ ее и у себя, посылая Русскихъ учиться въ Европу и вызывая въ свое государство свѣдущихъ иноземцевъ. Но чтобы они охотнѣе шли, надо было устроить имъ житье въ Россіи лучше прежняго. До Петра они жили въ Московскомъ государствѣ довольно свободно и даже церкви имѣли въ своей слободѣ, только безъ колоколовъ. Меньше другихъ дано было воли католикамъ, потому что Римскіе папы издавна любили посягать на всякую иную вѣру и лаской, и обманомъ, и силой. Однако иноземцевъ на Руси терпѣли нехотя, только какъ нужныхъ людей; было имъ спокойно лишь по милости и соизволенію царя, до времени, до случая. Петръ далъ имъ усѣсться на Руси тверже прежняго, дозволилъ свободно отправлять богослуженіе, разрѣшилъ посѣщать православныя церкви, строить свои, употреблять колокола и пособлялъ имъ при постройкѣ церквей. Стараясь объ учи-

теляхъ, Государь заботился и объ училищахъ. Въ Москвѣ находилось тогда одно на всю Россію (кромя Малороссіи) училище—Славяно-Греко-Латинская академія, да и то въ очень дурномъ состояніи. Петръ велѣлъ открыть школу Математическую и навигацкую (мореплаванія) и поставилъ туда учителей сначала изъ однихъ Англичанъ; завелъ еще школу плѣнный пасторъ Глюкъ, который зналъ русскій языкъ. Стали печататься и продаваться книги для обученія. Чтобы Русскіе могли знать обо всемъ происходящемъ въ Московскомъ государствѣ и въ другихъ, Государь велѣлъ издавать въ Москвѣ «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти». Прежде такую вѣдомость составляли только для царя.

Прямые учителя народу — люди духовнаго чина, они больше всѣхъ могли бы пособить Петру заводить школы и обучать народъ. Но тогдашнее духовенство было почти такъ же невѣжественно, какъ и самъ народъ, а сельскіе попы зачастую ничѣмъ не отличались отъ простыхъ мужиковъ. Вдобавокъ ни одно слово не держалось такъ крѣпко за старину, какъ духовенство, особенно архіерей. Два послѣдніе патріарха были люди добрые, святители благочестивые, но неученые. Въ благихъ начинаніяхъ Петра они добра не чаяли и хотъ чтили въ немъ помазанника Божія, но иногда подымали голосъ за старину, охуждали иноземныя затѣи и ни въ чемъ почти Государю не пособляли. Петръ, напримѣръ, настаивалъ, чтобы патріархъ позаботился объ устройствѣ училищъ, но ровно ничего не добился. Петръ положилъ — наладить дѣло во что бы то ни стало.

Въ 1700 году умеръ патриархъ Адрианъ. Подъ его управленіемъ многія дѣла пришли въ упадокъ и церковное неустройство усилилось. Приходилось ставить новаго патриарха; Государю нуженъ былъ такой, который служилъ бы ему пособникомъ, но такого между архіереями не было. А еслибы попалъ въ патриархи святитель съ сильной волей, съ неуступчивымъ нравомъ и всталъ бы за старину во всемъ величіи своего сана, то всѣ робкіе, тайные враги новыхъ порядковъ объявились бы на его сторонѣ и народилась бы такая смута, такой соблазнъ, какихъ еще не бывало. У патриарха были свои бояре и другіе чины, какъ при царскомъ дворѣ; народъ привыкъ считать патриарха за духовнаго государя, который мірскому царю равенъ и даже больше его. По народному разумѣнію, патриарху надлежало входить въ такія дѣла, которыя до церкви и вѣры не касались, но сдѣлались священными, какъ старый обычай. Про Адриана уже кричали: «какой онъ патриархъ, живетъ изъ куска; спать бы ему да ѣсть, а не обличать». Петръ не могъ допустить такого двуначалія, тѣмъ паче, что въ Москвѣ жила самъ рѣдко, и въ его отсутствіе патриархъ становился еще выше въ понятіи народа. Государь, правда, могъ обойти великорусскихъ архіереевъ и выбрать патриарха изъ малороссійскихъ, но и между ними не находилъ онъ никого по мысли. Кромѣ того на малороссійскихъ ученыхъ иноковъ Русскіе смотрѣли косо, какъ на чужихъ, и обзывали ихъ латынниками, обливанцами, полячишками. Патриарха изъ малоруссовъ возненавидѣли бы всѣ и обвинили въ ереси, если бы онъ хоть въ маломъ дѣлѣ отступилъ отъ старины.

Ради всего этого Государь рѣшилъ—новаго патріарха до времени не ставить. Кромѣ того, чтобы церковь вѣдала только свои, церковныя дѣла, Петръ отобралъ отъ нея судныя разыскныя дѣла и распредѣлилъ ихъ по гражданскимъ и судебнымъ мѣстамъ, гдѣ имъ быть и приличествовало. Затѣмъ церковными дѣлами Государь приказалъ править Стефану Яворскому, митрополиту Рязанскому и Муромскому, и ему блюсти патріаршіи престолѣ.

Стефанъ былъ поставленъ въ святители почти неволей; вслѣдъ за нимъ другой ученый малороссійскій монахъ, Дмитрій, посвященъ въ митрополиты Ростовскіе, а третій, Филоеѣй, сдѣланъ Сибирскимъ митрополитомъ. Государь разсчитывалъ на нихъ не напрасно: перемены начались сейчасъ же. Св. Дмитрій Ростовскій ополчился Божественнымъ словомъ и проповѣдью противъ суевѣрій, предрасудковъ и невѣжества, завелъ училище при своемъ архіерейскомъ домѣ, самъ училъ, самъ за всѣмъ смотрѣлъ. Филоеѣй тоже открылъ въ Сибири училища; Стефанъ взялся за устройство Московской академіи.

Наука есть самый вѣрный путь къ добру и благу, но только путь долгій, потому что дается она не сразу, и много проходитъ времени, пока добрые ея плоды станутъ общимъ достояніемъ. Оттого, кромѣ заботы объ обученіи, Государь вводилъ благоустройство и строгими указами. Между иноками встрѣчались люди истинно-благочестивые, которые исполняли свой подвигъ свято и служили примѣромъ богобоязненнаго и праведнаго житія. Но гораздо больше было такихъ, которые вели себя зазорно и санъ свой всякимъ не-

потребствомъ порочили, принявъ постриженіе не ради спасенія души, а чтобы уйти отъ тяжелой мірской жизни, въ спокойствіи ѣсть даромъ хлѣбъ да бражничать. Монастырей тогда считалось 557; они владѣли огромными вотчинами въ 130,000 дворовъ; богаче всѣхъ была Троицко-Сергіевская лавра, за которой состояло слишкомъ 20,000 дворовъ; у 14 монастырей было по 2,000 дворовъ и больше. Отъ этого страдала государева казна и многіе тунеядцы отдѣлывались отъ всякой службы. Царь указалъ переписать всѣ монастыри, монаховъ и монахинь; мірянъ, жившихъ по монастырямъ, вывестъ вонъ; ни въ монахи, ни въ монахини не постригать вновь никого безъ царскаго указа; въ кельяхъ ничего не писать, а только въ трапезѣ, по преданію древнихъ Отецъ, ибо въ келейныхъ писаніяхъ монаховъ и монахинь пущены въ народъ на Государя многія хулы. Монахамъ и монахинямъ давать въ годъ по 10 рублей и 10 четвертей хлѣба на cadaго, а вотчинами и угодьями имъ не владѣть, не ради разоренія монастырей, но для исполненія монашескаго обѣта. Что останется отъ монастырскихъ доходовъ, то отдавать въ бѣдные монастыри, у которыхъ нѣтъ вотчинъ, и на пропитаніе нищихъ въ богадѣльняхъ, кои и устроить. Государь такъ поступалъ потому, что въ церковныхъ имуществахъ видѣлъ имущество всей церкви, а не cadaго монастыря или церковной общины отдѣльно. Бродягъ и нищихъ приказано ловить; строго запрещено дѣлать имъ подаеніе, а сказано, что лучше подавать въ богадѣльни, гдѣ призрѣваются нищіе неложные.

Всѣ эти новые порядки объявлены въ первые годы

по возвращеніи Царя изъ чужихъ земель. Онъ взялся за многое разомъ, и за важное, и за неважное, потому что великій замысль обновленія земли не сложился еще въ его мысляхъ во всѣхъ частяхъ и не созрѣлъ; это пришло со временемъ, вмѣстѣ съ опытностью. Впрочемъ, инныя дѣла, которыя по теперешнимъ понятіямъ кажутся малыми, въ то время были очень большими, напримѣръ, бритье бородъ и платье новаго покроя. Петръ хотѣлъ сблизить русскаго чело-вѣка съ иноземцемъ-европейцемъ, сдѣлать ихъ похожими на первыхъ порахъ хоть по виду, чтобы другъ друга не чуждались. Но по тогдашнему Русскихъ людей разумѣнію, борода и старинное платье были святыней, которой владѣли православные въ отличіе отъ поганыхъ недовѣрковъ; безъ этой святыни не чаяли спасенія душъ и потому стояли за нее горой. Петръ, по своему крутому обычаю, и началъ съ этого драгоценнаго для приверженцевъ старины дѣла.

Позаботился Петръ и объ устроеніи своей жизни: разошелся съ супругой-Царицей. Московскіе государи прежняго времени, задумавъ жениться, собирали обыкновенно множество дѣвицъ и выбирали ту, которая больше нравится. Выбирали, значить, по одной красотѣ; какъ этого ни мало, но Петру было дано еще меньше: Царица Наталья сама выбрала ему невѣсту. Петръ женился не прекословя, въ угоду матери: мысли его были заняты совсѣмъ другими дѣлами. Евдокія, молодая и красивая супруга Петра, была тогдашней заурядной русской женщиной; она годилась бы въ жены царямъ стараго времени, Михаилу, Алексѣю, Федору, но не новому чело-вѣку—Петру. Она ничего

не понимала въ замыслахъ мужа, любила старину, ненавидѣла иноземцевъ; Петру скоро стало съ ней скучно. Онъ началъ оставлять ее одну, уходилъ въ нѣмецкую слободу, проводилъ тамъ время съ мужчинами и съ женщинами, которыя на Русскихъ совсѣмъ не походили, не боялись свободного обращенія, были веселы, шутливы, податливы. Царица стала ревновать, надоѣдала мужу упреками и жалобами, и что дальше, то больше. Избѣгая докуки, Царь видѣлся съ ней все рѣже; наконецъ, она совсѣмъ ему опостыла. Въ чужихъ земляхъ онъ увидѣлъ еще больше разницы между женщиной русской и европейской, между его теперешней женой и той, какая ему была нужна. Изъ Англіи прислалъ онъ приказъ — уговаривать Царицу постричься, но Евдокія не соглашалась. Вернувшись въ Москву, Государь самъ принялся за это дѣло: часа четыре уговаривалъ Царицу итти въ монастырь, но безъ успѣха. Тогда Петръ рѣшился постричь ее неволей, какъ въ старину дѣлывалось; Евдокія была отвезена въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь и тамъ пострижена подъ именемъ Елены.

Всѣ эти Государевы дѣла породили въ народѣ сильный ропоть, и тайный, и явный. Особенно охуждали бритье бородъ и сиротство патриаршаго престола. Пронеслась молва, что Петръ не Государь: государь-де въ чужихъ земляхъ скончался, а царемъ сказанъ нѣкій жидовинъ изъ колѣна Данова; другіе толковали, что Петръ не отъ благочестиваго корня родился, а отъ нѣмки, и былъ подмѣненъ Царицѣ вмѣсто дѣвочки, оттого все нѣмецкое и любить. Въ псковскихъ мѣстахъ появился даже самозванецъ, на-

звался капитаномъ Преображенскаго полка Петромъ Алексѣевымъ и обиралъ легковѣрныхъ людей. Много и другого толковали про Петра; толки эти только ожесточали Государя, но отъ задуманныхъ дѣлъ не отвели.

VI. Окно въ Европу.

Отъѣзжая въ чужія земли, Государь оставилъ въ Россіи важныя дѣла—постройку флота, гаваней, крѣпостей. Изъ Москвы писали ему, что работы идутъ хорошо; но послѣ того, что Государь видѣлъ въ Голландіи и Англіи, ему какъ-то не вѣрилось. Вернувшись домой, онъ при первомъ досугѣ поѣхалъ въ Воронежъ, сумрачный, невеселый, во всемъ боясь помѣхъ и неудачъ. Боязнь Государя была напрасная: онъ увидѣлъ на водѣ 20 добрыхъ кораблей, а на землѣ магазины, полные всякихъ запасовъ и матеріаловъ. Петръ развеселился и сейчасъ же принялся за работу.

Постройка флота на степной рѣкѣ, за тысячу верстъ отъ моря, была невиданнымъ дивомъ; многіе иноземцы, пріѣзжавшіе въ Москву, не хотѣли этому вѣрить. Однако, диво это совершалось воочію и, къ большому утѣшенію Петра, не всѣ Русскіе люди считали постройку флота ненужной затѣей. Въ Воронежѣ былъ тогда святитель, знаменитый не ученостью, а строгимъ благочестіемъ и святою жизнью, Митрофанъ, который причтенъ церковью къ лику святыхъ.

Св. Митрофанъ прославлялъ Государя за предпринятое трудное дѣло и убѣждалъ народъ помогать Царю всѣми силами. Однажды онъ принесъ Государю 6,000 рублей на войну противъ невѣрныхъ и потомъ не разъ посылалъ ему деньги, надписывая: «на ратныхъ». Зато Государь любилъ его всей душой и даже жаловалъ Воронежскому архіерейскому дому крестьянъ, не въ примѣръ другимъ, а когда св. Митрофанъ преставился, Петръ вмѣстѣ съ другими самъ несъ его гробъ и опустилъ въ могилу.

Вмѣстѣ съ постройкой флота, шло рытье канала между рѣками Иловлей и Камышенкой, чтобы соединить Волгу съ Дономъ и открыть новый торговый путь. Но дѣлу этому встрѣтилось много затрудненій и потомъ оно брошено.

У Государя, тѣмъ временемъ, назрѣвалъ новый замыселъ. Россіи нужно было море; выгоднѣе всего было бы завладѣть Чернымъ моремъ съ выходомъ въ Средиземное, но на этомъ протогѣ стоитъ Константинополь, столица Турціи. Завоеваніе Турціи представлялось въ то время для Россіи дѣломъ несбыточнымъ, почти безумнымъ. Турція была сильна; несмотря на Азовское взятіе, Турки не пускали Русскихъ въ Черное море, не отдавали Керчи и даже норовили снова завладѣть Азовомъ. Стало быть, еслибъ оказалось возможнымъ захватить побережье Балтійскаго моря, то это было бы не въ примѣръ лучше и выгоднѣе маленькаго, закрытаго моря Азовскаго. Когда Государь задумалъ азовскій походъ, надежды на завоеваніе Балтійскаго моря не было никакой, а теперь она появилась, и Петръ схватился за нее съ радостью.

Швеція славилась своей военной силой, тогдашней Россіи нечего было и думать ее одолѣть. Но захватомъ чужихъ земель Швеція раздражила своихъ сосѣдей; они только ждали случая, чтобы отобрать свое и, если посчастливится, поживиться на ея счетъ. Привести шведскихъ сосѣдей въ союзъ противъ нея было нетрудно, не доставало лишь человѣка, который бы это устроилъ; скоро нашелся и человѣкъ. Лифляндія (нынѣшняя Лифляндская губернія) находилась подъ шведской рукой, и лифляндское дворянство было очень обижено, что Шведскій король отобралъ многія земли, которыми дворянство издавна, правдой и неправдой, владѣло. За обиду поднялся одинъ лифляндскій дворянинъ, Паткуль; онъ волновалъ дворянство, подговаривалъ его дать утѣснителямъ отпоръ, писалъ къ королю письма. Паткуль надѣлалъ такихъ хлопотъ и грозилъ Швеціи такой смутой, что его обвинили въ государственной измѣнѣ и приговорили къ смерти. Не дождавшись приговора, онъ бѣжалъ въ чужія земли и тамъ принялся поднимать на Швецію сосѣднихъ съ нею государей, чтобы оторвать отъ нея разныя земли. Лифляндію онъ рассчитывалъ присоединить къ Польшѣ, потому что дворянству жилось въ Польшѣ лучше, чѣмъ во всякой другой странѣ. Паткуль уговорилъ на это Саксонскаго курфюрста и Польскаго короля Августа, Августъ склонилъ на союзъ Датскаго короля и за тѣмъ же дѣломъ отправилъ пословъ въ Москву.

Петру I такой замыселъ пришелся по сердцу; онъ согласился воевать Швецію въ союзѣ съ Саксоніей и Даніей и заключилъ на томъ съ ними договоръ, ко-

торый всё поглялись держать въ тайнѣ, чтобы напасть на шведскія земли внезапно. Петръ не согласился только начать войну тотчасъ и пообщалъ своимъ словомъ сдѣлать это послѣ того, какъ удастся заключить миръ съ Турками.

Переговоры съ Турціей о мирѣ шли туго; союзъ ея враговъ мало-по-малу распался, а одной Россіи Турки не очень боялись. Петръ рѣшилъ постращать ихъ флотомъ, велѣлъ снарядить лучшій корабль и отправить на немъ посла, думнаго дьяка Украинцева, въ самый Константинополь. А чтобы Турки не задержали корабль въ Керчи, при выходѣ изъ Азовскаго моря въ Черное, Государь задумалъ проводить посла съ цѣлымъ флотомъ. Въ августѣ 1699 года 18 разныхъ кораблей и 4 большіе казачьи струга вышли въ море. Предводителемъ всего флота былъ Ѳедоръ Головинъ, кораблемъ «Апостоль Петръ» командовалъ самъ Государь. Превжній адмиралъ, Лефортъ, умеръ еще ранней весной отъ гнилой горячки, когда Государь находился въ Воронежѣ. Узнавъ это, Государь тотчасъ же поскакалъ въ Москву, велѣлъ открыть гробъ, бросился съ рыданіемъ на тѣло своего друга, на похоронахъ плакалъ безутѣшно и долгое время горевалъ по покойникѣ.

Флотъ выдержалъ въ Азовскомъ морѣ бурю, сдѣлалъ примѣрное сраженіе и подошелъ къ Керчи.

Напередъ корабль бѣжить,
 Что соколъ летить:
 Во томъ во корабликѣ
 Императоръ-Царь сидитъ.
 Во другомъ корабликѣ

Все князья бояре сидятъ;
 Во третьемъ корабликѣ
 Все солдатухи сидятъ.

Керченскій паша очень встревожился, увидавъ такую большую морскую силу. Узнавъ, зачѣмъ пришелъ флотъ, паша не хотѣлъ пропустить Украинцева моремъ, а предлагалъ провезти его въ Константинополь сухопутьемъ, но долженъ былъ уступить. Корабль посла отправился въ Черное море, а остальной флотъ вернулся во-свояси. Черезъ нѣсколько дней русскій корабль, на всѣхъ парусахъ, съ привѣтственной пальбой входилъ въ Константинопольскую гавань. Переполошились всѣ власти, даже нѣкоторые иноземные послы. Великій визирь долго ѣздилъ вокругъ корабля и его осматривалъ. Приѣзжалъ даже самъ султанъ. Турки не разъ спрашивали—много ли у Царя такихъ кораблей, всѣ ли они оснащены и такъ ли велики. Украинцевъ повелъ переговоры о мирѣ; Турки торговались упорно, волочили дѣло по наущенію нѣкоторыхъ иноземныхъ пословъ и лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ покончили все мирнымъ договоромъ на 30 лѣтъ. Прибрежье Азовскаго моря осталось за Россіей, и постановлено, что Московскій государь не будетъ посылать Крымскому хану подарковъ.

Петръ сдержалъ слово: 18 августа 1700 года узналъ онъ про заключенный съ Турками миръ, а на другой день послалъ Шведскому королю объявленіе войны. Война объявлена за многія неправды Шведскаго короля и особенно за то, что во время Государева проѣзда черезъ Ригу въ чужія земли, была оказана ему, Царю, обида. Петръ приготовился къ войнѣ заранѣе: безъ

малого за годъ указалъ принимать въ солдаты всякихъ вольныхъ людей и собрать даточныхъ съ духовныхъ властей, монастырей, бояръ и другихъ чиновъ. Начинаясь великая *Съверная война*, открывалась Русскимъ людямъ военная школа.

Королемъ Шведскимъ былъ тогда Карлъ XII, ему только что исполнилось 18 лѣтъ. Былъ онъ юноша правдивый и честный, но самонадѣянный, самовластный и очень упрямый; мало чему учился, больше всего на свѣтъ любилъ войну и выше всего ставилъ солдатскія качества. Слушался онъ не разума, а страстей своихъ, страха смерти не зналъ и опасностей не только не боялся, а искалъ ихъ. Горячая молодая кровь бурлила и кипѣла въ немъ ключомъ; сила душевная была велика, но истрачивалась безъ толку. Съ одного сумасбродства переходилъ онъ на другое; въ 16 лѣтъ отъ роду травилъ зайцевъ въ большомъ покоѣ, гдѣ собирался сеймъ; рыскалъ по городскимъ улицамъ и билъ стекла въ обывательскихъ домахъ; колотилъ во дворцѣ утварь и выбрасывалъ за окно; саблюю отсѣкалъ головы баранамъ и телятамъ въ своихъ покояхъ. Потомъ онъ присмирѣлъ, такъ что и узнать нельзя, а послѣ опять накинута на разныя забавы и потѣхи. Не таковъ былъ Царь Московскій, съ которымъ привелось Карлу вести долгую войну, и разница эта сказала сама собой.

Въ концѣ августа русское войско потянулось подъ Нарву; Петръ, въ чинѣ капитана бомбардирской роты, шелъ съ Преображенскимъ полкомъ. За разными помѣхами, къ Нарвѣ пришли въ концѣ сентября, и Петръ сейчасъ же принялся за дѣло. Онъ велѣлъ на-

сыпать окопы; въ стужу и ненастье, подъ выстрѣлами, самъ обозначалъ, на какомъ мѣстѣ что строить; осматривалъ издали городскія укрѣпленія и дѣлалъ имъ чертежъ. Одинъ иноземецъ не могъ этому надивиться; Государь сказалъ ему словами апостола Павла: «яко аще кто не хочетъ дѣлати, ниже да ясть». Дѣло, однако, не спорилось, ибо была большая во всемъ неурядица: огнестрѣльнаго запаса и продовольствія изготовлено было мало, пушки рвало, станки подъ пушками ломались, порохъ оказался никуда негодный. Только 20 октября съ окоповъ нашихъ стали стрѣлять въ городъ, но стрѣляли недолго: не хватило ни бомбъ, ни пороху.

Тѣмъ временемъ Карлъ не дремалъ: спѣшно посадилъ онъ свое войско на корабли и появился передъ Копенгагеномъ, столицей Даніи, совсѣмъ неожиданно. Датскій король не приготовился къ оборонѣ; Карлъ заставилъ его заключить миръ на всей своей волѣ и поплылъ съ войскомъ—отбивать отъ Русскихъ Нарву.

Русское войско все поджидало бомбъ, ядеръ да пороху; одинъ иноземецъ сказалъ тогда, что Русскіе ходили вокругъ Нарвы, какъ кошка около горячей каши, и никто не хотѣлъ обжечь пальцевъ. Карлъ быстро шелъ ей на выручку съ войскомъ въ 8,500 человекъ, у Петра было немного меньше 40,000. Петръ рассчитывалъ, что Шведы не посмѣютъ биться, имѣя такую малую силу, и подождутъ подмоги, поэтому поѣхалъ въ Новгородъ торопить походомъ остальные полки, а начальство надъ войскомъ отдалъ иноземному генералу, герцогу фонъ-Круи.

Русскій лагерь тянулся въ длину на 7 верстъ;

оборонить его было бы не подь-силу и двойному числу войскъ. Ноября 19 утро встало холодное: солдаты стояли по своимъ мѣстамъ унылые, отоцалые отъ безкормицы. Повалиль густой снѣгъ, закрутилась метель и стала бить въ глаза Русскимъ. Въ это время точно изъ-подъ земли выросли Шведы. Ближніе люди уговаривали Карла не итти въ бой съ такимъ малымъ войскомъ, но онъ возразилъ: «Шведамъ ли бояться московскаго мужичья?» и ударилъ на Русскихъ въ одно мѣсто всей своей силой. Какъ только Шведы ворвались въ лагерь, между Русскими слышались крики: «нѣмцы измѣнили», и всѣ ударились бѣжать. Прежде всѣхъ шарахнулась конница Шереметева и пустилась на утекъ къ рѣкѣ Наровѣ и черезъ рѣку вплавь; пѣхота кинулась на мостъ. Отъ тяжести мостъ рухнулъ, люди попадали въ воду; поминутно высовывались изъ воды головы людскія и конскія. Шведы стрѣляли по нимъ, какъ по дикимъ уткамъ. Про дисциплину не стало и помину: солдаты бросались на своихъ начальниковъ-иноземцевъ и били ихъ за измѣну. Увидѣвъ это, герцогъ фонъ-Круи закричалъ: «пусть самъ чортъ дерется съ такими солдатами» и отдался Шведамъ.

Бѣжали, однако, не всѣ. Полки Преображенскій и Семеновскій огородились рогатками и повозками и отбивались отъ Шведовъ, пока ночная темнота не оставила бой. Держался также отрядъ генерала Вейде. Эта сила страшила Шведовъ, тѣмъ паче, что у нихъ самихъ была большая суматоха: король увязъ въ болотѣ; подъ нимъ убили коня; два шведскіе отряда, обознавшись, завязали между собой битву; солдаты,

здравшись ночью въ русскій станъ, переписались. Если бы у Русскихъ былъ смѣлый начальникъ, то къ утру Шведамъ могло приттись такъ же худо, какъ было наканунѣ Русскимъ. Но русскіе генералы ничего этого не знали, не слышали про Вейде и, опасаясь новаго боя, вошли со Шведами въ переговоры. Карлъ обѣщаль Русскихъ отпустить, если они отдадутъ свои пушки; Русскіе согласились. Шведы сейчасъ же принялись устраивать мостъ, задолго до свѣта его изготовили и спровадили Русскихъ за рѣку, но захватили противъ договора всѣхъ генераловъ и офицеровъ въ плѣнъ. Разбитые русскіе полки потянулись къ Новгороду почти въ разбродъ, до 6,000 человекъ погибло дорогой отъ голода и стужи.

Если бы Карлъ, послѣ нарвской побѣды, пошелъ въ Россію, то Богъ знаетъ какія бѣды пришлось бы пережить Московскому государству. Но Шведскій король, изъ ненависти къ Августу, рѣшилъ раздѣлаться прежде съ нимъ. Русскихъ онъ въ грошъ не ставилъ, Петра тоже; выбита была медаль, на которой изображено, что Петръ бѣжалъ изъ подъ Нарвы, растерявъ шапку и шпагу и вытирая слезы. Мало еще Шведскій король зналъ въ то время Московскаго Царя.

Отъ нарвскаго пораженія воля Петра не пошатнулась и духъ не унылъ. Онъ понималъ, что войско его плохо обучено, что наука сразу не дается и что, отдавъ Русскихъ какъ бы въ военное обученіе Шведамъ, придется за науку платить, можетъ статья, дорого, ибо хорошіе учителя дешево за ученье не берутъ. Въ близкихъ къ границѣ городахъ закипѣла работа: насыпали окопы, копали рвы, ставили пали-

сады; работали драгуны, солдаты, обыватели, даже женщины, священники и причетники. Отъ нарвскаго погрома осталось 23,000 войска; Государь велѣлъ набрать 10 новыхъ драгунскихъ полковъ изъ добровольцевъ; весною полки были готовы. Подъ Нарвой пропала вся артиллерія, мѣди на пушки не было; Петръ приказалъ въ большихъ городахъ, отъ церквей и монастырей, снять нѣкоторое число колоколовъ на пушечное литье. Колокольной мѣди свезено въ Москву въ маѣ 1701 года 90,000 пудовъ, и къ ноябрю изготовлено 268 пушекъ, безъ сравненія лучше прежнихъ. Собрано въ школы 250 ребятъ для обученія мастерствамъ, инженерному и артиллерійскому дѣлу.

Война тѣмъ временемъ продолжалась. Карлъ внезапно напалъ на саксонское войско и побилъ его на голову; зато подъ Архангельскомъ были отбиты 7 шведскихъ кораблей, и два изъ нихъ попали въ руки Русскихъ. Петръ весьма обрадовался этому счастью, но еще больше побѣдъ Шереметева надъ Шведами при мызѣ Эрестферѣ. Хотя Русскихъ находилось въ бою гораздо больше, чѣмъ Шведовъ, но все-таки это была первая большая побѣда: 3,000 Шведовъ полегло и 350 взято въ плѣнъ.

Какъ во тысяча во семьсотъ во первомъ году,
 Да и шестого мѣсяца іюня,
 Какъ шестого-на-десять во числахъ,
 Какъ во томъ было во чистомъ полѣ,
 Пролегала тамъ дороженька широкая,
 Долиною, пробойная, краю нѣту.
 Какъ по той по широкой по дорожѣ,
 Тамъ шель-прошолъ царскій большой бояринъ,

Кавалеръ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

Не двѣ тучи на небѣ сходились:
 Сходились два войска въ чистомъ полѣ,
 Русское войско со шведскимъ.
 Что не молнія на небѣ проблеснула:
 Голубецъ, наша пушка, разряжалась.
 Не громкій громъ на небѣ взгрянулъ:
 Запалила Шереметева пѣхота.
 Ни денно, ни ночью нѣтъ покою,
 Ни много, ни мало не отступать;
 Они крѣпко къ Шведу пристунають,
 Шведскую силу побивають.

Государь произвелъ Шереметева въ фельдмаршалы и пожаловалъ ему орденъ Андрея Первозваннаго. Цѣлый день раздавался въ Москвѣ радостный колокольный звонъ, палили пушки, на кремлевскихъ стѣнахъ развѣвались отнятыя въ бою шведскія знамена.

Въ 1702 году новая побѣда: Шереметевъ съ 30,000 войска страшно побилъ у Гумельсгофа 8,000 Шведовъ; перебито, переранено и забрано въ плѣнъ 6,000 человекъ, отнята у нихъ вся артиллерія. Послѣ этого Шереметевъ по царскому приказу опустошилъ Лифляндію дотла, чтобы непріятелю нигдѣ не было пристанища. Полону людского и скотины взято множество; продавали людей по гривнѣ и по 4 алтына, ребятъ по деньгѣ, коровъ по 3 алтына, овецъ по 2 деньги. Послѣ Шереметевскаго похода Лифляндія долго не могла оправиться, а многіе богатые замки лежать въ развалинахъ и по сей день.

Лѣто 1702 года Петръ прожилъ въ Архангельскѣ, на случай прибытія туда Шведовъ; но они не бывали.

Осенью онъ поѣхалъ въ Ладогу, воевать Ингрію, туда же велѣлъ итти и Шереметеву съ войскомъ.

Во славномъ городѣ въ Орѣшкѣ
 Пролежала тутъ широкая дорожка.
 По той по широкой дорожкѣ
 Идетъ тутъ царевъ большой бояринъ,
 Князь Борисъ сынъ Петровичъ Шереметевъ,
 Со тѣми онъ со пѣхотными полками,
 Со конницей и со драгунами,
 Со удалыми донскими казаками.

Когда Шереметевъ прибылъ, Петръ повелъ войско къ Нотебургу; такъ называлась маленькая, но сильная крѣпость на островѣ, при выходѣ рѣки Невы изъ Ладожскаго озера. Она стояла тутъ издавна, когда землей этой владѣлъ еще Великій Новгородъ, и называлась тогда Орѣшкомъ. Петръ велѣлъ прорубить просѣку въ лѣсу, отъ Ладожскаго озера версты на три; надъ просѣкой трудился и самъ, какъ простой работникъ. Когда она была готова, по ней перетасили 50 лодокъ, построенныхъ заранѣе на р. Свири; въ однѣ сутки дѣло было сдѣлано, и удивленные Шведы увидѣли 50 лодокъ ниже крѣпости. Началась осада; Петръ, въ чинѣ бомбардирскаго капитана, распоряжался одной батареей. Отъ русскихъ бомбъ и каленыхъ ядеръ крѣпость сильно терпѣла, однако держалась: комендантъ былъ бравый. Пришлось брать ее приступомъ.

Что возговорить надежа Государь-Царь:
 «Ахъ вы дѣтушки мои, солдаты!
 «Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте:
 «Еще брать ли намъ городъ Орѣшекъ?»
 Что не ярыя тутъ пчелы зашумѣли,

Что возговорять російскіе солдаты:

- Ахъ ты гой еси нашъ батюшка, Государь-Царь!
- Намъ водою къ нему плиты, не доплыти,
- Намъ сухимъ путемъ итти, не досягнути:
- Мы не будемъ-ли отъ города отступати,
- А будемъ мы его бѣлой грудью брати.—

Тринадцать часовъ продолжался жестокій бой; Шведы дрались отчаянно, приступныя лѣстницы оказались коротки, русскіе солдаты валились сотнями. Взяла верхъ беззавѣтная храбрость князя Голицына, который начальствовалъ гвардейскимъ отрядомъ: крѣпость сдалась. Изъ 450 Шведовъ въ ней оставалось 83 здоровыхъ и 160 раненыхъ, они были отпущены съ честью; Русскихъ побито и ранено 1.500 человекъ изъ 12.000. Государь прибилъ къ одной башнѣ ключъ отъ крѣпостныхъ воротъ и назвалъ крѣпость Шлюссельбургъ (ключъ-городъ), потому что была она на самомъ дѣлѣ ключомъ къ морю, которое начиналось всего въ 60 верстахъ оттуда. Петръ былъ доволенъ, какъ рѣдко случалось; написалъ собственноручныя письма къ ближнимъ людямъ въ Москву, въ Азовъ, даже въ Сибирь; поздравлялъ съ побѣдою, говоря, что очень крѣпокъ *ортъ* былъ, однако счастливо разгрызень.

Слѣдующей весной Государь пошелъ съ войскомъ внизъ по Невѣ. Тамъ, гдѣ впала въ Неву рѣка Охта, стоялъ маленькій земляной городъ Ниевшанць или Канцы, сторожившій невское устье; противъ городка, за Охтой, тянулся посадъ изъ 400 избъ. Крѣпость сдалась 1 мая, а на другой день къ вечеру пришла отъ сторожей вѣсть, что приплыли къ устью Невы

непріятельскіе корабли. На корабляхъ ничего не знали про взятіе Канцовъ и оповѣстили свое прибытіе двумя выстрѣлами. Шереметевъ велѣлъ сдѣлать въ отвѣтъ тоже два выстрѣла, какъ будто стрѣляютъ Шведы изъ крѣпости. Дня черезъ три, изъ числа прибывшихъ кораблей два пошли вечеромъ къ Невѣ, но за темнотою и ненастьемъ остановились на якорѣ недалеко отъ устья. Государь рѣшилъ взять эти суда и велѣлъ поставить скрытно, въ одномъ невскомъ протокѣ, 30 лодокъ съ гвардейцами. На разсвѣтѣ 7 мая половина лодокъ, подъ начальствомъ Петра, поплыла къ шведскимъ судамъ снизу, а другая половина подъ начальствомъ Меншикова, спустилась на нихъ по теченію. Шведы были захвачены въ расплохъ; Петръ и Меншиковъ быстро подплыли и окружили ихъ. Государь вскочилъ первымъ на одинъ изъ кораблей. Шведы оборонялись храбро и когда закричали пардонъ, было ужъ поздно: солдаты разсвирѣпѣли и перекололи почти всѣхъ: изъ 77 человекъ осталось въ живыхъ только 13. Радость Петра была неописанная—одержана первая морская побѣда. Петръ и Меншиковъ пожалованы орденомъ св. Андрея Первозваннаго, офицерамъ и солдатамъ розданы золотыя медали.

Петръ добрался наконецъ до моря, до того самаго моря и тѣмъ самымъ путемъ, которымъ Рюрикъ пришелъ на княженіе безъ малаго $8\frac{1}{2}$ вѣковъ назадъ и невдалекѣ откуда зачалось Русское государство. Петръ жадно смотрѣлъ на это давно - желанное море, и въ головѣ его складывался великій замыселъ... Черезъ нѣсколько дней, 16 мая 1703 года, на Заячьемъ островѣ невскаго устья застучали топоры: рубили городокъ,

Санктъ-Петербургъ (городъ св. Петра), что нынѣ столица Россійской Имперіи, самый благоустроенный, людный и богатый городъ въ государствѣ.

Мѣсто, на которомъ стоитъ Петербургъ, находилось въ Ижорской землѣ (Ингрія, Ингерманландія) и искони принадлежало Вотьской пятинѣ Великаго Новгорода. Ингерманландію оттянула отъ Россіи Швеція въ 1617 году, и хоть эта земля, населена была финскимъ племенемъ, но русское владычество оставило на ней такой слѣдъ, что Шведы не успѣли его стереть совсѣмъ. По Невѣ, противъ Канцовъ, лежало село Спаское, съ православной церковью; внизъ по рѣкѣ и ея протокамъ было раскинуто до 30 деревень, мызь и корчемъ; но тѣ мѣста, гдѣ нынѣ лучшія части города, лежали совсѣмъ пустыя. Урочища имѣли по два имени—русское и финское, иныя русскія названія сохранились отъ давняго времени. Такъ, Васильевскій островъ значился подъ этимъ именемъ по шведскимъ писцовымъ книгамъ еще въ 1640 году, а три Парголова, Токсово и др. носили эти названія еще въ 1500 году, по обкладной книгѣ Вотьской пятинны. На невскомъ прибрежѣ и дальше кругомъ росъ лѣсъ, больше мелкій; всюду тянулись поросшія кустарникомъ кочковатыя болота и топи. Тутъ проходила одна только дорога, гдѣ нынѣ Лиговскій каналъ, да и та была проѣзжею лишь въ сухое время. Жители невскіе промышляли больше рыболовствомъ, но воздѣлывали также землю, гдѣ посуше, и хлѣбъ сѣяли. Болота наплыли и держались потому, что Нева отъ сильнаго юго-западнаго вѣтра, который задерживаетъ ея теченіе, выступала изъ береговъ и затопляла окрестности иногда

на далекое разстояніе. Наводненія бывали большія: въ 1691 году Нева вздулась больше чѣмъ на 3 сажени и затопила все вплоть до Канцовъ. Жители разбирали свои избы, сплочивали ихъ въ плоты, укладывали на нихъ домашній скарбъ и крѣпили плоты къ деревьямъ, а сами уѣзжали на лодкахъ на высокія мѣста. Страна была нездоровая, погода переменчивая. Петръ все это либо зналъ, либо догадывался, но отказаться отъ своего замысла не могъ и не хотѣлъ; тутъ было море, широкая и глубокая рѣка; тутъ было лучше всего прорубить окно въ просвѣщенную Европу.

Прежде всего заложена была крѣпость и церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла; чтобы работа скорѣе двигалась, указачо было прислать 2.000 воровъ, приговоренныхъ на каторгу. Въ октябрѣ работало уже 20.000 человекъ; знатные люди надсматривали за работами поочередно, въ томъ числѣ и самъ Государь. На первыхъ же порахъ Петръ построилъ себѣ на берегу Невы, близъ крѣпости, домикъ, по образцу сардамскихъ, въ два небольшіе покоя, съ сѣнями посрединѣ. Домикъ этотъ цѣль понынѣ и хранится какъ святыня; въ томъ покоѣ, что служилъ Петру столовой и опочивальней, стоитъ теперь икона Спасителя, которую Петръ бралъ съ собою во многіе походы. Саженьяхъ въ 20 былъ построенъ домъ Меншикова, дальше тянулись мазанки рабочихъ и солдатъ.

Государь не даромъ сѣшилъ работой: на морѣ караулили шведскіе корабли, съ сухого пути не сегодня-завтра могъ притти непріятель; Петръ не разъ ѣздилъ то на Сясьскую верфь, то на Лодейное поле,

гдѣ строились корабли, торопилъ работой, самъ по-соблялъ. Въ октябрѣ приплыла наконецъ къ Петербургу русская флотилія и самъ Государь на 24-пушечномъ фрегатѣ «Штандартъ». Къ этому времени впрочемъ шведскіе корабли за осеннимъ ненастьемъ ушли, а съ сухого пути непріятель хоть и подступалъ, но былъ побить. На Невѣ показался уже ледъ, когда Государь пустился въ море. Въ 25 верстахъ отъ невскихъ устьевъ лежалъ пустынный островъ Котлинъ. Петръ присталъ къ острову, осмотрѣлъ его подробно, вымѣрялъ кругомъ своеручно глубину воды, несмотря на стужу и плавающія льдины, и рѣшилъ выстроить тутъ крѣпость для обороны новаго города съ моря. Послѣ этого Государь уѣхалъ въ Москву, а губернаторомъ Петербурга назначилъ Меншикова.

Меншиковъ былъ человѣкъ низкородный, отецъ его служилъ придворнымъ конюхомъ. Меншиковъ-сынъ сначала торговалъ отъ хозяина пирогами, потомъ поступилъ въ услуженіе къ Лефорту; здѣсь замѣтилъ его Царь, взялъ къ себѣ и записалъ въ потѣшные. Меншиковъ все больше и больше нравился Царю, сталъ близкимъ къ нему человѣкомъ, потомъ первымъ любимцемъ, а впоследствии первымъ вельможею въ государствѣ. Петръ рѣдко ошибался, выбирая людей; не ошибся онъ и въ Меншиковѣ. По уму, силѣ воли, большимъ дарованіямъ и по готовности помогать Государю въ задуманномъ имъ великомъ дѣлѣ, Меншиковъ былъ между близкими къ Царю людьми первымъ и самымъ годнымъ. Государь называлъ его Алесашкой, Алексашей, потомъ Данилычемъ; сначала милостями и наградами не баловалъ, но послѣ, по мѣрѣ

заслугъ, осыпалъ его почестями и богатствомъ, какъ никого другого. Меншиковъ все это заслужилъ одними природными своими дарованіями; самъ же ничему не учился, ничего почти не зналъ и хоть говорилъ по-нѣмецки и по-голландски, но въ русской грамотѣ былъ очень плохъ. Какъ и въ большинствѣ властныхъ Русскихъ людей того времени, добрыя свойства Меншикова заслонялись многими пороками: онъ былъ надмененъ, гордъ, безъ мѣры любостяжательнъ, самовластенъ до лютости и ни передъ чѣмъ не останавливался для своего возвышенія и прибытка. Чѣмъ больше Меншиковъ шелъ въ гору, тѣмъ больше росли его пороки, такъ что Петръ мало-по-малу пересталъ любить его по прежнему и продолжалъ держать на важныхъ государственныхъ дѣлахъ и въ своемъ приближеніи лишь ради его способностей. Но въ то время, когда закладывался Петербургъ, Меншиковъ еще выходилъ въ люди и былъ у Государя въ полной милости. У пробитаго въ Европу окна надо было поставить самаго надежнаго, самаго способнаго человѣка; Петръ и поставилъ Меншикова.

Поздней осенью приплылъ въ Неву голландскій купеческій корабль съ виномъ и солью. Зная, что Государь будетъ очень радъ такимъ гостямъ, Меншиковъ принялъ ихъ радушно, подарилъ шкиперу царскимъ именемъ 500 золотыхъ, а матросамъ роздалъ по 30 серебряныхъ ефимковъ. Второй корабль, прибывшій въ Неву съ товаромъ, былъ англійскій; шкиперу дано 300 золотыхъ; третій корабль былъ опять голландскій; шкиперу подарено 150 золотыхъ. Такъ щедро угощали въ Петербургѣ первыхъ гостей на новосельѣ.

А въ Москвѣ чествовали покорителей Ингрии: войско проходило сквозь триумфальныя ворота, палили изъ пушекъ, говорили поздравительныя рѣчи. Въ Москвѣ же Государь смастерилъ своеручно образецъ небольшой крѣпости для обороны съ моря Петербурга и отослалъ къ Меншикову съ приказомъ — срубить въ указанномъ мѣстѣ по этому образцу крѣпость на льду, на бревенчатыхъ ящикахъ съ булыжнымъ камнемъ и, какъ вскрыется весной вода, погрузить въ море. Царскій приказъ былъ исполненъ, Государь пріѣхалъ къ освященію новой крѣпостцы и назвалъ ее Кроншлотъ (вѣнецъ-замокъ). На легкомъ кораблѣ онъ самъ привезъ сюда пушки, самъ ихъ разставилъ по Кроншлоту и далъ коменданту строгій наказъ—стрѣлять во всякаго, кто захочетъ прорваться къ Невѣ силой, и неприятелю не сдаваться до послѣдняго человѣка.

Слѣбныя дѣла вызвали Петра въ Нарву. Въ прошломъ году его войско забирало въ Прибалтійскомъ краѣ старыя русскіе города и Шереметевъ пустошилъ и жегъ Эстонскую землю, какъ передъ тѣмъ Ливонскую. Но оставались еще въ рукахъ Шведовъ двѣ сильныя крѣпости, Дерптъ (Юрьевъ) и Нарва. Надо было взять ихъ, пока Карлъ воевалъ въ Польшѣ, Шереметевъ же подъ Дерптомъ мѣшкалъ, волочилъ дѣло, отговариваясь, что сталъ здоровъ не по старому. Побывавъ въ Нарвѣ, Государь поскакалъ въ Дерптъ и черезъ 11 дней по его пріѣздѣ Дерптъ сдался, послѣ упорной ночной битвы. Изъ Дерпта Петръ вернулся снова къ Нарвѣ, тамъ русскимъ войскомъ начальствовалъ иноземецъ Огильви. Изъ Петербурга привезли мортиры, и осада стала быстро двигаться къ концу.

Августа 9 Русскіе пошли на приступъ; трудная осада и упорная оборона такъ ихъ разъярила, что ворвавшись въ городъ, солдаты рубили и кололи всѣхъ, не давая пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ. Увидя, что солдаты неистовствуютъ и безпощадно грабятъ, Государь велѣлъ трубить на сборъ и приставить къ уцѣлѣвшимъ домамъ караулы. Не всѣ солдаты послушались приказа; Петръ закололъ одного изъ нихъ и, показывая свою шпагу нарвскимъ жителямъ, говорилъ: «Не бойтесь, это не шведская, а русская кровь». Черезъ нѣсколько дней сдался и Иванъ-Городъ.

Земля къ полудню отъ Невы и Финскаго залива была покорена, и Петербургу стало съ этой стороны безопасно. Могли притти Шведы только съ запада, моремъ, да съ полуночи, сухопутьемъ, и дѣйствительно приходили. Сухопутное ихъ войско нападало дважды, но оба раза было отбито; приходилъ флотъ, но Кроншлотъ съ малымъ числомъ русскихъ кораблей далъ ему отпоръ и къ Петербургу не пропустилъ. На этотъ разъ удачи Шведамъ не было, но впереди могло быть иначе; надо было усилить оборону новаго города. Прямо изъ-подъ Нарвы Петръ поѣхалъ въ Лодейное поле, спустилъ суда со стоекъ на воду и съ этой новой флотиліей отправился къ Петербургу. На Ладожскомъ озерѣ бурей разметало суда такъ, что собрались они въ Неву не скоро. Чтобы избѣжать такой помѣхи на будущее время, Государь рѣшился выстроить верфь поближе, на Невѣ. Шестъ дней осматривалъ онъ вмѣстѣ съ Меншиковымъ всѣ мѣста и выбралъ островъ противъ крѣпости. Здѣсь онъ заложилъ адмиралтейскій домъ и потомъ задалъ пиръ въ

единственномъ петербургскомъ трактирѣ нѣмца Фельтена.

Къ зимѣ Государь уѣхалъ въ Москву. Сдѣлано было много—завоевана цѣлая страна, заложень новый городъ, но оставалось сдѣлать еще больше. Надо было стать въ Ингерманландіи твердой ногой и добиться, чтобы всѣ новаго владѣльца за истиннаго, безспорнаго хозяина почитали. А до этого было еще далеко.

VII. Война, мятежи и измѣна.

Король Августъ былъ для Петра союзникъ незамѣнимый. Онъ не отличался ни большимъ умомъ, ни искусствомъ и прилежаніемъ въ государственныхъ дѣлахъ и любилъ только пустыя, дорогія забавы, но для Петра дорогъ былъ тѣмъ, что Карлъ ненавидѣлъ его всей душой, поглялся свести его съ престола и, воюя съ нимъ, далъ Русскимъ послѣ Нарвы оправиться и усилиться. Оттого Петръ старался всячески помогать Августу, чтобы подольше задержать Карла въ Польшѣ. Августу больше всего нужно было денегъ, не столько на дѣло, сколько на забавы и веселье; Петръ давалъ ему денегъ, какъ ни тяжело это было его государству. А когда Поляки раздѣлились, одни продолжали стоять за Августа, другіе же согласились со Шведами посадить королемъ Станислава Лещинскаго, то Петръ сильно обезпокоился. Тогда Польскій король замирился бы со Шведскимъ, и Петру

**

одному пришлось бы воевать съ Карломъ. Чтобы помѣшать этому дѣлу, онъ послалъ въ Литву двѣ арміи подъ начальствомъ фельдмаршаловъ Огильви и Шереметева и произвелъ въ февралѣ 1705 года первый рекрутскій наборъ.

Въ военную службу Русскіе люди шли неохотно, про это много поется пѣсень.

У дороднаго добра-молодца
 Во три ряда кудри завивалися,
 Въ четвертый рядъ по плечамъ лежать,
 А во пятый рядъ съ плечъ валялися.
 Ой почували черны кудри
 Что невзгодушку великую,
 Что служить службу государеву:
 Записали добра-молодца
 Во драгуны государевы.
 Ой не жаль-то мнѣ черныхъ кудрей,
 Только жаль мнѣ своей стороны;
 Разставался я съ отцомъ, съ матерью,
 Съ отцомъ, съ матерью, съ молодой женой,
 Съ сиротами-ребятами,
 Съ моими малыми дѣтками.

Въ іюлѣ 1705 года Шереметевъ вступилъ въ бой съ шведскимъ генераломъ Левенгауптомъ при Мурманьѣ, былъ самъ раненъ, Русскіе вѣрѣно побиты и всѣ пушки потеряны. Шереметевъ сильно смутился, но Государь не только гнѣва не показалъ, а какъ прямой учитель, ободрилъ фельдмаршала, написавъ ему письмо, чтобы не печалился о бывшемъ несчастіи, ибо всегдашняя удача бываетъ людямъ въ пагубу, а забылъ бы про старое и людей ободрилъ. На Левенгаупта по-

шелъ самъ Государь, но не настигъ его, а осадилъ главный городъ Курляндіи Митаву и взялъ ее.

Сюда пришла неожиданная и грозная вѣсть: Астрахань забунтовала.

Замысливъ государственное обновленіе, Петръ не могъ дѣлать одно какое нибудь дѣло, а другія не трогать: всё дѣла цѣплялись одно за другое. Чтобы сдѣлать Россію богатой и возрастить въ ней науки, нужно было добиться моря; чтобы добыть море, требовалась хорошая военная сила; чтобы устроить надежное войско, нужно было умѣнье и деньги, т. е. знаніе и богатство, которыхъ и не хватало. Стало быть приходилось прибѣгать ко всѣмъ способамъ, чтобы достать свѣдущихъ людей и получить какъ можно больше денегъ. На русскій народъ налегла поѣтому временная, но великая тягость; наступила для всѣхъ людей безъ различія долгая пора нужды, работы безъ отдыха и всяческихъ жертвъ и лишеній. Русскіе люди, кромѣ малаго числа, не видѣли пользы въ замыслахъ своего Государя, поѣтому возложенную на нихъ тягость несли неохотно, съ глухимъ ропотомъ и слушались только потому, что власть была крѣпка и грозна. На окраинахъ же воеводскія насилія еще усугубляли всеобщее недовольство, такъ что возмутить тамъ народъ было легче, чѣмъ внутри Россіи. По окраинамъ и встала смута, начавъ съ Астрахани.

Злоумышленники пустили въ городѣ молву, что Государь на Руси не прямой, а обмѣнный, ибо вѣру христіанскую обругалъ и облатынилъ; что начальныя люди вѣру истинную погинули и поклоняются кумирскимъ богамъ; что дѣвицъ русскихъ велѣно будетъ

выдавать замужъ за нѣмцевъ, а съ Русскими не вѣнчать. Ходили и другіе пустые слухи, зародившіеся отъ самыхъ неподходящихъ причинъ. Напримѣръ, молва про поклоненіе кумирскимъ богамъ взялась съ того, что люди высшихъ сословій переняли европейскій обычай—носить парики и, снимая ихъ дома, напяливали для сбереженія на деревянные болваны. Эти глупые толки можетъ и затихли бы сами собой, если бы народъ не былъ озлобленъ на свои власти. Воевода астраханскій вымогалъ взятки и дѣлалъ людямъ всякія обиды; не далъ сроку на перемѣну русскаго платья на нѣмецкое и приказывалъ по церквамъ и большимъ улицамъ обрѣзывать всѣмъ полы; съ его вѣдома брили мужчинамъ бороды не бережно, ругаячись, съ умысломъ рѣзали съ бородой кожу и мясо. Замутилась Астрахань, въ ней пристали другія ближнія мѣста, и мятежники стали поговаривать про походъ на Москву.

Государь послалъ Шереметева усмирять бунтъ и велѣлъ вывозить изъ Москвы казенныя деньги. Въ мартъ 1706 года Шереметевъ взялъ Астрахань. Заводчиковъ переловили и послали въ Москву; тутъ ихъ казнено и умерло во время розыска 365 человекъ.

Тѣмъ временемъ Шереметева замѣнилъ въ Литвѣ Меншиковъ, который былъ уже тогда пожалованъ въ князья. Между нимъ и Огильви не было согласія; не былъ доволенъ дѣлами и Паткуль. Онъ со всѣми ссорился; саксонскіе министры короля Августа возненавидѣли его до того, что уговорили своего государя засадить его въ крѣпость. А Карлъ короновалъ въ Варшавѣ новаго Польскаго короля, Станислава Лещинскаго, и въ концѣ декабря, въ лютые морозы, вдругъ

поднялъ на ноги свое войско и пошелъ къ Гродно, гдѣ стояли Русскіе. Петръ находился это время въ Москвѣ и оттуда поскакалъ тотчасъ къ арміи, хотя былъ очень боленъ лихорадкой. Въ Гродно проѣхать онъ, однако, не могъ: всѣ пути заступили Шведы и армію нашу отъ русскихъ рубежей отрѣзали. Не теряя времени, Петръ приказалъ засѣгать рубежи засѣгами и насыпать валы обывателями порубежныхъ уѣздовъ поголовно; малороссійскому гетману Мазепѣ велѣлъ идти съ казаками впередъ и тревожить Шведовъ; разослалъ генераламъ указы, какъ поступать, чтобы армію спасти. Это поправило немного наши дѣла, но бѣды еще не кончились. Въ Гроднѣ Огильви ждалъ саксонское войско себѣ на подмогу; но это войско, числомъ въ 20.000 человекъ, было побито на голову 12.000 Шведовъ подъ начальствомъ Реншельда. Тогда Петръ далъ Огильви строгій и подробный наказъ—какъ выбраться изъ Гродно и уйти отъ Шведовъ. Огильви наказъ исполнилъ, съ первымъ ледоходомъ перебрался черезъ рѣку Нѣманъ и пошелъ на утекъ; Карлъ погнался было за нимъ, но за распутицей настичь не могъ. Русская армія выбралась на свободу благополучно, а Карлъ повернулъ назадъ—кончать съ королемъ Августомъ. Когда это происходило, Государь уже работалъ въ Петербургѣ и ходилъ добывать Выборгъ, но безъ удачи. Выборгскую неудачу навесталъ Меншиковъ, побивъ подъ Калишемъ Шведовъ и Поляковъ, сторонниковъ Станислава Лещинскаго. Перебито было до 6.000 враговъ; Русскіе бились храбро, новымъ строемъ, къ тому же были вчетверо многочислѣе непріятеля. А за этой радостью

пришло опять горе: король Августъ, для спасенія отъ Шведовъ своей Саксонской земли, помирился съ Карломъ, отступился отъ Польши и отъ союза съ Петромъ, выдалъ Паткуля и русскихъ солдатъ, что находились въ Саксоніи, и этотъ постыдный миръ подписалъ въ Альтранштадтѣ. Петръ въ тревогѣ поскакалъ къ арміи.

Было чему тревожиться: союзники отстали, съ Карломъ приходилось бороться одинъ на одинъ. Петръ попробовалъ пойти на мировую, обѣщая отступить отъ всего завоеваннаго, кромѣ Петербурга; Карлъ и слышать не хотѣлъ, а одинъ шведскій генералъ сказалъ: «мы выгонимъ со всего свѣта московскую каналью не оружіемъ, а плетью». Послы царскіе пытались уговорить иноземныхъ государей, чтобы помогли замиренію, но безъ всякаго успѣха. Одинъ французскій министръ вымогивалъ, что въ 80.000-й русской арміи 80.000 трусовъ, и ихъ побьютъ 8.000 Шведовъ несомнѣнно.

Наступилъ 1707 годъ, тяжелый годъ для Петра и Россіи. Государь указалъ, чтобы хлѣбъ, сѣно и всякіе харчевые людскіе и конскіе запасы обыватели прятали весной подъ землей или по лѣснымъ трупамъ; велѣлъ даже укрѣплять Москву на всякій случай. Войско было пополнено дьяками, подьячими и церковниками, которые гуляли безъ дѣла; въ немъ числилось 90.000 человекъ. По обученію войско это не могло еще стать ровень съ другими европейскими арміями, потому что приходилось всегда спѣшить, и многіе новые полки шли на войну необученные. Офицеровъ не хватало, и были они плохи,

но все-таки лучше прежняго, такъ что Государь сталъ брать на службу иноземцевъ съ большимъ разборомъ, не давая имъ лишнихъ чиновъ. Каждогодно, по нѣскольку разъ, онъ смотрѣлъ всѣ полки, наблюдалъ за ихъ обученіемъ и съ нерадивыхъ взыскивалъ со строгостью безпощадной. Вообще строгость въ военной службѣ завелась большая, какой дотолѣ въ русскихъ ратяхъ не видали; ослушникамъ, бѣглецамъ, нерадивымъ часовымъ было почти одно наказаніе—смертная казнь. Государь былъ строгъ, но зато справедливъ и зорко смотрѣлъ, чтобы солдатъ былъ сытъ, одѣтъ и ничѣмъ не обдѣленъ. Назначивъ солдату паекъ, Петръ самъ прожилъ на этомъ пайкѣ цѣлый мѣсяцъ, дабы удостовѣриться, довольно ли такой дачи рабочему здоровому человѣку. Стараясь о нуждахъ войска, о его одеждѣ, продовольствіи, устроеніи, Петръ еще больше заботился о военномъ духѣ, чтобы войско не боялось врага, вѣрило своимъ силамъ, отъ неудачъ не впадало въ уныніе и бодро переносило всякія невзгоды. Труды Государя не пропали: русскому войску еще не удалось одолѣвать непріятеля своимъ устроеніемъ и наукой, но зато оно начало уже совершать такіе подвиги, которые слабодушнымъ людямъ не даются.

Въ августѣ 1707 года Шведскій король, покончивъ съ Саксоніей, поднялся на Россію съ 45.000 войска, кромѣ тѣхъ 30.000, что воевали въ Лифляндіи и Финляндіи. Идучи къ русскимъ рубежамъ, Шведскій король грозился, что возьметъ Москву и сведетъ Петра съ царства, но похвальба эта Петра не испугала.

Какъ не золотая трубонька вострубила,
 Не серебряна сиповочка возыграла,
 Какъ возговорить нашъ батюшка православный Царь,
 Всея ли же Россіи Петръ Алексѣевичъ:
 «Охъ вы гой еси, князья со боярами!
 «Пьете вы ѣдите все готовое,
 «Цвѣтное платье носите припасенное,
 «Ничего-то вы не знаете, не вѣдаете:
 «Еще пишеть король Шведскій ко мнѣ грамотку,
 «Онъ будетъ, король Шведскій, ко мнѣ кушати.
 «Ужъ мы столики разставимъ—Преображенскій полкъ,
 «Скатерти разстелемъ—полкъ Семеновскій,
 «Мы вилки да тарелки—полкъ Измайловскій,
 «Мы поильце медяное—полкъ драгунушекъ,
 «Мы кушанья сахарны—полкъ гусарушекъ,
 «Потчевать заставимъ—полкъ пѣхотушекъ.

Въ Карлѣ говорили страсти, а разумъ молчалъ: Шведскій король не разумѣлъ, что Русскіе ужъ не тѣ, какими были 5—6 лѣтъ назадъ, и что Петръ—не Августъ. А Петръ понималъ все дѣло хорошо; онъ видѣлъ, что русское войско еще не доросло до шведскаго и потому приказалъ — избѣгать общаго, большаго боя, а отступать и биться малой войной, т. е. ѣпадать врасплохъ небольшими отрядами, тревожить Шведовъ и не давать имъ покоя, отхватывать обозы, уничтожать продовольствіе. На дѣлѣ оказалось, что Петръ былъ правъ и тянулъ время не по пустому.

Но и въ эту тяжелую пору Государь не могъ всѣ свои старанія и силы обратить на непобѣдимаго, страшнаго шведа. Астраханскій мятежъ былъ усмиренъ, но поднялась смута на другихъ окраинахъ.

На дальнемъ сѣверо-востокѣ Европейской Россіи сидѣлъ Башкирскій народъ, издавна покоренный Рус-

скими; онъ исповѣдывалъ магометанскую вѣру. жилъ полуосѣдло и русское подданство несъ на себѣ неохотно. Съ увеличеніемъ всякихъ тягостей въ Петрово царствованіе, пришлось выносить ихъ и Башкирамъ. Еще два года назадъ они начали волноваться, а когда появился между ними смѣлый челоувѣкъ, назвавшійся ханомъ, смута выросла и къ Башкирамъ пристали сосѣдніе Татары. Запылали русскія села и деревни. Государь велѣлъ усмирять бунтъ ласкою и милосердіемъ, но это не помогло. Войска въ томъ краю почти не было, послать полки изъ-подъ шведа было нельзя; Государь позволилъ собираться вольницѣ и, ради добычи, бить бунтовщиковъ, жечь и грабить ихъ жилища. Одному воеводѣ удалось забраться въ крѣпкія и лѣсистыя мѣста воровскихъ заводчиковъ. Онъ побилъ мятежниковъ на многихъ бояхъ и загонахъ, жилья выжегъ, побралъ много полону, лошадей, скота. Башкиры просили помилованія и обѣщались впередъ быть вѣрными и послушными. Въ началѣ 1709 года все стало тихо въ Башкирской землѣ, но 4-лѣтняя смута надѣлала много зла: пожжено и разорено сель и деревень 300; людей перебито и въ плѣнъ отведено больше 12,000.

Еще башкирская смута была въ разгарѣ, какъ мятежъ поднялся на Дону, грознѣе и опаснѣе башкирскаго. Искони люди Московскаго государства бѣгали на Донъ отъ налоговъ, насилій воеводскихъ и отъ всякой тяготы; при Петрѣ стали бѣгать пуще. Не давая никому бездѣльничать, Государь пастойчиво требовалъ, чтобы казаки бѣглыхъ къ себѣ не пускали, и тѣхъ, что на Дону уже поселились, поворотили бы

назадъ. Казачья старшина исполняла Государевы-указы неохотно, только для вида; бѣглецы продолжали уходить на Донъ. Бѣжали крестьяне, бѣжали работники съ государственныхъ работъ, забравъ деньги впередъ, бѣжали и солдаты со службы. Государь послалъ въ 1707 году на Донъ князя Юрія Долгорукаго, наказавъ ему—отыскать бѣглецовъ и вернуть на прежнія мѣста жительства.

Какъ у насъ-то на тихомъ Дону нездорово:
 Какъ прѣхали въ намъ на тихій Донъ все разсылщики,
 Въ разсылщикахъ были два боярина,
 Безъ указа-то они государева насъ разоряють,
 И они старыхъ стариковъ всѣхъ ссылають,
 Молодыхъ, малолѣтєевъ берутъ во солдаты.
 Оттого-то нашъ славный тихій Донъ возмутился,
 Возмутился славный тихій Донъ вплоть до устья,
 Какъ до славнаго до города Черкаска.

Гулящихъ людей накопилось на Дону много; выискался имъ голова, одинъ изъ донскихъ атамановъ, Кондратій Булавинъ. Набравъ шайку, онъ ночью напалъ на Долгорукаго и перебилъ его со всѣми людьми, безъ остатка. Къ Булавину поваляли толпы безодежныхъ, безконныхъ, безоружныхъ; за добровольцами же отправился онъ въ Запорожье и въ мартъ 1708 года появился на р. Хопрѣ. На него вышло изъ Азова государево войско, вмѣстѣ съ вѣрными казаками; Булавинъ наскочилъ на нихъ нежданно; казаки изменили, перешли на его сторону, войско государево было побито на голову и богатая казна досталась бунтовщикамъ. Воры грозилась идти на Тамбовъ и Тулу; Государь послалъ на Донъ брата убитаго Долгорукаго,

князя Василя, велѣвъ собрать отовсюду, гдѣ можно, войско, безъ малаго въ 7.000 человекъ, и приказалъ поступать милостиво съ тѣми, которые принесутъ повинную. Но у Булавина силы къ тому времени прибавилось, бунтъ разлился всюду; одни пристали къ бунтовщикамъ явно, другіе пособляли имъ тайно. Оставивъ большую шайку сторожить царскія войска, Булавинъ съ 15.000 бунтовщиковъ пошелъ къ Черкасску и въ два дня взялъ городъ. Государь очень встревожился и собрался было самъ ѣхать на Донъ, но дѣло уладилось и безъ него. Шайка, что поставилъ Булавинъ противъ царскихъ воеводъ подъ начальствомъ атамана Хохлача, была побита на голову; другой Булавинскій атаманъ, Дранный, тоже разбитъ и сложилъ въ бою голову; третья шайка въ 5.000 человекъ подступила было къ Азову, но прогнана съ большой потерей. Прибѣжавъ изъ-подъ Азова въ Черкасскъ, бѣглецы стали укорять Булавина за то, что онъ не пришелъ къ нимъ на выручку, и грозилась его убить. Булавинъ ушелъ въ свой курень и заперся, казаки напали на курень; Булавинъ оборонялся, убилъ двухъ человекъ, но увидѣвъ, что отбиться отъ казаковъ нельзя, самъ застрѣлился.

Мятежъ сталъ слабѣть, но улегся не сразу. Шайки гуляли еще по Дону и Волгѣ и творили всякое зло; за ними гонялись царскіе воеводы, били ихъ, казнили бунтовщиковъ, жгли городки.

Дотолѣва зеленый садъ зелень стоялъ,
 А нынѣ зеленый садъ присохъ-приблекъ,
 И приуныли въ саду пташечки.
 Дотолѣва-то Государь-Царь казаковъ любилъ,

Казаковъ любилъ и много жаловалъ,
 А нынче Государь-Царь на казаковъ прогнѣвался,
 На казаковъ прогнѣвался, разсердился,
 И сталъ казаковъ казнить-вѣшати
 И сажать по темнымъ тюрьмамъ.

Только въ декабрю 1708 года все улеглось и за-
 тихло. Поднявшись въ августѣ изъ Саксоніи въ Рос-
 сію, Шведскій король 4 мѣсяца простоялъ на Вислѣ
 безъ всякой пользы и только въ концѣ декабря дви-
 нулся въ Литву, но опять остановился на долгое вре-
 мя въ Родошковичахъ. Шведы хозяйничали и грабили
 въ Польшѣ безъ зазрѣнія совѣсти, такъ что на нихъ
 поднялись обыватели и, хоронясь за деревьями и ку-
 стами, били ихъ изъ ружей; разъ чуть не подстрѣ-
 лили самого короля. Король приказалъ вѣшати этихъ
 стрѣлковъ и жечь ихъ жилья. Шведы стали усердно
 исполнять королевскій указъ; разъ захватили 50 че-
 ловѣкъ и заставили ихъ убивать другъ друга. Не въ
 одномъ русскомъ войскѣ жестоки были въ то время
 обычаи военные.

Въ ту пору Петръ лежалъ въ Петербургѣ больной,
 а потомъ, едва оправившись, принялся укрѣплять Пе-
 тербургъ и посылалъ указы, чтобы укрѣпляли Москву
 на случай Карлова нашествія, свозили бы въ нее
 хлѣбъ, вывозили святыню. Шведскій король двинулся
 опять впередъ, когда Петра еще не было при арміи,
 но русскіе начальники помнили его указъ—отъ боль-
 шой баталіи всячески уходить. При Головчинѣ при-
 шлось, однако, столкнуться со Шведами и вдобавокъ
 безъ удачи; многіе русскіе полки замѣшались, бились
 не солдатскимъ, а казацкимъ боемъ, покинули пушки

и непорядочно отступили. Петръ получилъ донесеніе объ этой битвѣ на пути къ арміи. Онъ велѣлъ розыскать дѣло и виноватыхъ судить военнымъ судомъ; судъ опредѣлилъ генерала князя Репнина разжаловать въ солдаты. Головчинскую неудачу Государь скоро поправилъ; по его приказанію генераль князь Голицынъ напалъ на Шведовъ генерала Росса при с. Добромъ, сильно ихъ побилъ и забралъ нѣсколько знаменъ и пушекъ. Самъ Карлъ прискакалъ къ своимъ на выручку, но Голицынъ ужъ успѣлъ къ тому времени отойти назадъ. Государь очень радовался новой милости Божіей и ближнимъ людямъ написалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ служить началъ, такой науки и порядка отъ своихъ солдатъ не видалъ.

Русская армія опять отступила; Карлъ пошелъ было за ней, но перейдя русскій рубежъ, остановился. Шведы давно уже шли по странѣ малолюдной, умышленно опустошенной, болотными испорченными дорогами, въ ненастное время. Негдѣ имъ было ни укрыться, ни обсушиться, нечѣмъ прокормиться; солдаты снимая съ полей колосья и молили между каменьями; подъ конецъ пришлось имъ питаться однимъ мясомъ, безъ хлѣба и соли, да пить гнилую болотную воду. Отъ сырости и голода пошли болѣзни, люди валились сотнями, но brave солдаты все еще не унывали. Въ нимъ шелъ генераль Лавенгауптъ съ сильной подмогой и огромнымъ харчевымъ запасомъ; его-то и поджидалъ Карлъ, стоя на одномъ мѣстѣ двѣ недѣли.

Самъ Петръ Алексѣевичъ пошелъ противъ Левенгаупта, спѣшно, безъ обозовъ, посадивъ всю пѣхоту на лошадей, и въ концѣ сентября сошелся съ Левен-

гауптомъ у д. Лѣсной. Шведовъ было 16.000 съ 7.000 подводъ, Русскихъ 14.000. Бой загорѣлся жестокой и продолжался 6 часовъ, до вечерней темноты. Шведы были побиты на голову, у нихъ забраны всѣ пушки и много знаменъ; полегло Шведовъ больше 8.000, да 2.000 попало въ плѣнь. Русскихъ перебито и переранено 4.000 съ небольшимъ. Еще ни разу Русскіе не дрались въ такомъ порядкѣ, какъ при Лѣсной, зато и такой полной побѣды еще ни разу надъ Шведами не имѣли. До Карла добралось едва 6.000 человекъ, истомленныхъ, голодныхъ, безъ харчевого и боевого припасу. Прибавилось голодныхъ ртовъ да пустыхъ желудковъ, когда и прежнихъ король не зналъ какъ прокормить. А въ русскомъ войскѣ всѣ ободрились и повеселѣли. Петръ называлъ побѣду при Лѣсной «первой солдатской пробой», на другой день отправилъ молебствіе съ пушечной и ружейной пальбой, всѣмъ роздалъ медали съ надписью «достойному достойное». А въ довершеніе радости пришла вѣсть отъ Апраксина, съ береговъ Невы. Шведы, задумавшіе разорить Петербургъ, были побиты и выгнаны изъ Ингерманландіи, они сгубили 3.000 человекъ, всѣхъ лошадей и бросили военные припасы.

Радость, однако, была недолгая и смѣнилась тревогой; Государь получилъ недобрую вѣсть, хуже всѣхъ прежнихъ бѣдъ: малороссійскій гетманъ Мазепа измѣнилъ и присталъ къ Шведамъ.

Подъ Петромъ было всѣмъ тяжело, легла тягость и на малороссійскихъ казаковъ. Между ними поднялся ропотъ, стала казачья старшина требовать отъ Мазепы защиты исконныхъ своихъ правъ и вольности.

А Государь отъ Мазепы требовалъ, чтобы казаки служили усердно и никто бы отъ службы не уходилъ. Мазепа попалъ словно между двухъ огней, старался угодить и Государю, и старшинѣ, но это часъ отъ часу становилось труднѣе. Государь оказывалъ гетману большое уваженіе и во всемъ ему вѣрилъ, но въ тогдашнее тяжелое время и на Мазепину долю выпадали неудовольствія и обиды; многое пришлось ему дѣлать противъ своей воли, явилась у него досада, озлобленіе. Нашлись люди, которые подлили масла въ огонь, нашептавъ Мазепѣ, будто князь Меншиковъ добивается его гетманства и что молва эта скоро сбудется. Мазепа былъ человекъ разумный, но лукавый и двоядушный; онъ сталъ задумываться, вошелъ въ тайную пересылку съ королемъ Станиславомъ, однако никакого прямого замысла на измѣну еще не имѣлъ. Какъ ни осторожно онъ лукавилъ, а враги провѣдали; враги же у гетмана были и между старшиной. Мазепа слюбился съ дочерью генеральнаго судьи Кочубея, и Кочубей не простилъ ему своего позора. вмѣстѣ съ бывшимъ полковникомъ Искрой, онъ послалъ въ Москву доносъ, что Мазепа хочетъ Государю измѣнить, отложиться къ Полякамъ, плѣнить Украйну и государевы города. Государь доносу не повѣрилъ, однако велѣлъ доискаться правды; Кочубея и Искру, по обычаю, пытали; не стерпѣвъ пытки, они сказали, что наклепали на гетмана напраслину.

Кочубей и Искра были казнены, но Мазепа все-таки сталъ осторожнѣе и рѣшилъ выжидать. Государь прислалъ ему указъ—итти съ полками къ Стородубу; Мазепа прикинулся больнымъ. Меншиковъ звалъ его переговорить по спѣшному дѣлу; гетманъ

отвѣчалъ, что лежитъ въ предсмертной болѣзни и собирается собороваться. Мазепа лукавилъ потому, что зналъ за собой грѣхи и боялся, не заманивають ли его въ ловушку. Можетъ статься, такъ и остался бы онъ вѣрнымъ своему государю, если бы война перешла изъ Польскихъ земель въ Великую Россію. Но Карлъ пошелъ въ Малороссію, и въ голову Мазепину запала новая дума. Сталъ онъ разсчитывать, что Петру не справиться съ Карломъ, котораго еще никто не побивалъ; что держаться царской стороны, значить губить и себя, и Украину, а пристать къ Шведамъ, задавшись за Польскаго короля, значить и землю спасти, и себѣ добыть силу. Такъ размышлялъ Мазепа, но ни на что не рѣшался. Единомысленная съ нимъ старшина (такихъ людей было не много) сердилась и торопила гетмана приступить скорѣе къ дѣлу. Мазепа сварядилъ посла къ шведскому министру Пиперу съ грамотой, въ которой писалъ, что очень радъ приходу Карла въ Украину, что просить у него покровительства себѣ, войску запорожскому и всему народу малороссійскому, молить освободить ихъ отъ тяжкой московской неволи и прислать войско на оборону. Но отправляя грамоту, Мазепа все еще хитрилъ: грамоту не подписалъ и печать къ ней не приложилъ. Ожидая отвѣта, онъ получилъ вѣсть, что князь Меншиковъ непременно хочетъ съ нимъ повидаться и потому самъ ѣдетъ къ нему въ Борзну. Теперь лукавить и волочить дѣло было уже нельзя. Чувя надъ собой бѣду, Мазепа больше ужъ не раздумывалъ, въ тотъ же день поскакалъ изъ Борзны и на

третьи сутки, съ 2.000 казаковъ, прибылъ къ шведскому передовому полку.

Надо было захватить новое народившееся зло въ самомъ началѣ. Въ Батуринѣ, столицѣ гетмана, за-сѣли бунтовщики, сторонники Мазепы; туда же шли Шведы съ гетманомъ. Петръ велѣлъ Меншикову покончить съ бунтовщиками какъ можно скорѣе. Меншиковъ пришелъ къ Батурину 31 октября, а 2 ноября, почти на глазахъ у Шведовъ, взялъ рано утромъ городъ штурмомъ, перебилъ всѣхъ людей и захватилъ богатую казну. Черезъ 4 дня въ Глуховѣ былъ избранъ новый гетманъ, Скоропадскій; въ Москвѣ освященный соборъ провозгласилъ Мазепѣ проклятіе; малороссійскіе архіереи сдѣлали то же.

Тѣмъ временемъ Карлъ разсылалъ по Малороссіи грамоты, призывалъ народъ свергнуть съ себя неволю московскую, стращалъ тѣмъ, что Петръ хочетъ искоренить православную вѣру и ввести латинскую. Петръ тоже разсылалъ манифесты, успокаивалъ народъ, остерегалъ его отъ Карловой и Мазепиной лжи, обѣщаль держать народъ малороссійскій въ его правахъ и льготахъ, приказывалъ промышлять надъ непріателемъ всякими средствами, бить его и въ плѣнъ забирать. За каждаго плѣннаго генерала обѣщано 2.000 рублей, за полковника 1.000, за остальныхъ по расчету противъ чина, за рядовыхъ солдатъ по 5 р., за каждаго убитаго по 3 рубля.

Малороссійскій народъ не пошелъ за Мазепой; ничего не подѣлали ни манифесты Карла, ни грамоты гетмана. Крестьяне прятали хлѣбъ и все добро свое по лѣсамъ, отгоняли у Шведовъ лошадей, гдѣ можно

захватывали враговъ, при ихъ приближеніи уходили цѣлыми деревнями. Въ свѣжей памяти была у всѣхъ польская неволя съ поруганіемъ вѣры, съ несчетными обидами и насиліями. Народъ отвернулся отъ проклятаго гетмана, остался подъ державой единовѣрнаго и единоплеменнаго царя, и по сіе время еще не перевелось въ немъ ругательство Мазепинымъ именемъ.

VIII. Полтава.

Невдалекѣ другъ отъ друга стояли русскія и шведскія войска. Дѣло подходило къ развязкѣ, то великое дѣло, на которое было потрачено Петромъ столько трудовъ, наложены на народъ такія тягости, пролито столько крови русской. Сосѣднія государства нетерпѣливо ждали—чѣмъ кончится эта схватка двухъ богатырей; даже отдаленная западная Европа внимательно слѣдила за ходомъ войны. Одни желали успѣха Петру, другіе Карлу, но никто въ дѣло не вмѣшивался, всѣ держались въ сторонѣ. Карлъ и Мазепа пытались заманить на свою сторону Турокъ, но и Турція не тронулась, а ждала, какъ и всѣ другія. Приходилось и Карлу, и Петру развѣдываться одними своими силами; только времена ужъ настали другія. Петръ былъ въ своей землѣ и могъ безъ большого труда добыть и людей, и продовольствіе, и все что нужно; Карлъ зашелъ далеко отъ своего государства, и что при его войскѣ находилось, тѣмъ и долженъ

былъ изворачиваться: ни подмоги, ни присылки ждать было неоткуда.

Зима 1708—9 годовъ была жестокая, вакой ни дѣды, ни прадѣды не помнили. Русскимъ войскамъ хоть была выдана теплая одежда, а все таки они терпѣли отъ непомярной стужи. У Шведовъ не было ни одежды въ запасѣ, ни обуви; все имъ приходилось добывать съ боя; они гибли сотнями. Зорко наблюдая за непрошенными гостями, Петръ оцѣпилъ ихъ своими войсками съ трехъ сторонъ, не давалъ имъ покоя, тревожилъ безпрестанно. Вся зима прошла въ мелкихъ дѣлахъ. Шведовъ много убыло за это время, а помощи имъ ни откуда не прибыло; Мазепины общанія не сбылись; народъ малороссійскій не только не присталъ къ Шведамъ, но дѣлалъ имъ всякое зло. Одни запорожцы стали за Мазепу, а чтобы они не смутили своей измѣной простой народъ, Государь велѣлъ взять и разорить Запорожскую Сѣчь.

Наступила весна. Государь былъ въ отсутствіи. Еще въ февралѣ онъ уѣхалъ на Донъ, готовить къ выходу въ море флотъ, если Турки вздумаютъ помочь Карлу. Петръ работалъ тамъ вмѣстѣ съ мастеровыми, выправлялъ изготовленные къ печати календари, учебныя книги, вѣдомости, занимался государственными дѣлами и плавалъ на корабляхъ по Азовскому морю. Турки не приходили, надежда на нихъ Карла не сбывалась, но онъ этимъ не смущался и боялся лишь одного—какъ бы Русскіе не стали попрежнему уходить отъ большой битвы. Чтобы принудить ихъ къ бою, Карлъ рѣшилъ осадить Полтаву и обложилъ ее своимъ войскомъ съ праваго берега Ворс-

клы; на лѣвомъ берегу собрались русскія войска. Въ началѣ мая 1709 года, Шведы нѣсколько разъ приступали къ Полтавѣ яростно и настойчиво, но засѣвшіе тамъ Русскіе, подъ начальствомъ полковника Белина, всякій разъ ихъ отбивали. Много легло тутъ Шведовъ, но Карлъ изъ-подъ Полтавы не уходилъ, а когда одинъ ближній человѣкъ сталъ его уговаривать, то король отвѣчалъ: «если бы самъ Богъ прислалъ мнѣ съ ангеломъ небеснымъ приказъ—отступить отъ Полтавы, то и тогда бы я не отступилъ».

Какъ подъ славнымъ городомъ подъ Полтавой,
Тутъ стоялъ-постоялъ король Шведскій.
Къ королю кавалеры подходили,
На рѣчахъ кавалеры доносили:
«Ахъ ты батюшка, король земли Шведской!
«Сколько подъ городомъ не стояти
«Намъ Полтавы-города не взяти;
«Во Полтавѣ есть московская пѣхота,
«Самъ Царь Государь поспѣшаетъ».

Петръ былъ боленъ и едва сталъ поправляться, какъ поскакалъ къ арміи, по полученной отъ Меншикова вѣсти. Приѣхавъ, онъ рѣшилъ—отъ Шведовъ не уходить и, съ Божіей помощью, главное дѣло съ ними тутъ имѣть. Приближался день, котораго 9-й годъ Карлъ добивался, и отъ котораго Петръ 9-й годъ всеми способами уходилъ,—день великой битвы на жизнь и смерть. Не обманула Государя его обычная прозорливость: время для расчета со Шведами наступило самое удобное. Шведы утомились долгой войной и трудными походами, уныли отъ многихъ лишеній и невзгодъ и хотѣли отдохнуть на родинѣ, которую

такъ давно не видали. Дисциплина въ шведскомъ войскѣ ослабѣла; солдаты часто не исполняли приказаній своихъ офицеровъ, не шли попрежнему на всякую трудную и опасную службу со слѣпыми повиновениемъ, а разбирали, что трудно и что легко. Король ихъ не измѣнился, по прежнему не ставилъ въ грошъ свою голову, бросался подъ пули и ядра хладнокровно, но солдаты не давали ужъ этому большой цѣны и толковали между собой, что Карлъ ищетъ смерти, потому что видитъ дурной конецъ. А русское войско, наоборотъ, ободрилось и, пройдя добрую боевую школу, окрѣпло духомъ. Въ немъ много достойныхъ людей вышло въ чины; Государь давалъ ходъ всякому, въ комъ замѣчалъ способность, стараніе и умѣнье. Выше всѣхъ иноземцевъ поставилъ онъ Шереметева и Меншикова, потому что были то прямые полководцы и не уступали въ своемъ дѣлѣ любому европейскому генералу, особенно Меншиковъ. Однимъ словомъ, войско русское было не то, что въ началѣ войны, и съ нимъ теперь ужъ можно было отважиться на такія дѣла, про которыя 6—7 лѣтъ назадъ нельзя было и думать.

Полтава держалась противъ Шведовъ съ большимъ трудомъ. Незадолго до приѣзда Государя, отъ шведскихъ бомбъ въ городѣ загорѣлось, и когда гарнизонъ полтавскій сталъ пожаръ тушить, Шведы полѣзли на приступъ, взобрались на валъ и поставили на немъ знамя. Полтавцы ударили на врага отчаянно и послѣ двухъ-часового боя выгнали вонъ. Петръ приказалъ бросать въ городъ пустыя бомбы съ письмами внутри; письмами этими онъ ободрялъ осажденныхъ и прика-

зывать держаться стойко. Полтавцы ободрились, сошлись въ соборную церковь и поглялись обороняться до послѣдняго издыханія, стоять противъ Шведовъ до послѣдняго человѣка. А Петръ рѣшилъ перевести свою армію на Ворсклу, занять выгодное мѣсто и дать тамъ Шведамъ бой. Это сдѣлано 19 іюня; русская армія остановилась въ 8 верстахъ отъ Полтавы, потомъ пододвинулась къ ней на 3 версты и разбила тутъ свой станъ, а ночью съ 25 на 26 число, по указанію Государя, въ потребныхъ мѣстахъ окопалась.

Весь слѣдующій день Петръ Великій осматривалъ окрестныя мѣста, приказывалъ насыпать новые окопы, устанавливалъ боевой распорядокъ. Въ серединѣ стоялъ Шереметевъ со своими полками, по лѣвую руку—Меншиковъ, по правую—Ренне. Всего войска собралось больше 40.000 человѣкъ съ 72 пушками; Шведовъ было гораздо меньше, но Петръ, по своей обычной осторожности, послалъ гонцовъ къ гетману Скоропадскому съ приказомъ—итти къ Полтавѣ, не теряя минуты. Поджидалъ онъ тоже Калмыковъ и рассчитывалъ, что вся эта подмога должна поспѣть ко дню Петра и Павла. Но Карлъ про это узналъ и рѣшился завязать бой неотлагательно, взявъ, однако же, прежде Полтаву, чего бы то ни стоило. Іюня 21 Шведы повели на крѣпость штурмъ и бились цѣлый день. Особенно надѣялись они на свои *мины*, т. е. подкопы съ порохомъ, но полтавцы про эти подкопы провѣдали и вынули порохъ. Приступъ былъ отбитъ, но утромъ, передъ разсвѣтомъ, начался опять. Вмѣстѣ съ запорожцами бросились Шведы на крѣпость съ разныхъ сторонъ, срубили палисады и вскочили на валъ;

внутри крѣпости загрохотали непріятельскіе барабаны, раздилась побѣдные крики. Дѣло, казалось, было кончено, однако защитники полтавскіе собрали послѣднія свои силы и съ яростнымъ отчаяніемъ ударили снова. Бились всѣ, кто только могъ и чѣмъ кто только могъ, бились даже женщины. До поздняго вечера стономъ стоялъ надъ Полтавой гулъ битвы и, наконецъ, смолкъ: непріятель былъ сбитъ и бѣжалъ. Около 900 человекъ побито и поранено Русскихъ; Шведовъ безъ малаго вдвое. На другой день Шведы потянулись изъ-подъ крѣпости, остались только запорожцы: Карлъ готовился къ сраженію съ Петромъ.

Шведовъ было всего 25.000 человекъ или немногимъ больше; при нихъ пушекъ только 4; остальные стояли подъ Полтавой, потому что не хватало для нихъ огнестрѣльнаго снаряда. Шведами начальствовалъ фельдмаршалъ Реншельдъ; самъ Карлъ предводитель не могъ, ибо былъ раненъ. Передъ тѣмъ поѣхалъ онъ ночью высмотрѣть русскій лагерь и наткнулся на казачьи аванпосты; казаки спокойно и оплошно сидѣли у огня. Въмѣсто того, чтобы тихо уѣхать, какъ пріѣхалъ, Карлъ слѣзъ съ коня и изъ пистолета выстрѣлилъ въ одного казака, остальные вскочили и дали изъ ружей три выстрѣла; одна пуля попала Карлу въ ногу.

Іюня 27, въ 2 часа утра, двинулись Шведы къ русскому стану; впереди шла пѣхота четырьмя большими полками, за нею конница. Карлъ не могъ сидѣть на лошади и ѣхалъ въ качалкѣ, запряженной парой. Онъ ни мало не унывалъ; перемогая боль отъ раны, шутилъ съ офицерами и солдатами, напоми-

налъ про Нарву, звалъ ихъ на пиръ въ шатры Царя Московскаго. Но послѣ Нарвы много воды утекло...

Шведы двигались къ русскому стану, русскіе полки стояли въ ружьѣ и слушали приказъ своего Царя. «Пришелъ часъ, когда рѣшается судьба отечества», было написано въ приказѣ: «вы не должны думать, что сражаетесь за Петра, а за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за вѣру нашу православную и церковь. А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія въ славѣ и благоденствіи». Прочли приказъ, показался самъ Государь. Въ зеленомъ мундирѣ и треугольной шляпѣ, на бойкомъ гнѣдомъ конѣ объѣзжалъ онъ войска, давалъ наказы генераламъ, собиралъ офицеровъ, ободрялъ ихъ. «Порадѣйте, товарищи», говорилъ Петръ: «этого ждуть отъ васъ вѣра, церковь и отечество». Громкое, бравое «ура» раскатывалось и переливалось по рядамъ.

Въ 4 часа утра подошли Шведы къ первымъ окопамъ. Два редута, которые не были еще окончены, Шведы взяли сразу, а въ остальныхъ встрѣтили сильный отпоръ. Вся русская конница подоспѣла сюда и помогла пѣхотѣ отстаивать редуты; Карлъ послалъ противъ нея свою конницу. Князь Меншиковъ, генералы Ренне и Боуръ сами водили полки въ бой; подъ Меншиковымъ убиты двѣ лошади, Ренне вынесенъ изъ боя раненый. Увидѣвъ, что одной конницѣ со Шведами не справиться, Петръ велѣлъ отойти ей къ правому крылу лагеря. Шведы повалили слѣдомъ, не тратя времени на штурмъ редутовъ; на нихъ дождемъ сыпались изъ редутовъ пули, но они смѣло шли

все впередъ и вытянулись на опушѣ лѣса, передъ русскимъ станомъ. Остался сзади, за редутами, только одинъ большой отрядъ шведскаго войска, тысячъ въ пять, подъ начальствомъ генерала Росса. Неизвѣстно, что его задержало на мѣстѣ, но Петръ это замѣтилъ и приказалъ ударить на Росса. Русскіе напали стремительно, прогнали Шведовъ въ лѣсъ и большую часть перебили или забрали въ плѣнъ.

Тѣмъ временемъ, русская главная армія вышла изъ своего лагеря и выстроилась для боя. Шведы стояли въ готовности насупротивъ, у лѣса. Въ 9 часу Петръ двинулъ свои войска впередъ, Шведы пошли навстрѣчу; передъ полками правой руки ѣхалъ Карлъ, обложивъ раненую ногу подушками. Въ 9 часовъ обѣ арміи сошлись на близкій выстрѣлъ и зарокотала горячая ружейная пальба. Полки праваго шведскаго крыла яростно рванулись впередъ и сбили Русскихъ. Петръ сейчасъ привелъ помощь и самъ повелъ полки впередъ. Бой завязался жестокой, пули свистали сотнями; одна пробила Петру шляпу, другая ударила въ арчакъ Государева сѣдла и тамъ застряла, третья сплюсцилась у него на груди, на золотомъ крестѣ. Обѣ стороны схватились въ рукопашную; бились отчаянно, напрягая всѣ силы. Карлъ былъ тутъ-же, вблизи; его оберегали 24 солдата; изъ нихъ только трое остались цѣлы. Послѣ получасоваго жестокаго боя, Шведы замѣшались и, когда русская конница ударила на нихъ справа и слѣва, они дрогнули и разомъ поворотили тылъ. Въ это время ядромъ разбило Карлову качалку, король упалъ безъ памяти на землю. Его подняли и посадили на скрещенныя пики; отсюда онъ увидѣлъ,

что полки его въ разстройствѣ бѣгутъ. «Шведы, Шведы», кричалъ онъ въ отчаяніи, но Шведы ужъ не слышали своего короля и въ ужасѣ бѣжали по полю къ лагерю. Прискакалъ фельдмаршалъ Реншельдъ. «Товарищи, спасайте короля», крикнулъ онъ ближайшимъ людямъ и ринулся въ ряды разстроеннаго, смятаго войска, чтобы хоть сколько нибудь помочь бѣдѣ; но поправить дѣло было уже совсѣмъ невозможно.

Шведы разбиты были на голову; изъ стройнаго, непобѣдимаго войска, которое наводило страхъ на всю Европу, остались безпорядочныя толпы, за которыми Русскіе гнались по пятамъ и били безотпорно; все поле усѣялось трупами. Въ лагерьъ тоже не было спасенья. Генералъ Ренцель, что въ началѣ сраженія гналъ полки разбитаго Росса, настигъ ихъ подъ Полтавой и взялъ въ плѣнъ. Оттуда онъ пошелъ къ шведскому лагерю и забралъ всѣхъ, кто не успѣлъ бѣжать. Королевская казна, множество обоза и всякаго добра достались Русскимъ.

Шведовъ побито и изранено 9.000 человекъ и до 3.000 забрано въ плѣнъ. Въ плѣнъ попались фельдмаршалъ Реншельдъ, первый министръ Карла Пиперь, 4 генерала; въ руки Русскихъ достались 4 пушки и 137 знаменъ. Русскіе полки потеряли тоже много народа: убитыхъ и раненыхъ сосчитано безъ малаго 5.000 человекъ.

Подымалась полтавская баталья.
 Не крупень чеснокъ разсыпался:
 Смишалася шведская сила,
 Распахана шведская пашня,
 Распахана солдатской бѣлой грудью.

Орана шведская пашня
 Солдатскими ногами;
 Боронена шведская пашня
 Солдатскими руками;
 Посвяна новая пашня
 Солдатскими головами;
 Поливана новая пашня
 Горячей солдатской кровью.

При пушечной пальбѣ совершенно благодарственное молебствіе за дарованную великую побѣду. Государь объѣхалъ полки, благодарилъ всѣхъ за мужество, за храбрость, за понесенные труды. Усталые, измученные упорнымъ боемъ, разошлись всѣ объѣдать. Государь угощалъ въ своемъ шатрѣ русскихъ генераловъ; на великихъ радостяхъ позвали и плѣнныхъ Шведовъ высокихъ чиновъ. Государь ласкалъ фельдмаршала Реншельда, выхвалялъ его храбрость; подарилъ ему свою шпагу. Весело пировали со своимъ Государемъ царскіе слуги и помощники; гремѣла пушечная пальба, вино лилось, возглашались разныя здравицы; поднявъ стаканъ, Петръ провозгласилъ здоровье Шведовъ, научившихъ Русскихъ военному дѣлу.

На другой день совершенно торжественное погребеніе павшихъ въ бою. Государь самъ пѣлъ съ клиросомъ, почтилъ ихъ прощальнымъ словомъ, положилъ три земные поклона и первый началъ засыпать могилу землей. На могильномъ курганѣ онъ своими руками водрузилъ крестъ съ надписью: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога-Слова 1709, іюня 27 дня». Убитыхъ Шведовъ погребло шведское духовенство въ особой могилѣ, выкопали ее плѣнные. Послѣ погребенія Петръ

поѣхалъ въ Полтаву; храбрые защитники городскіе съ радостными слезами встрѣтили Царя-избавителя.

Государь всѣмъ пожаловалъ награды: солдатамъ серебряныя медали и деньги, офицерамъ золотыя медали, Шереметеву богатыя деревни, Меншикову чинъ фельдмаршала. Никто не былъ обдѣленъ царской милостью. Въ свою очередь, войско просило Государя принять чинъ сухопутнаго генераль-лейтенанта и морского шаубенахта (контръ-адмирала), на что Государь соизволилъ.

Разбитое шведское войско бѣжало по берегу рѣки Ворсклы къ Днѣпру. Въ погоню за нимъ Государь послалъ регулярныя войска только вечеромъ въ день боя, а на утро отправилъ туда же Меншикова. Передъ разсвѣтомъ 29 іюня Шведы добѣжали до Санджарова; измученнаго короля внесли въ избу и перевязали его раненую ногу; онъ заснулъ глубокимъ сномъ. Когда совсѣмъ разсвѣло, показались вдали казаки, Карла разбудили. «Русскіе подходятъ, сказали ему: не прикажете ли, ваше величество, итти дальше?»—«Дѣлайте что хотите», отвѣчалъ король, убитый горемъ. Выпрыгнули телѣги и зажгли ихъ, на лошадей посадили пѣхотныхъ солдатъ и побѣжали дальше. Іюня 30, послѣ полудня, передъ глазами бѣглецовъ сверкнулъ Днѣпръ; пришли къ Переволочнѣ, но вмѣсто городка торчали однѣ развалины и нигдѣ кругомъ не видно было ни души: всѣ разбѣжались. Нельзя было и думать переправить всю армію: подъ руками ничего не было для переправы, да и солдаты никуда не годились отъ унынія и усталости. Генералы уговорили Карла оставить войско, съ малымъ отрядомъ пере-

браться за Днѣпръ и продолжать путь. Отыскали гдѣ-то двѣ лодки, связали вмѣстѣ, поставили на нихъ королевскую повозку и такимъ способомъ поздно ночью перевезли короля на другой берегъ. Добыли кое-какъ лодку и для Мазепы; остальные, что должны были идти съ королемъ, перебрались черезъ рѣку кто какъ могъ; пособили имъ мастера дѣла — запорожцы, но потонуло все-таки много.

Все войско, что осталось на лѣвомъ берегу, поступило подъ начальство генерала Левенгаупта. На разсвѣтѣ сталъ онъ собирать и устраивать свою армию, но ничего не могъ сдѣлать. Половина людей собралась подъ знамена по давней привычкѣ, но смотрѣли тупо, уныло или съ отчаяніемъ. Остальные не пошли, будто не слышали приказа; одни лежали въ какомъ-то забытьѣ, другіе стояли какъ истуканы и глядѣли безсмысленно, точно не понимали, что кругомъ происходитъ. Когда разсвѣло совсѣмъ, на окрестныхъ холмахъ показались русскія войска, загрохотали барабаны, заиграли трубы. Левенгаупту нечего было и думать драться, да и пороху не было. Онъ сдался 9.000-ному отряду Меншикова со всѣмъ остаткомъ шведской армии въ 14.000 человекъ.

Съ королемъ ушло за Днѣпръ только 1.000 человекъ, кромѣ 1.000-же Мазепиныхъ запорожцевъ. Отрядъ этотъ пошелъ степью къ турецкому рубежу, но на рѣкѣ Бугѣ былъ настигнутъ погоней и изрубленъ, либо забранъ въ плѣнъ. Однако Карлъ съ Мазепой и немногими близкими людьми успѣли уйти, раньше другихъ перебравшись за Бугъ.

Во всѣ концы Россіи полетѣли извѣстія о вели-

кой небывалой побѣдѣ и загрании всей непріятельской арміи. Въ Москвѣ царевичъ Алексѣй Петровичъ задалъ богатый пиръ для знатныхъ русскихъ и иноземцевъ; царица Наталья Алексѣевна и многіе вельможи угощали у себя нѣсколько дней сряду; вечеромъ по улицамъ горѣли потѣшные огни; передъ домами стояли накрытые столы; противъ хоромъ коменданта Гагарина выставлены были для народа и шведскихъ плѣнниковъ разныя кушанья и бочки съ виномъ, водкой, медомъ и пивомъ. Восемь дней сряду гудѣли въ Москвѣ пушечные выстрѣлы и колокольный звонъ; звонить пустили женщинъ, какъ на Святой недѣлѣ. Велика была радость, а еще больше она выросла, когда Государь указалъ облегчить тягость народную, сложивъ недоимки за многіе годы.

По пословицѣ — куй желѣзо пока горячо, Петръ воспѣвши довершить свою полтавскую побѣду: въ половинѣ іюля послалъ онъ Меншикова выгонять Станислава Лещинскаго изъ Польши, а Шереметева отпустилъ осаждать Ригу. Самъ Государь тоже поѣхалъ въ Польшу; Августъ встрѣтилъ его любовно, пышно угощалъ и заключилъ съ нимъ противъ Швеціи новый договоръ; сторонники Лещинскаго спѣшили примириться съ Августомъ; шведскій генералъ Крассовъ изъ Польши ушелъ, за нимъ бѣжалъ и Лещинскій. Пруссійскій король (онъ же Бранденбургскій курфюрстъ) поздравлялъ Петра съ побѣдой, желалъ съ нимъ свидѣться, чтобы заключить оборонительный договоръ; явился посланникъ отъ Датскаго короля, была присылка и отъ Французскаго. Петръ заключилъ договоръ съ Августомъ, съ королемъ Прусскимъ; попрежнему

въ союзъ съ Россіей вошла и Данія, какъ ни уговаривали ее Англія и Голландія не разрывать со Швеціей. Обдѣлавъ эти дѣла, Петръ поѣхалъ на короткое время въ свой любимый Петербургъ, за который теперь можно было уже не опасаться: полтавская побѣда закрѣпила его за Русскимъ государствомъ надежно. А потомъ увидѣла своего Государя и Москва: 21 декабря 1709 года былъ великій торжественный въѣздъ, черезъ 7 триумфальныхъ вѣртъ, со шведскими плѣнными, пушками, знаменами.

IX. Прутская невзгода.

До полтавской побѣды Петръ Великій не могъ много заниматься внутреннимъ государственнымъ устройствомъ; почти все время его уходило на войско и флотъ, на войну со Шведами, на усмиреніе бунтовъ и мятежей. Послѣ Полтавы стало немного подосужнѣе, и съ этой поры Государь уже больше прежняго удѣлялъ времени и заботъ на дѣла мирныя.

Въ 4 или 5 лѣтъ до и послѣ полтавской баталіи сдѣлано не мало. Первой заботой Петра по прежнему оставалась прибыль казны, потому что денегъ на всѣ неотложныя нужды требовалось очень много. Бывшаго дворецкаго, Курбатова, по мысли котораго введена гербовая бумага, Государь еще прежде сдѣлалъ своимъ *прибыльщикомъ*, т. е. далъ ему службу вездѣ выискивать выгоду казнѣ, приумножать доходъ, смотрѣть,

чтобы не было воровства и лихоимства. Много пришлось поработать за этимъ дѣломъ: сборы не доходили до казны, установленные Государемъ выборные бурмистры обирали маломочныхъ и бѣдныхъ людей всякимъ лукавствомъ и неправдой. Государь давалъ новые указы и съ виноватыхъ взыскивалъ нещадно, но выборнаго и соборнаго управленія не отмѣнилъ, потому что нужно оно было Русскимъ людямъ какъ наука — дѣлать дѣла сообща, какъ школа — выучиваться самимъ вѣдать своими дѣлами. Пришлось выдумывать новые налоги: велѣно съ извозчиковъ брать десятую долю наемной платы, наложена пошлина на бороды, дубовые гробы приказано продавать только отъ казны, по высокой цѣнѣ, и многое другое. Но взамѣнъ того сбавлены нѣкоторые прежніе налоги, которые для народа были особенно тяжки: съ бань, съ постоялыхъ дворовъ, съ льняной торговли.

Въ Москвѣ по указу Государеву устраивались богадѣльни; на доходы монастырскіе построены госпиталь, такъ какъ помирало въ Москвѣ народа непомерно: въ 1703 году родилось меньше чѣмъ умерло на 2.000 человекъ. Въ госпиталѣ этомъ было вылѣчено больныхъ больше 1.000 человекъ; при немъ же устроена и врачебная школа; лѣкарскому дѣлу учились хорошо. До Петра на Руси не было гражданской грамоты, а только славянская, церковная. Для мірскихъ наукъ и житейскихъ знаній Петръ завелъ грамоту гражданскую; выписалъ изъ Голландіи печатниковъ и изготовленную тамъ азбуку русскихъ буквъ, которыми и стали печатать книги съ 1708 года. Новыя буквы были уродливы и неуклюжи; Петръ взялся за это дѣло самъ,

исправлялъ, передѣлывалъ; самъ правилъ книги, которыя переводились съ иностранныхъ языковъ на русскую рѣчь, и училъ, какъ надо переводить, чтобы книга выходила вразумительной каждому.

Чтобы народъ больше почиталъ духовенство, въ 1708 году изданъ указъ — поповымъ и діаконовымъ дѣтямъ учиться въ школахъ, а которые учиться не захотятъ, тѣхъ въ попы и діаконы не посвящать и никуда не принимать, кромѣ служилаго чина. Прежде Государь опредѣлилъ изъ монастырскихъ доходовъ давать монахамъ въ годъ по 10 рублей и 10 четвертей хлѣба; увидѣвъ, что такая дача слишкомъ велика, онъ указалъ давать вдвое меньше; малымъ же монастырямъ съ небольшими доходами велѣлъ вѣдать свои вотчины по прежнему. Остатки изъ монастырскаго приказа шли на богадѣльни, госпиталь, на печатаніе книгъ. Архіереи были очень недовольны новыми порядками, одинъ грозился даже церкви затворить и архіерейство покинуть; да и въ самомъ дѣлѣ, вѣдавшій монастырскимъ приказомъ Мусинъ-Пушкинъ иногда не въ мѣру усердствовалъ, такъ что обижалъ даже безсребренника, св. Дмитрія Ростовскаго. Жаловались и простые священники на небывалые поборы и тягости.

Въ 1708 году Великая Россія раздѣлена на 8 губерній; позже число губерній еще увеличено. Надъ каждой губерніей поставленъ губернаторъ. Губернаторамъ преподаны ихъ обязанности и указано, что главное дѣло — доставлять въ Москву доходы сполна. Два года спустя, Петръ въ первый разъ велѣлъ сличить по государству приходъ съ расходомъ; оказалось, что

денегъ издерживается больше, чѣмъ получается. Значить надо было завести больше порядка въ управленіи, не полагаясь на однихъ губернаторовъ, ибо иначе государственные доходы, проходя чрезъ руки людей нечестныхъ, будутъ поступать въ казну всегда съ ущербомъ. Для этого Петръ учредилъ въ 1711 году высшее правительственное мѣсто—*сенатъ*.

До того времени состояла при Московскомъ государѣ *боярская дума*, въ которой засѣдали высшіе чины—бояре, окольнічьи и думные дворяне. Но дума эта была не больше какъ совѣтъ, куда Государь передавалъ на разсмотрѣніе дѣла по своему выбору, а затѣмъ рѣшалъ ихъ самъ. Петръ измѣнилъ самую суть дѣла, учредивъ вмѣсто думы сенатъ и сдѣлавъ его высшимъ правительствомъ, законодательнымъ мѣстомъ и верховнымъ судомъ. Повелѣно — всѣмъ быть послушными сенату, какъ самому Государю; указано ему вѣдать суды, заботиться о торговлѣ и промыслахъ, надзирать за всѣми мѣстами управленія, смотрѣть за расходами, наблюдать за исправнымъ поступленіемъ доходовъ. Государь составилъ сенатъ изъ 6 сановниковъ, которые должны были всѣ подписывать каждый указъ, а коли кто не подпишетъ за несправедливостью, то и приговоръ не имѣетъ силы. Вмѣстѣ съ сенатомъ Государь завелъ особыхъ надсмотрщиковъ, *фискаловъ*, которые должны были тайно надзирать за правосудіемъ, наблюдать за цѣлостью казенныхъ сборовъ, провѣдывать про несправедливыхъ начальниковъ и обо всякомъ беззаконіи доносить.

Но едва Государь принялся за внутреннія дѣла и государственное устройство, какъ появилась новая по-

мѣха, народилась новая оттяжка. Вначалѣ, послѣ полтавской побѣды, все шло хорошо: многіе города шведскіе перешли въ русскія руки, со взятіемъ Выборга нечего ужъ было бояться за Петербургъ, и Государь собирался на слѣдующій годъ итти съ флотомъ въ коренную Шведскую землю, чтобы добиться наконецъ мира. Въ это время Турція вдругъ объявила Россіи войну.

Русскій Царь не подавалъ никакого повода разрывать миръ, дѣло это устроилъ Шведскій король. Изъ подъ Полтавы онъ убѣжалъ въ Турцію, остался тамъ и всякими посулами и соблазнами сманивалъ Турокъ на новую войну съ Россіей. Больше года ему это не удавалось, но наконецъ съ пособіемъ французскаго посла удалось, и Петру пришлось воевать съ Турками противъ своей воли.

Въ мартъ 1711 года онъ выѣхалъ изъ Москвы къ арміи, вмѣстѣ съ новой Царицей, Екатериной Алексѣвной. Екатерина была дочь простаго лифляндскаго обывателя Скавронскаго, проживала въ Маріенбургѣ, у лютеранскаго пастора Глюка, и когда городъ былъ взятъ Русскими въ 1702 году, то вмѣстѣ съ пасторомъ попала въ плѣнъ. Петръ увидѣлъ ее въ домѣ Меншикова, она ему приглянулась, онъ взялъ ее къ себѣ и потомъ сдѣлалъ своей супругой и Царицей. Въ 1703 году Екатерина приняла православную вѣру и мало-по-малу забыла совсѣмъ свой родной нѣмецкій языкъ.

Царь съ Царицей поѣхали черезъ Польшу. Государь былъ печаленъ и скоро сильно занемогъ, такъ что въ животѣ отчаялся, однако перенесъ болѣзнь и

поправился. Потомъ пошли праздники; знатные Поляки задавали пиры и чествовали Екатерину Алексѣевну, какъ Царицу. Отправляясь къ войску, Петръ хотѣлъ было оставить Екатерину въ Польшѣ, но она выпросилась ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Чтобы отвести военныя бѣдствія отъ своихъ земель, Петръ рѣшилъ идти съ войскомъ навстрѣчу Туркамъ въ Турецкую землю, тѣмъ паче, что подручники Турецкаго султана, господа Молдавскій и Валахскій, обѣщали пособлять ему своимъ войскомъ и наготовить кормовъ.

Изъ-за горъ было, горъ высокиихъ,
 Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
 Не бѣла заря занималася.
 Не красно солнце выкаталося,
 Выходила тутъ наша армія,
 Наша армія Государева,
 Государя Царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго, Петра Перваго.

Разсчетъ однако не сбылся: Валахскій государь Бранкованъ измѣнилъ и присталъ къ Туркамъ, а Молдавскій, Кантемиръ, кормовъ не заготовилъ, ибо весь край опустошила саранча. Петръ послалъ генерала Рейне съ отрядомъ добывать провіантъ подъ Браиловымъ. Скоро дѣла запутались еще больше: Турки переправились черезъ рѣку Прутъ и загородили Русскимъ войскамъ путь. Въ русской арміи не насчитывалось и 40.000 человекъ, она была истомлена труднымъ походомъ по знойнымъ степямъ и безкормицей, а Турокъ, вмѣстѣ съ Татарами, собралось безъ малаго 200.000. Ночью Государь собралъ военный совѣтъ, военный совѣтъ положилъ — отходить назадъ, вверхъ

по Пруту. На другой день, 9 июня 1711 года, со свѣтомъ, войско двинулось въ путь; Турки погнались по слѣдамъ и стали жестоко насѣдять, такъ что Русскимъ приходилось поминутно останавливаться и давать отпоръ. Въ 6 часовъ времени пройдено всего 7 верстъ, люди и лошади еле двигались отъ зноя и жажды; видя это, Государь приказалъ войску остановиться и разбить на берегу станъ. Скоро появились Турки и напали яростно. Бой длился часа три, Государь разъѣзжалъ по войскамъ подъ пулями и ободрялъ солдатъ. Какъ каменная стѣна стояли русскіе полки и отбивали всѣ нападенія; вечеромъ Турки побѣжали въ безпорядкѣ; у нихъ было перебито и переранено 7.000 человекъ, у Русскихъ 1.500.

Всю ночь Турки палили по русскому стану изъ пушекъ, обхвативъ его со всѣхъ сторонъ, какъ кольцомъ, и спѣшно насыпая окопы. Русскіе совсѣмъ обезсилѣли отъ похода, боя и голода; въ конницѣ почти не оставалось лошадей, такова была безгормица. Петръ рѣшился войти съ турецкимъ главнымъ начальникомъ, визиремъ Балтаджи Магометомъ, въ переговоры о мирѣ; чтобы добыть миръ, положено поступиться многимъ, даже русскими землями, но только не Петербургомъ и не Ингріей; если же Турки заупрямятся и захотятъ мириться на всей своей волѣ, то пробиваться сквозь турецкое войско силой.

Послали 10 іюля вечеромъ трубача съ письмомъ къ визирю отъ фельдмаршала Шереметева; въ письмѣ значилось, что Государь готовъ итти на миръ, но только требуется отвѣтъ скорый. Наступила ночь, отписки отъ визиря не было. Государь приказалъ ста-

вить повозки обоза плотно одну къ другой, чтобы, въ случаѣ новой битвы, турецкая конница не могла пробиться въ русскій станъ. А турецкія пушки грохотали неумолчно, ядра сыпались въ русскій лагерь, бороздили его вдоль и поперекъ, били людей; на той сторонѣ Прута стояла татарская орда и тоже была изъ пушекъ, не подпуская Русскихъ къ водѣ. Такъ прошла ночь, стало свѣтать. Послали къ визирю другое письмо; въ письмѣ значилось, что Шереметевъ будетъ ждать отвѣта лишь нѣскольго часовъ. Прождали и эти нѣскольго часовъ, отвѣта все не было.

Петръ проводилъ на Прутѣ тяжелые часы; мало кому выпадала на долю такая душевная мука, какую ему пришлось выносить; но въ такое время и познаются великіе люди, избранники Божіи. Петръ написалъ въ сенатъ письмо, что ему, Государю, грозитъ совершенное отъ Турокъ пораженіе, а можетъ статья и плѣвъ. «Если случится послѣднее», писалъ Петръ: «то вы не должны меня почитать своимъ Государемъ и ничего не исполнять, что мною хотя бы то собственноручнымъ повелѣніемъ будетъ требуемо, пока мѣсть я самъ не явлюся между вами. Если же я погибну, то выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники». Этимъ письмомъ Государь очистилъ свою совѣсть, облегчилъ свою душу отъ гнетущаго бремени и сталъ готовить войско къ послѣдней отчаянной битвѣ впереди лагеря. Въ это время пришло отъ визиря письмо, что онъ отъ добраго мира не отрицается. Войско, изготовленное къ битвѣ, опять ввели въ лагерь и послали къ визирю для переговоровъ подканцлера Шафировъ, дозволивъ посулить ви-

зирю подароць въ 150.000 руб. да больше половины такой суммы пообѣщать другимъ высшимъ начальникамъ. Иностранные историки записали, будто Екатерина Алексѣевна предложила при этомъ отдать визирю всѣ свои дорогія вещи и деньги.

Визирь согласился начать мирные переговоры потому, что какъ ни худо приходилось Петру, но и ему, визирю, было не легко. Наканунѣ, 10 числа, когда онъ хотѣлъ снова ударить на русскую армію, янычары отказались идти въ бой, боясь вчерашней неудачи, и кричали, что султанъ хочетъ мира, а визирь идетъ противъ его воли. Визирь ужъ испыталъ, какъ крѣпко бьются Русскіе, и зналъ, что они готовятся къ новому бою на-смерть, про бѣдствія же русскаго войска всю правду вѣдать не могъ. Къ тому же русскій генералъ Ренне былъ подъ Браиловымъ и могъ отрѣзать подвозъ къ Туркамъ всякихъ припасовъ и кормовъ. Все это побуждало визиря желать мира, и такое его желаніе было многимъ извѣстно, ибо еще 10 числа говорили объ этомъ плѣнные Турки.

Шафировъ вернулся въ русскій лагерь въ тотъ же день. Турки требовали отдать Азовъ, новопостроенные города на Азовскомъ морѣ срыть, въ польскія дѣла не вступаться, короля Шведскаго пропустить въ его землю. Петръ I, отправляя Шафирова въ турецкій лагерь, далъ ему полную мочь уступить Туркамъ гораздо больше; стало быть на турецкое требованіе слѣдовало согласиться, не раздумывая ни минуты. Царь такъ и сдѣлалъ; онъ сейчасъ же послалъ Шафирова назадъ къ Туркамъ—написать и подписать договоръ. На другой день, 12 іюля, дѣло было окончено.

По первой вѣсти о переговорахъ между Турками и Русскими, Карлъ XII вскочилъ на коня и изъ-подъ Бендеръ прискакалъ къ визирю, чтобы помѣшать миру. Шведскій король сердился, грозилъ визирю султанскимъ гнѣвомъ, упрасивалъ его порвать договоръ, брался разбить Московскаго Царя на голову; но визирь упорно стоялъ на своемъ и короля не слушался. Визирь, конечно, поступилъ не ладно, выпустивъ изъ своихъ рукъ Петра со всѣмъ его войскомъ за такую дешевую цѣну. Одинъ иноземецъ, служившій тогда въ русской арміи, сказалъ: «если бы 12 числа утромъ ктонибудь сказалъ, что миръ будетъ заключенъ на такихъ условіяхъ, какъ удалось къ концу дня, то всякій назвалъ бы такого болтуна сумасшедшимъ». Когда трубачъ отправился 10 числа къ визирю съ первымъ письмомъ, фельдмаршалъ Шереметевъ сказалъ: «тотъ, кто посовѣтовалъ это Государю, долженъ считаться самымъ большимъ дуракомъ въ свѣтѣ, а если визирь согласится мириться, то смысла у него еще меньше». Но визирь поступилъ такъ совсѣмъ не по глупости; онъ какъ будто держался русской поговорки—лучше синица въ рукахъ, чѣмъ орелъ въ облакахъ, да и польстился на посуленный ему подарокъ. Однако, обѣщанныхъ денегъ получить ему не удалось. Государь сдержалъ слово, послалъ деньги ночью въ турецкій лагерь, но визирь не взялъ, опасаясь Крымскаго хана, который у него въ обозѣ тогда ночевалъ. А въ другой разъ онъ побоялся взять деньги потому, что Шведскій король донесъ на него султану.

Юля 14 русское войско выступило изъ-подъ Прута въ обратный путь. Русскіе были рады, что избави-

лись отъ страшной бѣды; радовались и Турки, собираясь уходить домой поздорову. Нерадостно было только Петру I; его грызла тоска и сонъ пропалъ совсѣмъ. Тяжкіе труды, которые Петръ и вся Россія несли на себѣ пятнадцать лѣтъ, пропали даромъ: Азовское море, флотъ, крѣпости — все унесъ прутскій миръ. Только одно утѣшеніе оставалось Государю въ его великомъ горѣ: потерявъ одно, онъ выигрывалъ на другомъ, ибо еслибъ война съ Турками затянулась, то Шведы успѣли бы опомниться и собраться съ силами.

Прежде всего нужно было позаботиться, чтобы Карлъ не могъ больше мутить въ Турціи, отводя отъ Швеціи войну. Поэтому Петръ приказалъ не отдавать Туркамъ Азовъ, пока султанъ не вышлетъ Карла изъ Турціи, и не выводитъ русскихъ войскъ изъ Польши. Изъ-за этого чуть-было опять не загорѣлась война: Шафировъ изъ кожи лѣзъ, улаживая дѣла: подкупалъ, засылалъ, то грозился, то прибѣгалъ къ ласкѣ. Шафирову помогъ самъ Карлъ, ибо изъ-за его упрямства и высокомѣрія пошли у него съ султаномъ нелады. Въ 1713 году султанъ рѣшилъ — не разрывать съ Россіей мира и велѣлъ Крымскому хану проводить съ татарами Карла въ Швецію, черезъ Польшу. Въ то время Карлъ проживалъ въ дер. Варницѣ, съ почетной стражей въ 500 янычаръ, залѣчилъ свою рану, былъ спокоенъ и веселъ. Получивъ султанскій приказъ, онъ наотрѣзъ отказался ѣхать. Пришелъ второй приказъ, потомъ третій: Карлъ не слушался. Сначала Крымскій ханъ былъ съ нимъ заодно, но послѣ третьяго приказа испугался султанскаго гнѣва и сталъ вмѣстѣ съ Бендерскимъ пашей грубо принуждать короля

къ отъѣзду. Карлъ отказалъ гордо и надменно, а когда султанскій конюшій пригрозилъ ему отсѣченіемъ головы, то Шведскій король вынулъ шпагу и сказалъ, что будетъ биться, а султанскаго указа не послушаетъ. Тогда Турки отняли у него кормъ, пожгли припасы и окружили его войскомъ. Карлъ окопался около своего двора, изготовился къ бою, велѣлъ перерѣзать лишнихъ лошадей и наготовить изъ лошадинаго мяса солонины. Видя, что храбрый и сумасбродный Карлъ готовъ на все, послали къ султану за новымъ указомъ. Султанъ велѣлъ взять Карла силой. Турки и Татары пошли на шведскій окопъ, Карлъ началъ бить по нимъ изъ своихъ двухъ пушекъ и мелкаго ружья и побилъ немало. Турки привезли изъ Бендеръ нѣсколько пушекъ и разметали шведскій окопъ. Карлъ засѣлъ въ своихъ хоромахъ и сталъ отстрѣливаться изъ оконъ. Турки зажгли хоромы. Спасаясь отъ пламени и дыма, Шведскій король сталъ перебираться въ другія хоромы, но на дорогѣ былъ настигнуть янычарами и вступилъ съ ними въ рукопашный бой. У него отсѣкли четыре пальца, край уха и кончикъ носа, забрали его въ плѣнъ и засадили въ бендерскую тюрьму.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, миръ между Россіей и Турціей былъ закрѣпленъ. Петръ могъ всѣ силы свои собрать противъ одной Швеціи и загладить нрутскую неудачу.

Х. Въ чужихъ земляхъ.

Государь былъ крѣпкаго сложенія и не старъ, но уже давно стали посѣщать его недуги и съ каждымъ годомъ становились упорнѣе и злѣе. Для Петра жить значило работать, работать значило жить, а для работы нужно здоровье. Онъ долго крѣпился, но прутская невзгода доканала его и принудила позаботиться о здоровьѣ. Государь рѣшилъ—ѣхать въ чужія земли лѣчиться, тѣмъ паче, что и другія дѣла туда его звали: война со Швеціей велась лѣниво, союзники тянули каждый въ свою сторону и общее ихъ дѣло не ладилось, какъ ни старались посланники Петра при чужеземныхъ государяхъ.

Проѣхавъ съ остановками черезъ Польшу и Саксонію, Петръ прибылъ въ городъ Карлсбадъ, знаменитый своими цѣлебными источниками, и съ 15 сентября 1711 года сталъ пить воду. Лѣченье продолжалось недолго: уже 3 октября онъ изъ Карлсбада выѣхалъ, побывалъ въ разныхъ мѣстахъ и отпраздновалъ свадьбу своего сына Алексѣя Петровича съ принцессой Вольфенбютельской. Повидавшись потомъ съ Прусскимъ королемъ и датскими министрами, онъ вернулся въ Россію, но такъ какъ у союзниковъ дѣло все-таки не спорилось, то поѣхалъ туда снова, отъ огорченія и досады занемогъ и весь октябрь 1712 года пролѣчился опять въ Карлсбадѣ. Послѣ лѣченья онъ пустился въ разъѣзды для переговоровъ съ союзниками; толку добился, однако, немного. Датскій король не хотѣлъ выждать нѣсколько часовъ, пока придетъ

русская подмога, напалъ на Шведовъ и былъ сильно ими побить. Петръ пошелъ за Шведами слѣдомъ, разбилъ ихъ и прогналъ изъ города Фридрихштадта, а потомъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы хоть тамъ нанести врагу сильный ударъ, который не давался союзникамъ. И морской, и сухопутный походъ въ Финляндію были удачны, такъ что большая доля этой страны осталась въ рукахъ Русскихъ; а въ слѣдующемъ 1714 году Петру посчастливилось одержать надъ Шведами знатную морскую побѣду при мысѣ Гангеудѣ и забрать въ плѣнъ шведскаго адмирала, больше 600 нижнихъ чиновъ, фрегатъ и 10 галеръ. За эту побѣду Государю сказанъ былъ въ сенатѣ чинъ вице-адмирала.

Тѣмъ временемъ вернулся къ своимъ войскамъ Карлъ; верхомъ, подъ чужимъ именемъ, съ двумя проводниками проѣхалъ онъ черезъ многія земли. Отъ пріѣзда короля, впрочемъ, счастье не повернулось къ Шведамъ, и война по прежнему тянулась вяло и лѣнливо. Чтобы скорѣе добиться мира, Петръ рѣшилъ высадить войско на шведскіе берега. Надо было для этого войти въ переговоры съ королемъ Датскимъ, требовалось устроить и другія дѣла; нужно было Государю также полѣчиться, потому что недуги его не проходили. Все это заставило Петра ѣхать опять въ чужіе края и, не откладывая въ долгій ящикъ, онъ въ концѣ января 1716 года выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ Царицей.

Остановливаясь по дѣламъ въ разныхъ городахъ, Государь прибылъ въ гор. Данцигъ и прожил тамъ долго. Онъ повидался тутъ съ Польскимъ королемъ

и через посланника своего, Долгорукова, переговаривался съ Даніей насчетъ высадки въ Швецію. Такъ какъ дѣло не клеилось, то въ маѣ поѣхалъ онъ дальше, видѣлся съ Прусскимъ королемъ; потомъ съ Датскимъ, и уговорившись наконецъ насчетъ высадки, отправился въ Пирмонтъ лѣчиться тамошними цѣлебными водами. Здѣсь онъ проводилъ время весело, но не забывалъ и дѣла; бесѣдовалъ съ архитекторомъ Леблономъ, который ѣхалъ въ Петербургъ; сюда же вызвалъ знаменитаго европейскаго ученаго Лейбница, котораго еще въ 1711 году принялъ на службу. Лейбницъ писалъ и говорилъ, что наука и жизнь человѣческая должны итти вмѣстѣ рука объ руку, а не врозь, что все добытое наукой слѣдуетъ сейчасъ же приспособлять къ жизни. Въ тогдашнее время, когда Россія только начинала входить въ семью европейскихъ государствъ, Лейбницъ уже указывалъ, что на долю Россіи выпали два великія дѣла — выгнать Турокъ изъ Европы и просвѣтить наукой дальнія восточныя страны. И въ Пирмонтѣ, и въ Карлсбадѣ онъ давалъ Петру и его близкимъ людямъ совѣты о введеніи наукъ въ Россіи; указывалъ, что школы можно заводить при монастыряхъ; вызывался устроить въ Россіи академію или ученую коллегію, которая бы вѣдала всей учебной частью. Но близкіе къ Государю люди были къ совѣтамъ Лейбница равнодушны, а самъ Петръ, хоть и понималъ великую въ его рѣчахъ правду, но считалъ невозможнымъ приниматься за всѣ эти дѣла прежде конца войны. Несмотря на то, что Московскій Царь съ нимъ не сходилъ во многихъ мысляхъ, Лейбницъ былъ пораженъ его необъят-

нымъ умомъ и отзывался о немъ всегда съ благоговѣніемъ.

Полѣчившись въ Пирмонтѣ, Петръ поѣхалъ въ Копенгагенъ, столицу Даніи, готовить давно желанную высадку въ Швецію. Тамъ его приняли съ большимъ почетомъ, но дѣло все-таки волочили. Петръ писалъ Екатеринѣ, что болтается въ Копенгагенѣ втуне, потому что союзники — что молодые лошади въ каретѣ, всё врозь и свезти не могутъ. Чтобы не пропало время даромъ, Петръ ходилъ въ море осматривать шведскіе берега; берега были укрѣплены сильно, Шведы стрѣляли по кораблямъ и попали въ корабль Петра. Пока Датчане готовились, наступилъ сентябрь, а тогда уже самъ Петръ не согласился на высадку: время было осеннее, кормовъ не запасено, непріятель держался наготовѣ. Какъ ни уговаривали Датчане, Петръ отложилъ дѣло до будущаго года.

Изъ Даніи Государь отправился въ Голландію, туда же поѣхала и Государыня, но другимъ путемъ. Петръ только временами ѣздилъ вмѣстѣ съ Екатериной, а больше порознь; поѣздъ Царя всегда бывалъ невеликъ и простъ, а Царицы большой и богатый. Въ Голландію Петръ пріѣхалъ раньше, чѣмъ его ждали; всё, которые назначены были встрѣчать Государя, не успѣли къ своимъ мѣстамъ во-время; даже русскій посланникъ опоздалъ. И въ Амстердамъ Государь пріѣхалъ неожиданно, вечеромъ; только на другое утро явились къ нему власти. Петра тутъ встрѣтили радушно, задавали ему пиры, устраивали прогулки по водѣ, показывали все стоящее вниманія. Онъ принялся обходить старыхъ пріятелей и знакомыхъ, и прежде

всего навѣстилъ бывшаго бургомистра Витсена, который за старостью и дряхлостью уже не выходилъ изъ дома. Повидался Государь также съ анатомомъ Рюйшемъ; обходя мастерскія, ласково кланялся работникамъ, которые привѣтствовали его словами: «все ли вы въ добромъ здоровьѣ, мастеръ Петръ?» Разъ окликнула его одна женщина. «Развѣ вы меня знаете?» спросилъ ее Петръ. «Какъ не знать», отвѣчала женщина: «вѣдь 19 лѣтъ назадъ вы у насъ обѣдывали частенько, я жена мастера Поля». Петръ бросился ее обнимать и потомъ пошелъ, по старой памяти, къ Полю обѣдать. Встрѣтивъ стараго знакомаго, плотника Питера Эйпа изъ Сардама, Петръ проговорилъ съ нимъ больше трехъ часовъ; побесѣдовалъ онъ и съ Томасомъ Іозіасомъ, сыномъ бѣдной женщины, которая 19 лѣтъ назадъ торговала можжевелевой водкой, и вообще никого изъ знакомыхъ не обошелъ своей лаской.

Собираясь съѣздить въ Сардамъ, Государь сильно занемогъ, болѣлъ больше мѣсяца и въ постели переговаривался съ послами иноземныхъ государей. Къ этому горю прибавились и другія: на Государя взвели напраслину во враждебныхъ будто бы замыслахъ противъ Англїи, такъ что Англійскій король съ нимъ разсорился; отъ трудной дороги и перепуга Государыня разрѣшилась преждевременно, и новорожденный черезъ сутки умеръ. Екатерина, однако, скоро поправилась, прїѣхала въ Амстердамъ и, вмѣстѣ съ Петромъ, почти весь февраль 1717 года осматривала разныя достопримѣчательности. Послѣ того Петръ собрался въ Сардамъ, вмѣстѣ съ Царицей пошелъ онъ къ Герриту Кисту показать свой домикъ, но не засталъ Киста дома и самъ сходилъ

за нимъ на кузницу. За Петромъ всюду валили толпы народа, многіе пріѣзжали изъ сосѣднихъ деревень поглазѣть на Царя-плотника, и Государь уже не скрывался отъ нихъ. Царица была одѣта богато, на ней блестяло множество драгоценныхъ камней; Государь же, какъ и всегда, былъ въ простомъ суконномъ кафтанѣ. Долгій и тяжкій недугъ оставилъ на немъ слѣдъ: въ лицѣ не было ни кровинки, и отъ этого еще чернѣе казались волосы и усы, еще суровѣе смотрѣли изъ-подъ бровей глаза.

Царь перебывалъ вмѣстѣ съ Царицей и во многихъ другихъ мѣстахъ Голландіи, все осматривалъ, замѣчалъ, спрашивалъ. Потомъ онъ собрался во Францію, которая доселѣ держалась шведской стороны; теперь же, по безсилію Швеціи и большимъ въ ней непорядкамъ, задумала вступить въ доброе согласіе съ Россіей и Пруссіей. Петръ не взялъ съ собой во Францію Государыню, чтобы отдѣлаться отъ пышныхъ встрѣчъ и придворныхъ церемоній. Съ нимъ поѣхали лишь ближніе люди, которые могли тамъ понадобится на дѣло, да нѣсколько прислуги и солдатъ.

Вѣхавъ во Францію, Государь переночевалъ въ первомъ городѣ, Булони, а во второмъ, Аббвилѣ, цѣлый день обходилъ суконныя фабрики и присматривался, какъ красятъ шерсть въ красный цвѣтъ. На пути въ столичный городъ Франціи, Парижъ, встрѣтилъ Петра маршалъ Тессе, которому велѣно было находиться при Государѣ. Рано утромъ Петръ выѣхалъ съ Тессе изъ Бомона въ королевскихъ каретахъ, его провожалъ для почета отрядъ гвардіи; въ 10 часу вечера царскій поѣздъ прибылъ въ Парижъ. Для Го-

сударя были приготовлены покои умершей королевы и въ столовой палатѣ накрытъ столъ на 60 человѣкъ. Царю очень не понравилось все это богатство и великолѣпіе; онъ спросилъ хлѣба и рѣдки, покушалъ, попробовалъ шесть сортовъ вина, выпилъ два стакана пива и пошелъ вонъ, приказавъ вести себя въ другое мѣсто, гдѣ попроче. Пріѣхали въ домъ одного знатнаго человѣка, на встрѣчу вышелъ слуга со свѣчкой. Петръ взялъ свѣчу, осмотрѣлъ спальню и снова остался недоволенъ парадною постелью, велѣлъ поставить въ комнату деньщика свою походную кровать и легъ тамъ спать. На другой день утромъ, въ 5 часу, Петръ былъ уже на ногахъ; къ нему стали пріѣзжать французскіе сановники, пріѣхалъ и *регентъ*, временной правитель государства, герцогъ Орлеанскій. Государь встрѣтилъ регента, поцѣловался съ нимъ и пошелъ въ кабинетъ; герцогъ за нимъ. Тутъ оба они сѣли, русскій посланникъ въ Парижѣ, князь Куракинъ, стоялъ около и переводилъ ихъ рѣчи. Бесѣдовали такъ полчаса, оба остались довольны другъ другомъ, особенно регентъ: его Петръ совсѣмъ заполнилъ своимъ великимъ умомъ. Послѣ этой бесѣды Петръ всталъ и вышелъ изъ кабинета, за нимъ регентъ, низко кланяясь; Петръ кивнулъ ему головой, и регентъ уѣхалъ.

Царю очень хотѣлось сейчасъ же поѣхать въ городъ и осмотрѣть въ немъ всякія диковинки, но онъ сдержалъ себя, просидѣлъ дома, дожидаясь, пока посѣтитъ его самъ король, какъ это требовалъ придворный обычай. Король пріѣхалъ черезъ два дня; ему было всего 7 лѣтъ отъ роду, оттого при немъ безотлучно находился дядька, герцогъ Вильруа. Петръ встрѣ-

тилъ короля у кареты, Вильруа сказалъ ему привѣтствіе отъ своего воспитанника, и оба Государя пошли рядомъ въ домъ. Тутъ они сидѣли четверть часа и бесѣдовали, переводилъ ихъ рѣчи князь Куракинъ. Затѣмъ Царь всталъ, взялъ маленькаго короля на руки, поцѣловалъ нѣсколько разъ и проводилъ его прежнимъ порядкомъ. На другой день Петръ поѣхалъ посѣтить короля въ сопровожденіи многихъ людей, въ богатыхъ королевскихъ каретахъ; по пути стояли войска, при проѣздѣ Государя били барабаны. Подъѣхавъ къ королевскому дворцу, Царь увидѣлъ, что маленькій король спѣшить къ нему на встрѣчу къ каретѣ; Петръ выскочилъ изъ кареты, подбѣжалъ къ королю, взялъ его на руки и внесъ по лѣстницѣ наверхъ.

Послѣ этихъ неизбѣжныхъ церемоній, Петръ былъ свободенъ и могъ проводить время по своему. Съ утра до вечера онъ разъѣзжалъ по городу и осматривалъ фабрики, заводы, собранія разныхъ рѣдкостей, сады, дворцы, монетный дворъ, королевскую бібліотеку, судебную палату, академію наукъ, инвалидный домъ, гдѣ проживали старые и увѣчные солдаты. Петръ обласкалъ стариковъ, называлъ ихъ товарищами, пробовалъ ихъ похлебку и хлѣбъ, пилъ за ихъ здоровье вино. Государь ѣздилъ также по городскимъ окрестностямъ, посѣщалъ знатныхъ особъ, былъ у регента, у короля, смотрѣлъ французскія войска, принималъ посланниковъ, бесѣдовалъ съ учеными людьми. Богословы подали ему бумагу о воссоединеніи Восточной и Западной церквей, Петръ отослалъ ее къ русскимъ архіереямъ. Много насмотрѣлся онъ тутъ новаго и рѣдкостнаго, но останавливался подолгу лишь на томъ,

что было полезно и нужно. На богатѣйшіе королевскіе брильянты онъ взглянулъ только мимоходомъ и пошелъ дальше.

Петръ поѣхалъ во Францію безъ Царицы, чтобы избавиться отъ докучныхъ церемоній, но отъ нихъ все-таки уйти не могъ, потому что ѣхалъ не подь чужимъ, а подь своимъ Государевымъ именемъ. Къ дому, въ которомъ онъ жилъ, былъ приставленъ почетный караулъ изъ 50 человекъ; 8 гвардейцевъ съ офицеромъ ѣздили за Государемъ всюду. Но Государь мало держался придворныхъ и церемонныхъ обычаевъ: ходилъ въ простомъ суконномъ платьѣ, обѣдалъ въ 11 часовъ, ужиналъ въ 8. Король прислалъ ему для развѣздовъ богатую карету въ 6 лошадей, Петръ просилъ оставить только 2 лошади. Когда толпа посѣтителей становилась ему докучной, онъ либо рукой, либо взглядомъ высылалъ всѣхъ вонъ, или просто уходилъ самъ. Если ему хотѣлось куда нибудь ѣхать, а карета не была еще готова, то онъ самъ садился въ первую, которая попадалась на глаза, и приказывалъ ѣхать, куда ему нужно. Такъ онъ разъ сѣлъ въ карету одной пріѣхавшей къ нему знатной дамы и приказалъ везти себя довольно далеко. Въ такихъ случаяхъ маршалу Тессе и гвардейцамъ приходилось бѣгать за Государемъ и отыскивать его Богъ знаетъ гдѣ.

Проживъ въ Парижѣ $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, Государь выѣхалъ въ Спа, мѣсяцъ лѣчился тамошними водами и вернулся къ Екатеринѣ въ Амстердамъ, гдѣ она все это время проживала въ большомъ почетѣ и подобающей чести. Голландцы сдѣлались еще привѣтливѣе и угодливѣе, давали праздники, устраивали морскіе при-

мѣрные бои. Голландское правительство думало закупить этимъ Царя, чтобы выпросить въ Россіи торговыя для Голландіи выгоды; но Петръ очень хорошо этотъ умыселъ понималъ и не поддался. Онъ не разъ въ прежнее время просилъ у Голландіи денегъ, но получалъ отказы; Голландцы норовили все, что можно, съ него взять, ничего не давая. Названные друзья Русскаго Государя скоро увидѣли, что онъ выскользнулъ изъ ихъ жадныхъ рукъ. Канцлеръ Головкинъ, подканцлеръ Шафировъ и посолъ князь Куракинъ вошли въ переговоры съ прусскимъ и французскимъ посланниками и заключили союзный между тремя государствами договоръ—охранять миръ и стараться о прекращеніи Сѣверной войны; а если на кого изъ нихъ будетъ учинено отъ врага нападеніе, то другіе должны ему помогать войскомъ или деньгами. Голландское правительство было очень озадачено, узнавъ про этотъ договоръ, но передѣлать его ужъ не могло.

Въ это же время положено начало другому, весьма важному, дѣлу: упрямый король Шведскій поддакъ уговорамъ и совѣтамъ новаго своего министра Герца, который внушалъ королю, что Швеція со всѣми своими врагами не справится, что надо помириться съ самымъ сильнымъ и опаснымъ непріателемъ, царемъ Петромъ, и тогда на свободѣ развѣдываться съ остальными. Карлъ XII согласился войти въ переговоры съ Русскимъ Царемъ, и довѣренныя его люди уже начали совѣщаться съ княземъ Куракинымъ — гдѣ и какъ сойтись уполномоченнымъ обѣихъ сторонъ. Петру это было очень по душѣ: война затянулась и мѣшала ему заниматься внутренними государственными дѣлами.

Съ Англіей были нелады; Данія не довѣряла Петру и отъ этого недовѣрія тянула и волочила общее дѣло; пріязнь Петра къ королю Польскому также охладѣла; ибо Государь убѣдился, что Августъ человекъ пустой и ненадежный. Союзъ, стало быть, еле держался; всю тягость долгой и упорной войны приходилось нести одной Россіи. У Петра оставался одинъ надежный союзникъ—король Прусскій. Нельзя было имъ не дорожить, и Царь, выславъ въ Берлинъ своихъ министровъ договариваться, пріѣхалъ туда скоро самъ. Дѣло уладилось, прежній договоръ подтвержденъ и союзъ съ Пруссіей усиленъ и укрѣпленъ.

Послѣ долгаго пребыванія въ чужихъ земляхъ, Государь, наконецъ, отправился домой, въ свой любимый Петербургъ. Пріѣхавъ туда въ октябрѣ 1717 года, онъ поздоровался съ дѣтьми, отобѣдалъ и сейчасъ же поѣхалъ въ адмиралтейство осматривать, что безъ него сдѣлано. Тамъ онъ пробылъ до вечера, позвалъ ближнихъ людей на ужинъ, и съ слѣдующаго дня обычная работа пошла своимъ порядкомъ съ ранняго утра до поздняго вечера.

XI. Царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Много укоровъ навлекъ на себя Петръ дѣлами своего царствованія, но ни одно изъ нихъ не дало его врагамъ повода къ такимъ тяжкимъ укоризнамъ

и обвиненіямъ, какъ несчастный конецъ царевича Алексѣя Петровича.

Царевичъ Алексѣй родился 19 февраля 1690 года, когда отцу его не исполнилось еще 18 лѣтъ. Первые 9 лѣтъ царевичъ находился при матери; отъ нея и ея родни наслушался онъ много худого про отца, про его нечестивыя затѣи, и эти рѣчи, конечно, оставили въ сердцѣ его слѣдъ. Когда Петръ посадилъ Царицу Евдокію въ монастырь, царевичъ былъ отданъ на чужія руки, потому что отецъ его постоянно находился въ разъѣздахъ и самъ за воспитаніемъ сына смотрѣть не могъ. Сначала учителемъ царевича былъ Никита Вяземскій, широковѣщательный грамотей, человѣкъ ума не великаго; потомъ приставили въ Алексѣю Петровичу наставникомъ иноземца Нейгебауера, который скоро перессорился со всѣми ближними царевичевыми людьми и былъ Государемъ отставленъ. Затѣмъ обученье царевича Государь передалъ барону Гюйсену, человѣку разумному и свѣдущему; дѣло пошло лучше, но не надолго. Годы черезъ три Гюйсенъ понадобился Государю на другія важныя дѣла и 4 года пробылъ въ чужихъ земляхъ. Царевичъ остался одинъ, сталъ жить на своей волѣ; отецъ былъ далеко, заваленъ другими дѣлами, тоже и Мейшиковъ, которому былъ порученъ надзоръ за воспитаніемъ царевича. Алексѣю Петровичу пришлось это по вкусу, потому что ученье книжное, спокойное, ему не очень доучало, а боялся онъ и не любилъ другого ученья, гдѣ приходится не доспать, не доѣсть, работать безъ отдыха, не глядя на усталость, на зной, на стужу. Не любилъ онъ, стало быть, той самой работы, въ

которой безъ перерыва пребывалъ его отецъ. Петръ это замѣтилъ, дважды бравши сына въ походъ, и въ 1704 году ему пригрозилъ. «Побѣды отъ Бога», говорилъ Петръ сыну: «но мы должны употреблять всѣ силы, чтобы ихъ получить. Я взялъ тебя въ походъ показать тебѣ, что я не боюсь ни трудовъ, ни опасностей; ты долженъ слѣдовать моему примѣру, долженъ любить все, что служить ко благу и чести отечества, и не падать трудовъ. Если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ, и ты не захочешь дѣлать того, что я желаю, то я не признаю тебя своимъ сыномъ, и буду молить Бога, чтобы онъ наказалъ тебя въ этой и въ будущей жизни».

Опасенія Петра были справедливы, но онъ про сына зналъ далеко не все. Враговъ у Государя была тьма, и они всю надежду свою возлагали на царевича: онъ не любитъ войны, не любитъ моря, ищетъ покоя и тихаго, безмятежнаго житія; онъ будетъ такимъ царемъ, какіе передъ Петромъ бывали; Петръ же не вѣченъ, когда-нибудь царевичъ сядетъ на престолѣ. Такъ думали и тишкомъ говорили многіе; мысли и рѣчи эти входили въ душу царевича и крѣпли въ немъ годами. Тяжело ему было подъ Петромъ, какъ и другимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сладко, что онъ не одинъ, что за нимъ великое множество, которое одобряетъ то, что любо самому царевичу, и охуждаетъ то, что любо его отцу.

Въ такихъ мысляхъ царевичъ окрѣпъ особенно тогда, когда остался одинъ въ Преображенскомъ селѣ, послѣ отъѣзда барона Гюйсена въ чужіе края. Тутъ онъ окружилъ себя попами и чернецами, а люди ду-

ховнаго чина были Петромъ недовольны больше всѣхъ другихъ. Между ними нашлись такіе, что возстановляли сына противъ отца, особенно духовникъ царевича, протопопъ Яковъ Игнатьевъ, человѣкъ большого ума и необоримой воли. Алексѣй Петровичъ былъ слабодушень, непостоянень, трусливъ; Богъ не лишилъ его разума, но умъ этотъ былъ дюжинный, мелкій. Яковъ Игнатьевъ покорилъ его своей волѣ сразу и во всемъ. Положа руку на св. евангеліе, онъ потребовалъ у царевича на исповѣди обѣщанія—почитать своего духовнаго отца за ангела Божія, за апостола Христова, за судію своихъ дѣлъ и во всемъ ему покоряться; царевичъ поклялся. Яковъ Игнатьевъ былъ главнымъ заводчикомъ происшедшаго потомъ зла, а за нимъ 24 ближніе къ царевичу человѣка, которые составляли его компанію. Вмѣстѣ съ нимъ отводили они душу насчетъ Петра, перетолковывая и осуждая его дѣла; вмѣстѣ съ нимъ веселились и гуляли. Царевичъ любилъ погулять и выпить, а потомъ винилъ въ этомъ Меншикова и другихъ, которые будто бы спаивали его нарочно. Однако не Меншиковъ окружилъ его глупыми и негодными людьми, да и живя на свободѣ, царевичъ не только веселился и гулялъ не въ мѣру, по обычаю того времени, а еще хвалился этимъ.

Такъ проживалъ царевичъ въ полномъ спокойствіи и только одного боялся—какъ бы не наѣхалъ отецъ, или какъ бы не послалъ его куда-нибудь въ походъ, на тяжелую работу и безпокойную службу. Мало-помалу онъ привыкъ бояться отца, въ сердце его забралась неприязнь къ родителю и раздулась потомъ во

вражду, скрытую, трусливую, но упорную. Изъ вражды этой родилась мысль: «дождаться бы времени, когда батюшки не станетъ, а до тѣхъ поръ какъ нибудь перетерпѣть». Грѣховная мысль тяготила совѣсть царевича, и онъ захотѣлъ облегчить душу на духу, передъ св. крестомъ и евангелиемъ. Отецъ Яковъ выслушалъ исповѣдь и сказалъ: »Богъ тебя проститъ, мы всё желаемъ смерти твоему отцу». Въ 1708 году царевичъ съѣздила въ монастырь къ матери, повидаться съ нею, и вражда къ отцу выросла въ немъ еще больше, тѣмъ паче, что за этотъ поступокъ получилъ онъ отъ Государя сильный нагоняй.

Прошло нѣсколько лѣтъ; царевичъ продолжалъ учиться разнымъ наукамъ, выучился французскому и нѣмецкому языкамъ, вмѣстѣ съ ученьемъ по временамъ пелъ и службу: въ Смоленскѣ заготовлялъ провіантъ и собиралъ рекрутъ, въ Москвѣ вѣдалъ правительственными дѣлами, смотрѣлъ за укрѣпленіемъ Москвы, за сборомъ рекрутъ и казаковъ, водилъ полки къ отцу. Въ концѣ 1709 года Государь послалъ его въ чужія земли — кончать ученіе и выбрать невѣсту изъ иностранныхъ принцессъ.

Государь далъ сыну полную волю — выбирать себѣ невѣсту по сердцу, лишь бы она была принцесса. Царевичъ выбралъ себѣ Шарлоту Вольфенбютельскую. Свадьбу сыграли 14 октября 1711 года въ саксонскомъ городѣ Торгау, въ присутствіи Петра, а недѣли три спустя молодой долженъ былъ уже ѣхать въ Польшу, собирать провіантъ для войскъ; за нимъ вскорѣ поѣхала и молодая. Въ слѣдующемъ году царевичъ усланъ былъ на службу въ другія мѣста, по-

томъ съ Государемъ дѣлалъ походъ въ Финляндію, ѣздилъ въ Старую Русу и Ладогу присмотрѣть за сборомъ лѣса для постройки судовъ и въ августѣ 1713 года вернулся въ Петербургъ. Передъ нимъ пріѣхала туда Шарлота.

Долго прожилъ царевичъ въ чужихъ земляхъ, немало учился, видѣлъ много новаго, но вернулся домой такимъ же, какимъ уѣзжалъ. Государь принялъ его милостиво и спросилъ — не забылъ ли онъ, чему научился. Царевичъ отвѣчалъ, что не забылъ; Государь приказалъ ему принести сработанные имъ чертежи. Убоявшись, чтобы отецъ не заставилъ его дѣлать чертежъ при себѣ, царевичъ зарядилъ пистолеть и выстрѣлилъ себѣ въ правую ладонь. Петръ, увидѣвъ его опаленную руку, спросилъ отчего это; царевичъ солгалъ, придумавъ какую-то небывальщину.

Нелады между Государемъ и его сыномъ продолжались по прежнему, даже хуже прежняго. Петръ сердился, бранилъ сына, даже бивалъ его подъ гнѣвный часъ, какъ бивалъ дубинкой и многихъ другихъ провинившихся; потомъ бросилъ все и пересталъ съ нимъ говорить. Алексѣй Петровичъ долженъ былъ понять, что это для него хуже всего; что гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость, а гдѣ одно равнодушіе, тамъ уже нѣтъ любви. Но царевичъ давно самъ не любилъ отца, не заботился о его любви и объ одномъ думалъ, какъ бы отъ него быть подальше. А между тѣмъ, отецъ посылалъ его передъ тѣмъ въ походы и давалъ разныя службы не ради доуки, а ради науки, той науки, которую изъ книгъ не узнаешь и дома не высидишь. Государь, конечно, понималъ, что Алексѣй противъ него

и половины не может сработать; но онъ не этого отъ сына и требовалъ, не за это его бранилъ и бивалъ: хотѣлъ онъ отъ него лишь *охоты* къ дѣлу. Государю нужно было убѣдиться, что задуманное имъ государственное обновленіе не умретъ вмѣстѣ съ нимъ, а пойдетъ впередъ и впередъ. Вмѣсто этого онъ видѣлъ, что сынъ все дѣлаетъ изъ страха, лишь бы съ рукъ сбытъ и отъ гнѣва отцовскаго уйти; что не только доброй воли у него къ дѣлу нѣтъ, а есть видимая неохота и даже отвращеніе. Тогда Царь отвернулся отъ своего сына и сталъ думать думу, которая могла кончиться для царевича бѣдой.

Думъ этой никто не помогалъ, кромѣ самого царевича. Государыня конечно къ нему не благоволила, потому что имѣла своихъ дѣтей; Меншиковъ тоже не любилъ его, ибо послѣ Петра, подъ Алексѣемъ, ему пришлось бы плохо. Но Государя они не могли подущать на царевича. Петръ былъ провицателенъ и чутокъ, онъ сразу бы замѣтилъ подходы. Для Екатерины такое дѣло было тѣмъ мудренѣе, что она была всегдашнимъ миротворцемъ: успокаивала царскій гнѣвъ, служила заступницей за опальныхъ, старалась заслужить отъ всѣхъ любовь. Одинъ вельможа сказалъ. «кабы на Государевъ жестокій нравъ да не Царица, такъ намъ бы житья не было». Стало быть Государынѣ никоимъ образомъ нельзя было подводить подъ своего пасынка подкопы, распаять на него Государевъ гнѣвъ. Меншикову было это также трудно: онъ былъ у Государя далеко не въ той вѣрѣ, какъ прежде; ему было довольно заботъ и о себѣ самомъ.

Такъ въ умѣ Государя зрѣла мысль, что царевичъ

Алексѣй, сдѣлавшись царемъ, повернуть все на прежній ладъ, а изъ этой мысли начала нарождаться другая — нельзя царевича допустить до царства. Дѣло могло бы еще поправиться, если бы Алексѣй Петровичъ хотѣлъ и, по своей натурѣ, могъ себя перемѣнить; но этого не было. Не измѣнила его и женитьба. Петръ Великій женилъ своего сына на иностранной принцессѣ, чтобы связать свое государство съ Европой, войдя въ свойство съ иноземными государями. Кромѣ того, онъ рассчитывалъ, что авось сынъ женится — перемѣнится, оттого и выбирать невѣсту Государь далъ ему полную волю. Надежда не сбылась. Шарлота была женщина добрая, но походила во многомъ на мужа; ей также ни до чего не было дѣла, что къ ней прямо не касалось; она любила покой, считала Россію чужбиной, Русскихъ людей — чужеземцами; нѣмкой была, нѣмкой и осталась. Даже придворные ея чины были чужеземцы, изъ 18 человекъ только одинъ былъ русскій. Къ царевичу она больше любви не имѣла и ждать отъ него большей любви не могла. Алексѣй Петровичъ жилъ съ ней недружно, даже не заботился объ ея домашнемъ обиходѣ; въ людяхъ съ нею не говорилъ, гулялъ отъ нея. Совсѣмъ обчелся Петръ, рассчитывая, что Шарлота поможетъ ему направить царевича на желанный путь.

Алексѣй Петровичъ былъ здоровья некрѣпкаго, а въ 1714 году особенно расхворался и поѣхалъ въ Карлсбадъ лѣчиться. Черезъ полгода онъ вернулся; во время пребыванія въ чужихъ земляхъ у него родилась дочь; въ концѣ слѣдующаго 1715 года Богъ далъ ему и сына. Новорожденный остался живъ, а мать скон-

чалась. Петръ увидѣлъ, что теперь русскій престолъ не будетъ сиротствовать и черезъ нѣсколько дней прислалъ царевичу письмо, которое приготовилъ еще до рожденія внука. Въ письмѣ Государь писалъ про негодность Алексѣя Петровича на управленіе государственными дѣлами, про неохоту его къ воинскимъ и всякимъ трудамъ; напоминалъ, что ни брань, ни побои его не исправили и не сдѣлало ничего даже то, что отецъ давно не говоритъ съ нимъ почти ни слова. Ради всего этого Государь пишетъ къ нему увѣщаніе и хочетъ еще мало подождать, не исправится ли. «Если не исправишься», кончилъ письмо Петръ: «то лишу тебя наслѣдства; не думай, что только стражаю, воистину исполню, ибо за отечество живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то какъ тебя непотребнаго жалѣть стану?»

На другой день послѣ отдачи этого письма, Богъ далъ Государю сына Петра. Царевичъ сталъ печаленъ, совѣтовался съ близкими людьми — бывшимъ учителемъ своимъ Вяземскимъ и Александромъ Кигинимъ. Дали совѣтъ: отказаться отъ наслѣдства, лишь бы въ покоѣ остаться. Это было по душѣ царевичу; онъ написалъ отцу письмо, сказывался непотребнымъ къ государственному дѣлу, называлъ себя человѣкомъ больнымъ, гнилымъ, говорилъ, что на наслѣдство не посягаетъ и посягать не будетъ, въ чемъ и призывалъ Бога свидѣтелемъ.

Государь былъ очень недоволенъ отвѣтомъ; онъ хотѣлъ пугнуть сына, заставить его заниматься дѣломъ, а сынъ прямо отрекается отъ престола. Скоро послѣ того Петръ сильно занемогъ, такъ что въ чая-

ни кончины исповѣдывался и причащался, но оправился и въ слѣдующемъ 1716 году написалъ царевичу послѣднее напоминаніе. Государь укорялъ его за то, что онъ только о наслѣдствѣ поминаетъ и кладетъ на Государеву волю то, что и безъ того въ его волѣ, а про неохоту свою къ дѣлу не говоритъ ни слова. Клятвѣ его Государь не повѣрилъ, потому что по кончинѣ отца онъ можетъ заговорить другое; на нарушение клятвы его могутъ сманить люди, которымъ пынѣшнія дѣла Царя не понутру, и тогда сынъ станетъ разорителемъ отцовскихъ дѣлъ. Нужно либо отмѣнить свой нравъ и нелицемѣрно удостоить себя наслѣдникомъ, либо пойти въ монастырь, въ монахи.

Опять пошли у царевича совѣты съ ближними людьми; посовѣтовали: «ступай въ монастырь, клобукъ не гвоздемъ къ головѣ прибить, потомъ и снять можно; только скажи отцу духовному, что идешь неволей». Алексѣй послушался и написалъ отцу, что желаетъ принять чинъ монашескій.

Не удалось и этотъ разъ Государю заставить сына жить и работать такъ, какъ наслѣднику Петра I подобало; царевичъ не испугался клобука монашескаго, лишь бы остаться въ покоѣ, уйти отъ тревогъ и докучныхъ трудовъ. Государю приходилось или исполнить свою угрозу, или еще подождать — не одумается ли сынъ. Царь рѣшилъ подождать, хоть оно и несовсѣмъ ладилось съ его нравомъ. Царевичъ въ это время захворалъ; Государь, собираясь ѣхать на долгій срокъ въ чужіе края, пришелъ къ сыну и сказалъ: «не торопись, одумайся и потомъ напиши мнѣ, какое примешь рѣшеніе». У Алексѣя Петровича отлегло отъ сердца,

но не на долго: черезъ семь мѣсяцевъ Петръ напомнилъ ему письмомъ, что ждетъ рѣшенія—въ монастырь или за работу. «Коли хочешь быть наследникомъ, прїѣзжай не медля сюда; коли въ монастырь—отпиши когда исполнишь».

Царевичъ рѣшился немедленно ѣхать въ чужіе края, будто къ отцу. Ужь давно запала ему мысль—бѣжать отъ отца подъ защиту какого-нибудь иноземнаго государя, а навелъ его на эту мысль Кикинъ. Но по обычной своей нерѣшительности, царевичъ пропустилъ удобное къ тому время, когда былъ въ Карлсбадѣ. Теперь пособлялъ ему самъ отецъ, которому про замыселъ царевича и въ голову не приходило. Алексѣй Петровичъ собрался живо и выѣхалъ изъ Петербурга въ сентябрѣ 1716 года, взявъ съ собой нѣсколько слугъ и дѣвушку Афросинью, бывшую крѣпостную Вяземскаго, съ которою онъ слюбился еще при жизни Шарлоты.

На дорогѣ Алексѣй Петровичъ повидался съ Кикинымъ; Кикинъ далъ ему совѣтъ—ѣхать въ Вѣну, къ свояку, Австрійскому императору, тамъ-де не выдадутъ. «А на уговоры отца не поддавайся, онъ тебѣ публично голову отсѣчетъ», говорилъ Кикинъ.

Про царевича и слухъ пропалъ, онъ будто въ воду канулъ. Но Петръ не долго ломалъ голову, скоро онъ началъ догадываться, что случилось съ сыномъ, и отдалъ приказы въ разныя мѣста разыскивать бѣглеца. Царевичъ тѣмъ временемъ тайно проѣхалъ въ Вѣну и поздно вечеромъ, 19 ноября, явился къ подканцлеру графу Шенборну. Озираясь во всѣ стороны и бѣгая изъ угла въ уголь, онъ объявилъ, что прїѣхалъ про-

сить у свояка-императора охраны и покровительства; что Царь Петръ хочет отнять у него, царевича, корону и жизнь и лишить бѣдныхъ его дѣтей престола, безъ всякой вины; что заводчики всего зла Царица и Меншиковъ; что они хотятъ его извести отравой; что Русскіе люди любятъ его, царевича, а Государя ненавидятъ за его кровожадность, за новизны, за наложенную на всѣхъ несносную тягость, такъ что можно ждать бунта и гибели Государя. Зная, что про нелюбовь его, царевича, къ покойной супругѣ всѣмъ извѣстно, Алексѣй Петровичъ объяснилъ, что не онъ, а отецъ его и мачиха обращались съ ней дурно и хотѣли, чтобы она служила имъ, какъ простая дѣвка. И многое другое говорилъ царевичъ, не разбирая правды отъ лжи; то хвалилъ, то порочилъ своего отца, противорѣчилъ самому себѣ и кончилъ тѣмъ, чѣмъ началъ — просилъ у императора себѣ охраны, а дѣтямъ покровительства. Онъ пожелалъ было повидаться съ самимъ императоромъ, но Шенборнъ сказалъ, что тогда будетъ огласка, а надо сохранить дѣло въ тайнѣ, дабы никто про пріѣздъ царевича не провѣдалъ.

Въ Вѣнѣ рѣшили — укрывать царевича, пока не выщется случай помирить его съ отцомъ; для этого отравили его въ горную страну Тироль и помѣстили тамъ въ глухомъ мѣстѣ, въ крѣпости Эренбергъ. Однако, какъ ни тайно велось дѣло, а посланный Петромъ капитанъ Александръ Румянцевъ и русскій посланникъ въ Вѣнѣ Веселовскій выслѣдили царевича и провѣдали, что онъ живетъ въ Эренбергѣ подъ именемъ Кохановскаго. Тогда Вѣнское правительство дало

царевичу на выборъ — или вернуться къ отцу, или переѣхать дальше, въ Неаполь. Царевичъ съ радостью согласился ѣхать дальше, оставилъ въ Эрэнбергѣ своихъ слугъ и выѣхалъ съ Афросиньей, одѣтой въ мужское платье. Но Румянцевъ присматривалъ за нимъ зорко, поѣхалъ слѣдомъ и донесъ Царю, что сынъ его переѣхалъ тайно въ Неаполь, гдѣ и проживаетъ въ замкѣ Сентъ-Эльмо.

Въ Вѣнѣ старательно хоронили концы и очень удивились, когда отъ Русскаго Царя пріѣхали капитанъ Румянцевъ и тайный совѣтникъ Петръ Толстой требовать выдачи царевича. Имъ приказано было объяснять, что императору не подобаетъ быть судьей между царевичемъ и его отцомъ, самодержавнымъ Государемъ; коли царевича выдать не захотятъ, то требовать, чтобы допустили къ нему ихъ, пословъ, для переговоровъ, и когда допустить, то уговаривать царевича вернуться, обѣщая ему родительское прощенье; если же пословъ до царевича не допустить, то сказать императору, что Царь не оставитъ эту обиду безъ отмщенья.

Въ Вѣнѣ призадумались: войско русское стояло не очень далеко отъ австрійскихъ границъ, и Петръ Великій не пускалъ словъ на вѣтеръ. Послѣ разныхъ изворотливыхъ рѣчей и объясненій, Толстому и Румянцеву дозволено ѣхать въ Неаполь, повидаться и поговорить съ царевичемъ, а тамошнему намѣстнику приказано всѣ способы употребить, чтобы царевичъ согласился вернуться къ отцу.

Въ концѣ сентября 1717 года Толстой и Румянцевъ пріѣхали въ Неаполь и были допущены къ ца-

ревичу. Алексѣй Петровичъ страшно перепугался, увидѣвъ ихъ; онъ боялся, что его убьютъ. Нѣсколько разъ видѣлись съ нимъ послы, но безъ всякаго толку. Тогда намѣстникъ рѣшился пострадать царевича тѣмъ, что отниметь отъ него Афросинью; ему былъ объ этомъ наказъ изъ Вѣны, гдѣ думали, что Царь больше всего гнѣвался на сына за Афросинью. Кромѣ того послы подговорили секретаря намѣстникова, за дорогой подарокъ, сказать царевичу отъ себя, что на охрану императора ему рассчитывать нельзя, потому что императоръ слово свое исполнилъ—далъ ему пріютъ, пока не пришло отъ Царя прощевіе; а послѣ этого императоръ держать его не станетъ, ибо не хочетъ ввязаться изъ-за него въ войну съ Царемъ. Въ довершеніе Толстой и самъ припугнулъ царевича, сказавъ, что Государь непременно будетъ доставать его оружіемъ и собирается въ скоромъ времени самъ пріѣхать въ Неаполь.

Страхъ и смятеніе обуяли несчастнаго царевича, и онъ, по совѣту Афросиньи, обѣщалъ вернуться къ отцу, если ему позволятъ на Афросинѣ жениться и жить въ своихъ деревняхъ. Толстой обѣщалъ, хоть не имѣлъ на это указа. Царевичъ написалъ отцу письмо, просилъ прощенія, благодарилъ за обѣщанную милость и выѣхалъ изъ Неаполя съ Афросиньею, Толстымъ и Румянцевымъ. На пути получилъ онъ отъ отца отвѣтъ: Петръ обѣщалъ свое прощевіе; позволялъ ему обвѣнчаться съ Афросиньей, только не въ чужихъ земляхъ, во избѣжаніе срама, а въ Россіи; согласился и на то, чтобы царевичу проживать въ деревнѣ. Въ началѣ 1718 года царевичъ Алексѣй Пе-

тровичъ былъ уже въ Москвѣ; Афросинья по болѣзни ѣхать скоро не могла и потому отстала.

Февраля 3 въ Кремлевскомъ дворцѣ собрались люди высшихъ чиновъ, духовные и мірскіе, пришелъ Царь, ввели царевича. Съ суровымъ укоромъ обратился Государь къ сыну, царевичъ бросился на колѣни и просилъ прощенія. Государь обѣщаль милость, если сынъ откажется отъ наслѣдія и уважетъ своихъ сообщниковъ, которые присовѣтовали ему бѣжать. Царевичъ согласился на все. Пошли въ Успенскій соборъ, передъ св. евангеліемъ царевичъ отрекся отъ престола и подписалъ клятвенное въ томъ обѣщаніе. Въ тотъ же день обнаругованъ манифестъ, въ манифестѣ приведены вины царевича и объявлено ему прощеніе; но дабы отъ такого властителя государство въ худшее прежняго положеніе не было приведено, Государь лишаетъ сына Алексѣя наслѣдства престола, хоть бы ни единого человѣка Царской фамиліи по Государѣ не осталось, а объявляетъ и опредѣляетъ наслѣдникомъ другого сына своего, Петра.

На другой день Государь далъ царевичу письменные вопросы о сообщникахъ, приказаль ему написать все, что къ дѣлу касается, очистивъ себя, какъ на исповѣди, и пригрозилъ, что если царевичъ не всю правду скажетъ, то, какъ вчера объявлено предъ всѣмъ народомъ, прощенье будетъ не въ прощенье.

Царевичъ написалъ отвѣтъ и подалъ отцу, но всей правды не открылъ: одно утаилъ, другое показалъ облыжно, на иныхъ взвелъ напраслину; все это, впрочемъ, стало извѣстно послѣ, въ Петербургѣ. Пошелъ розыскъ, допрошено больше 50 человѣкъ, въ

томъ числѣ Царица-инокиня Елена (Евдокія), царевна Марья и нѣкоторыя знатныя особы; многіе при розыскѣ пытаны, иные по три и по четыре раза. Послѣ розыска 9 человекъ казнено, въ томъ числѣ Бягинъ и Игнатъевъ, столько же сослано въ каторгу, еще больше въ Сибирь и въ дальніе города.

Розыскъ производился сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ. Въ Москвѣ Государь обходился съ сыномъ милостиво, видимо хотѣлъ оправить царевича сколько можно и говорилъ, что если бы не заводчики и подстрекатели, то Алексѣй не дерзнулъ бы на такое неслыханное дѣло. Изъ Москвы въ Петербургъ царевичъ ѣхалъ вмѣстѣ съ отцомъ, потомъ находился при отцѣ же и жилъ на свободѣ. Но все это вскорѣ перемѣнилось.

Афросинья пріѣхала изъ чужихъ краевъ 20 апрѣля. Ее посадили въ Петропавловскую крѣпость, и самъ Государь сдѣлалъ ей допросъ; Афросинья сказала все, что знала. Оказалось, что царевичъ при допросѣ въ Москвѣ утаилъ многое, самое важное. Допросили его снова, онъ запирался, даже на очной ставкѣ съ Афросиньей, а потомъ повинился. Вины его были тяжкія. Стало видно, что царевичъ отказывался отъ царскаго престола притворно, а въ мысляхъ желалъ наслѣдства прилежно и рассчитывалъ на помощь отъ Русскихъ людей; еслибъ привелось быть бунту при жизни отца, то готовъ былъ пристать къ бунтовщикамъ; радовался молвѣ и слухамъ про мятежи и смуты въ русскомъ войскѣ и государствѣ; замышлялъ, добравшись царства, извести ближнихъ Государевыхъ людей, повернуть все на прежнюю стать, жить въ Москвѣ, оставить Пе-

тербургъ простымъ городомъ, кораблей не держать, до-
вольствоваться старымъ владѣньемъ; изъ Неаполя хо-
тѣлъ уѣхать къ папѣ Римскому, да Афросинья удер-
жала; писалъ къ Австрійскому императору письма съ
жалобами на отца, и многое другое.

Это были ужъ не тѣ вины, которыя объявилъ
царевичъ въ Москвѣ и за которыя можно было про-
стить. А между тѣмъ Государь, вызывая сына изъ
чужихъ земель, обѣщалъ ему помилованіе и прощеніе;
какъ теперь быть и что дѣлать? Государь рѣ-
шилъ — отстраниться отъ суда надъ сыномъ и пере-
дать это дѣло другимъ. Онъ созвалъ знатное духо-
венство и отдалъ ему на судъ царевичево преступле-
ніе, прося одной правды безъ всякаго пристрастія и
лицепріятія и указывая на то особенно, что онъ, Го-
сударь, обѣщалъ своему сыну прощеніе. Кромѣ духо-
венства, Государь собралъ сенаторовъ, генераловъ и
иныхъ чиновныхъ людей и далъ имъ почти такое же
объявленіе, прося поступить по сущей правдѣ, чтобы
не погубить душъ своихъ и Государевой; чтобы со-
вѣсть осталась чиста въ день страшнаго испытанія.

Судъ духовныхъ чиновъ написалъ и представилъ
Государю разсужденіе, выписавъ примѣры и правила
Ветхаго завѣта на обвиненіе и Новаго завѣта на оправ-
даніе; объ обѣщаніи Царя простить сына, если вер-
нется изъ чужихъ краевъ, не сказалъ ничего, а въ
концѣ написалъ: «сердце Царево въ руцѣ Божіей есть;
да избереть тую часть, аможе рука Божія того пре-
клоняеть».

Судъ мірскихъ чиновъ повелъ дѣло законнымъ
того времени порядкомъ. Ужъ нѣсколько дней, какъ

царевичъ былъ посаженъ въ крѣпость; его привезли въ сенатъ и допросили, потомъ, черезъ 2 дня, 19 іюня пытали, разыскивая правду; 24 іюня пытали въ другой разъ и въ тотъ же день постановили въ одинъ голосъ приговоръ, что царевичъ Алексѣй Петровичъ, за великія свои вины и замыслы противъ отца, Государя и государства, достоинъ смертной казни. Іюня 26, въ 7 часу вечера, царевичъ скончался.

Про кончину его дошло много разныхъ извѣстій; два яко-бы очевидца написали: одинъ — будто царевича задушили, другой — будто его отравили. Тайное умерщвленіе царевича — дѣло невозможное, совсѣмъ не подходящее къ нраву Петра Великаго, крутому, немилостивому, но всегда открытому и честному. Если бы Государь рѣшилъ казнить царевича по приговору суда, то и казнилъ бы не колеблясь; въ этомъ порукою вся его жизнь и всѣ его дѣла. Изъ сличенія разныхъ извѣстій выходитъ, что вѣрнѣе всего кончина Алексѣя Петровича произошла такъ. Слабый духомъ и тѣломъ, царевичъ не могъ легко перенести пытокъ и захворалъ, а узнавъ про смертный себѣ приговоръ, разболѣлся еще пуще: его постигло что-то похожее на кровяной ударъ. Іюня 26 онъ ужъ былъ безнадежно боленъ; Государь съ нѣкоторыми сановниками пріѣзжалъ въ этотъ день утромъ въ крѣпость на розыскъ; кѣмъ разыскивали — неизвѣстно; послѣ розыска зашли къ царевичу, который, исповѣдовавшись и причастившись, просилъ у отца прощенія со слезами и раскаяніемъ. Государь простилъ его, пробылъ у него съ полчаса и въ 11 часу до полудня уѣхалъ, а вечеромъ, около 6 часовъ, царевичъ скончался.

Мѣсяцъ спустя Государь, бывши въ Ревелѣ, писалъ оттуда Государынѣ, что услышалъ про покойнаго сына такую диковину, которая чуть-ли не пуще всего прежняго. Про что именно Государь упоминалъ—неизвѣстно; можетъ статья про то, что царевичъ, находясь въ чужихъ земляхъ, просилъ помощи у Шведскаго короля черезъ министра его Герца. Вѣрно-ли это извѣстіе, или оно кѣмъ нибудь выдумано, только оно до насъ дошло.

Въ злосчастномъ концѣ царевича виновать не Петръ, а самъ царевичъ. Не постигла бы его такая лютая судьбина, если бы, бѣжавъ отъ отца подъ охрану чужого государя, онъ объявилъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, что хочетъ жить простымъ человѣкомъ, отъ царства отрицается и впередъ посягать на него не станетъ. Тогда Царь могъ не опасаться его ни за себя, ни за свою семью, ни за государство и оставилъ бы его въ покоѣ. Царевичъ поступилъ совсѣмъ не такъ; отрекшись разъ отъ наслѣдства, онъ въ иноземномъ государствѣ объявилъ свои права на престолъ. Отрекшись въ Москвѣ другой разъ, онъ могъ опять измѣнить свои мысли и не сдержать слова, хоть не самъ собой, а по стороннему наущенію. Петру пришлось бы весь остатокъ своей жизни провести подъ страхомъ ежечасной крамолы, мятежей и смуть, или бояться, что встанетъ бѣда послѣ его смерти и въ той бѣдѣ погибнетъ семья его, ближніе люди и самое дѣло. Петру были дороги и семья, и сотрудники его, но дороже всего было дѣло обновленія государства, съ такими нечеловѣческими трудами совершаемое. Чтобы это великое дѣло поставить твердо, онъ не щадилъ

себя, не щадилъ кровь и плоть народа своего, не могъ пощадить и сына.

Что сталося съ Афросиньей—навѣрное неизвѣстно. Есть извѣстіе, что Царь и Царица оказывали ей милость, такъ какъ она уговорила царевича вернуться въ Россію, и что будто, послѣ его смерти, она вышла замужъ за офицера и жила лѣтъ 30.

XII. Мирныя дѣла и конецъ войны.

Война тянулась, но Шведы были ужъ не страшны Россіи; имъ самимъ приходилось обороняться и думать о томъ, какъ бы съ наименьшей потерей добиться мира. Пользуясь такимъ поворотомъ войны и турецкимъ замиреніемъ, Петръ I занялся дѣлами внутренними съ особеннымъ усердіемъ.

Установивъ передъ прутскимъ походомъ сенатъ, Государь строго наблюдалъ, чтобы онъ вершилъ дѣла и скоро, и правильно. Несовсѣмъ гладко шла сенатская служба и часто встрѣчались въ ней изьяны, такъ что Государю много было добуки и неудовольствія. Онъ самъ разбиралъ дѣла, понукалъ вершить ихъ безволокитно, грозилъ своимъ гнѣвомъ; сенаторовъ, сказывавшихся больными, приказывалъ свидѣтельствовать, не отгуливаютъ ли; на нерадивыхъ накладывалъ штрафъ по 50 руб. въ день. Но все-таки онъ отъ своей мысли не отступился, разумѣя, что всякое новое дѣло налаживается не сразу, и не только

власть сената не урѣзалъ, но даже расширилъ. Именно, онъ указалъ сенату представлять къ нему, Государю, лишь самыя важныя дѣла, а всѣ прочія вершить окончательно; жалобы на сенатъ запретилъ подь страхомъ смертной казни; учредилъ новыя высочія правительственныя мѣста, *коллегии*, и подчинилъ ихъ сенату. До того времени такими мѣстами были *приказы*, числомъ до 40; дѣла распредѣлялись по нимъ безъ всякаго порядка, иногда совсѣмъ одно къ другому не подходящія. Кромѣ того, хотъ въ каждомъ приказѣ и сидѣло по нѣскольку человекъ, но одинъ изъ нихъ, самый родовитый, значилъ больше всѣхъ и за его именемъ, «съ товарищи», выходило всякое рѣшеніе. Петръ завелъ коллегій гораздо меньше, чѣмъ приказовъ, распредѣлилъ въ нихъ дѣла въ лучшемъ порядкѣ противъ приказнаго, назначилъ въ каждую коллегію по нѣскольку человекъ, президента поставилъ изъ Русскихъ, вице-президента изъ иноземцевъ и указалъ всѣ дѣла рѣшать соборне, равными голосами. Трудно было набрать въ коллегіи годныхъ людей, однако кое-какъ набрали, и съ 1720 года коллегіи были уже въ полномъ ходу.

Соборное управленіе введено и въ губерніи, которыя тѣмъ временемъ подѣлены были на провинціи. Къ губернаторамъ велѣно назначить *ландратовъ*, т. е. земскихъ совѣтниковъ, которыхъ выбирать дворянамъ; безъ ландратовъ губернатору не дѣлать никакого дѣла и быть ему надъ ними не яко властителю, а какъ предсѣдателю. Однако введеніе всюду по областямъ соборнаго управленія скоро оказалось несбыточнымъ, ибо требовалось для этого много людей, а ихъ было очень

мало, потому что служилое сословіе (дворяне) почти все находилось на военной службѣ, да и надобна была вдали отъ столицы крѣпкая власть. Того ради Государь замѣнилъ потомъ ландратовъ воеводами. Позаботился онъ тоже насадить судъ правый, ибо отъ криводушія и лихоимства прежнихъ судовъ была народу великая тягота и обида. Петръ установилъ суды трехъ степеней; первую степень составляли *нижніе городовые* суды, среднюю *провинціальныя*, а высшую, по большимъ городамъ, *надворные*. Чтобы защищать и оберегать торговыхъ людей отъ насильствъ и разоренія, учрежденъ главный *магистратъ*, данъ ему уставъ и приказано устроить магистраты во всѣхъ городахъ. Заведена въ городахъ полиція; изданы разныя правила для уменьшенія пожаровъ, приказано устроить госпитали для подкидышей, заведена почта. Послѣ многихъ сдѣланныхъ перемѣнъ стали нужны новые законы; Государь приказалъ учинить сводъ русскихъ законовъ со шведскими, какіе подходящи, и, не дожидаясь новаго Уложенія, отмѣнилъ правожъ.

Дѣлая многое, чтобы пріучить Русскихъ людей жить не врозь, а сообща, Петръ придумалъ еще одно средство: собирать знакомыхъ и незнакомыхъ, дабы вмѣстѣ проводили время. Такія вольныя собранія назывались въ то время *ассамблеями*. Объявлено было, что на ассамблею можетъ приходить всякій, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, — офицеры, дворяне, знатные купцы, начальныя мастеровые люди. Хозяинъ дома, гдѣ собирается ассамблея, не обязанъ встрѣчать, провожать, потчевать гостей; онъ можетъ даже на это время уйти изъ дому, лишь бы приготовлены

были покой со столами, свѣчами, питьемъ и разными играми. Каждому гостю вольно прїѣзжать и уѣзжать когда хочетъ, ходить по ассамблеѣ, сидѣть, играть, вести бесѣду; но не указано ни вставать передъ кѣмъ бы то ни было, ни провожать; вообще велѣно быть безъ всякихъ чиновъ. Кто въ этомъ провинится, на того наглядывался штрафъ—выпить *великаго орла* (огромный кубокъ вина).

Усиленіе торговли и промышленности было всегдашнею заботой Петра I, а теперь особенно. Онъ уничтожилъ казенную продажу товаровъ, кромѣ поташа и смольчуга, да и тѣ оставлены ради сбереженія лѣсовъ; всѣ остальные товары дозволено продавать свободно, съ уплатою пошлинъ. Разными указами архангельская торговля переведена почти вся въ Петербургъ, заведены торговые пореговоры съ Франціей и Испаніей. Кожевенное производство много значило для заграничной торговли, а русская юфть на обувь была плоха, пропускала воду и расплзлась. Петръ приказалъ дѣлать юфть не съ дегтемъ, а съ ворванымъ саломъ; велѣлъ выслать для обученія этому дѣлу въ Москву по нѣскольку человекъ изъ cadaго города на 2 года, а если кто будетъ дѣлать юфть по прежнему, тѣмъ пригрозилъ каторгой и лишеніемъ имѣнія. Такъ какъ въ чужихъ земляхъ на узкія полотна спроса не было, то Петръ именнымъ указомъ велѣлъ ткать полотна не уже $1\frac{1}{4}$ аршина. Чтобы размножить льняные и пеньковые промыслы, приказано прибавить сѣву, а крестьянамъ велѣно объяснить, что это дѣлается для ихъ же прибыли. Заведено множество фабрикъ по разнымъ промысламъ, выписыва-

лись изъ чужихъ краевъ мастера для обученія русскихъ рабочихъ. По боязни взяться за непривычное дѣло и на немъ разориться, мало было охотниковъ заводить фабрики. Государь велѣлъ открывать фабрики на казенный счетъ, а когда пойдутъ хорошо, сдавать ихъ желающимъ въ года за-дешево; если же не найдется желающихъ, такъ и неволей. Надежнымъ людямъ Петръ нерѣдко даже дарилъ такія готовыя фабрики. Одному полотняному фабриканту онъ послалъ иноземнаго мастера и написалъ: «буде тебѣ тягостно платить ему договоренное жалованье, то буду платить я самъ». Другому купцу подарилъ землю и далъ денегъ 5.000 рублей; третьему суконную фабрику съ землями и крестьянами. Чтобы фабрикамъ работать было не убыточно, изданы многіе указы и по временамъ запрещался ввозъ изъ чужихъ земель тѣхъ или другихъ товаровъ. Нужно на писчебумажное дѣло тряпье и лоскутья указано отсылать въ Петербургъ и назначена плата съ пуда. Приказано покупать на солдатъ и на боярскую прислугу русскія сукна; Государь самъ сталъ носить не только будничное, но и праздничное платье изъ русскаго сукна. Чтобы для сукна была добрая шерсть, улучшалось овцеводство и выписывались свѣдущіе овчары. Заводились въ трехъ губерніяхъ конскіе заводы, приказано сѣять хорошій табакъ, умножались селитряные и купоросные заводы, строгими указами сберегались старыя лѣса и разводились новыя въ мѣстахъ безлѣсныхъ. Считая, что хлѣбъ выгоднѣе косить, чѣмъ жать, какъ это и дѣлалось мѣстами, Государь разослалъ на образецъ косы съ выученными людьми. Онъ очень старался объ

отыскиваніи и разработкѣ рудъ, дабы Божіе благословеніе подъ землей втуне не оставалось; строго указано не утаивать руду и не мѣшать другимъ устраивать заводы. Въ первый разъ принялись искать и промывать золотой песокъ, впервые же начали развѣдывать каменный уголь. По случаю войны и нужды въ деньгахъ, запрещено провозить изъ чужихъ краевъ, покупать и носить золото и серебро пряженое и влоченное; запрещены также всякія игры въ деньги.

Вмѣстѣ съ заботами объ обогащеніи, шли заботы о просвѣщеніи. Изданъ указъ, что дворяне, не обучившіеся ариметикѣ и геометріи, не могутъ жениться. Приказано тому же обучать дѣтей дьячихъ, подьяческихъ, также поповыхъ и прочаго духовнаго чина; увеличена инженерная школа, въ Петербургѣ учреждена морская академія. Отправка молодыхъ людей въ чужіе края для науки не останавливалась; писались, переводились и печатались книги по разнымъ наукамъ; приказано осмотрѣть въ монастыряхъ и забрать древнія жалованныя грамоты, а также книги, какія гдѣ найдутся. Велѣно доставлять рѣдкостныя старинныя вещи, необыкновенныя кости человѣческія, скотскія, птичьи, оружіе старинное, посуду старую необычную, за что обѣщана плата. Приказано снарядить двухъ знающихъ и надежныхъ людей—провѣдать на дальней окраинѣ, за 10.000 верстъ отъ Петербурга, соединяется ли Азія съ Америкой земнымъ перешейкомъ или раздѣляется воднымъ проливомъ.

Упорнѣе прежняго наблюдалъ Петръ, чтобы никто отъ службы не отваливалъ, самъ часто смотрѣлъ собираемыхъ дворянъ и недорослей, самъ назначалъ—

кого и куда послать на службу, издавалъ строгіе указы о неявившихся, грозилъ послушникамъ отнятіемъ деревень. Около 300 недорослей, избывая службы, записались въ школу. Царь велѣлъ ихъ оттуда взять и послать на службу. Одинъ помѣщикъ бѣжалъ отъ мореходной науки въ чужихъ краяхъ, постригся въ монахи и дошелъ до іеродіакона; когда онъ вернулся въ Россію, Государь приказалъ его взять и послать въ Петербургъ. По примѣру нѣкоторыхъ чужихъ земель, онъ издалъ указъ, чтобы недвижимое дворянское имущество не дѣлилось, а по смерти отца доставалось одному сыну, дабы остальные не гуляли праздны, а искали хлѣба службой, ученіемъ, торгами и иными способами, на пользу государству. Въ указѣ объяснено, что если имѣніе станетъ переходить въ однѣ руки, то, при большемъ достаткѣ владѣтеля, государственные доходы будутъ исправнѣе, да и крестьянамъ будетъ легче подъ однимъ богатымъ помѣщикомъ, чѣмъ подъ многими небогатыми. Указъ этотъ однако скоро послѣ Петра отмѣненъ, потому что единонаслѣдіе (маіоратъ) шло совсѣмъ поперекъ исконныхъ обычаевъ и законовъ русскихъ.

Воинское устроеніе совершенствовалось. Изданъ воинскій уставъ, дабы всякій чинъ зналъ свою должность и невѣдніемъ не отговаривался; въ уставѣ указано устройство службы строевой, хозяйственной, военно-почтовой, военно-судной и проч. Не велѣно производить въ офицерскіе чины дворянъ, не служившихъ въ солдатскомъ званіи; чтобы заохотить на службу людей разныхъ сословій и за нее достойныхъ наградить, постановлено, что всякій дошедшій до офи-

царскаго чина, дѣлается дворяниномъ со всѣмъ своимъ потомствомъ.

Для улучшенія крестьянскаго быта, Государь повелѣлъ указомъ—отбирать деревни изъ управленія такихъ помѣщиковъ, кои ихъ разоряютъ и на крестьянъ накладываютъ несносныя тягости. Потомъ изданъ другой указъ—не продавать крестьянъ въ розницу, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится; по нуждѣ же продавать цѣлыми семьями. Указъ о маюратахъ тоже служилъ для облегченія крестьянской доли. Но зато появился новый разрядъ крѣпостныхъ. Когда понадобились заводы и фабрики, то потребовались для нихъ рабочіе; Государь сталъ приписывать земли и крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, дѣлать людей крѣпкими не землѣ, а фабрикѣ или заводу. Изъ за множества бѣглыхъ и изъ за укрывательства тяглыхъ людей, перепись дворовъ была злоумышленно невѣрна; Государь приказалъ сдѣлать подушную перепись и за утайку душъ грозилъ смертною казнью.

Такая угроза вырвалась у Государя не въ гнѣвный часъ. Охота кормиться на чужой счетъ вкоренилась издавна, и денежные сборы не доходили цѣликомъ до государственной казны, а во множествѣ шли по карманамъ тѣхъ, кто при дѣлѣ стоялъ. Изъ 100 рублей, собранныхъ съ обывательскихъ дворовъ, до казны доходило не больше 30. Государь объявилъ ворами безпощадную войну. Изданъ былъ указъ, чтобы всякій, кто вѣдаетъ такихъ казнокрадовъ и грабителей народныхъ, доносилъ о нихъ самому Царю, и за правдивое донесеніе обѣщано доносителю имѣніе пре-

ступника. Однако прямых доносчиков не нашлось, а появились во множествѣ подметныя письма, гдѣ больше писалась злая небывальщина. Впрочемъ и безъ добровольныхъ доносчиковъ открывалось много беззаконій, потому что были ретивые люди между фискалами, т. е. доносчиками служилыми. Попались въ бѣду многіе савовники и люди высокаго чина. Сибирскій губернаторъ Гагаринъ повѣшенъ, петербургскій вице-губернаторъ Корсаковъ высѣченъ кнутомъ, сенаторамъ Олухтину и князю Волконскому жгли языкъ раскаленнымъ желѣзомъ. Провинился и самый сильный человекъ, свѣтлѣйшій князь Меншиковъ. Государь показалъ ему впервые свою немилость еще раньше, за непомѣрное грабительство въ Польшѣ послѣ полтавской баталіи, и съ той поры не имѣлъ къ нему прежней безграничной любви и вѣры, но ради его способностей и большихъ заслугъ продолжалъ держать его при важнѣйшихъ служебныхъ дѣлахъ и въ большой чести. Не разъ государь укорялъ его, письменно и словесно, сурово и грозно, за лихоимство и казнокрадство; наконецъ въ 1718 году приказалъ взять съ него огромный денежный штрафъ, по сдѣланному судомъ начету. Не совсѣмъ чисты оказались и многіе другіе.

У Петра было много тайныхъ враговъ и противниковъ, но между ними чуть ли не самыя злыя были раскольники. Въ началѣ царствованія Государь не хотѣлъ ихъ трогать, лишь бы были вѣрными и добрыми подданными. Узнавъ, что купцы изъ раскольниковъ честны и прилежны, онъ сказалъ: «коли они таковы, то пусть вѣруютъ, какъ хотятъ; надъ со-

вѣстью людей властенъ одинъ Христосъ; если нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то не пособить ни огонь не мечъ, а мучениками за глупость быть—ни они той чести не достойны, ни государству пользы не будетъ». Олоонецкихъ раскольниковъ онъ даже полюбилъ, потому что они служили ему работами на желѣзномъ заводѣ, и большаки ихъ, Андрей Денисовъ, былъ въ желѣзномъ дѣлѣ мастеръ искусный. Но при Петрѣ всѣ несли великую тягость, и коли олоонецкіе раскольники служили работой, то другіе должны были платить хоть деньгами. Государь велѣлъ переписать всѣхъ раскольниковъ, обложивъ ихъ двойнымъ противу православныхъ окладомъ, и тогда пусть молятся по своему безбоязненно. Раскольники не постояли бы за деньгами, но испугались перениси: нельзя будетъ совращать православныхъ, новоприбылые будутъ явны, да и не антихристово ли это ухищреніе? Они стали давать приходскимъ священникамъ взятки, перепись не пошла, Государь сильно разгнѣвался. Тутъ же прислѣло изъ Нижняго Новгорода донесеніе, что раскольники толпами убѣгаютъ въ лѣса и пустыни, совращаютъ православныхъ, укрываютъ бѣглыхъ, разбойниковъ и людей разныхъ чиновъ, причиняя тѣмъ ущербъ государевой казнѣ недоборомъ податей и сборовъ. Петръ этого не спустилъ: стали хватать и ссылатъ на каторгу укрывающихся отъ платежа двойного оклада, а монаховъ и монахинь раскольничьихъ забирать въ монастыри подъ начало. Никакого гоненія за вѣру не было; Петръ не хотѣлъ наказывать за расколъ даже заводчиковъ и приказывалъ ссылатъ только тѣхъ, кото-

рые, кромѣ раскола, какую либо другую вину оказали. Но раскольники этого не понимали или понять не хотѣли, стали добровольно сожигаться и возненавидѣли Петра чуть ли не пуще его отца, особенно послѣ смерти царевича Алексѣя; называли антихристомъ, обвиняли шведомъ, оуждали всѣ его дѣла. Пошли крутыя мѣры, и въ концѣ концовъ вышло то, чего Петръ въ началѣ вовсе не хотѣлъ.

Но и кромѣ раскола въ Русской церкви было во многомъ большое нестроение. Мѣста священнослужителей переходили по наслѣдству и продавались; при многихъ церквахъ поповъ и дьяконовъ было больше потребности, оттого умножалась ихъ скудость и нерадѣніе; случалось, что на свѣтлый праздникъ, при трехъ священникахъ, служили только одну обѣдню на недѣлѣ. Миряне не исповѣдывались зачастую до самой старости, въ церковь ходили рѣдко и пребывали въ ней съ безчиніемъ. Государь старался исправить эти и другіе великіе порядки, но втуне. Люди высшаго духовнаго чина во многомъ не сходились съ мыслями Царя и тайно, а иногда и явно, оуждали разныя его дѣла, особенно коли онъ посягалъ на старинныя льготы духовенства. Государь рѣшился добыть себѣ ревностнаго по церковному управленію пособника и выбралъ для этого ректора кievской академіи Феофана Прокоповича.

Государь зналъ Феофана давно и отмѣтилъ его въ своей памяти особенно послѣ проповѣди, которую Прокоповичъ сказалъ по поводу полтавской побѣды. Феофанъ былъ человекъ просвѣщенный, какихъ въ то время насчитывалось не много; его знали всѣ ученые

люди, особенно въ Германіи. Изъ кіевскаго духовенства онъ одинъ былъ истинно преданъ Петру, обличалъ и оуждалъ старыя порядки и стоялъ за новыя не изъ подслужы Государю, а по совѣсти; съ такими мыслями онъ былъ еще безвѣстнымъ монахомъ. Правда, отличался онъ и большими пороками, былъ пронырливъ, искателенъ, злопамятенъ, жестокъ, но все это въ немъ стало видно послѣ смерти Петра, когда почти всѣ сдѣлались такими же и всякій норовилъ губить другихъ, чтобы самому не погибнуть. Одинъ Феофанъ сходился съ Государемъ въ мысли, что для управленія Русской церковью лучше всего устроить духовную коллегію вмѣсто патріарха. Государь приказалъ посвятить Феофана въ епископы и поручилъ ему написать уставъ духовной коллегіи.

Когда работа поспѣла, Царь ее пересмотрѣлъ, исправилъ, дополнилъ и въ январѣ 1721 года издалъ *регламентъ*, т. е. уставъ. Въ манифестѣ было сказано, что Государь, радѣя объ исправленіи военнаго и гражданскаго чина, долженъ имѣть попеченіе и объ исправленіи чина духовнаго, дабы не быть въ отвѣтъ передъ Господомъ Богомъ. А какъ въ одномъ человѣкѣ не безъ страсти бываетъ, къ тому же власть духовная не наследственная, то нѣтъ лучше способа, какъ установить соборное духовное правительство, которое многія преимущества передъ единичною духовною властію имѣеть. Въ самомъ духовномъ регламентѣ говорилось обо всемъ, что касается вѣры. Преслѣдовалось то, что по невѣжеству боготворила старина; указаны суевѣрія, которыя надо искоренять; предполагено издать особыя книжки для народнаго въ вѣрѣ настав-

ленія; велѣно заводить разныя школы; преподавы архіереямъ и священникамъ ихъ обязанности; упомянуто про нищихъ-тунеядцевъ, про духовныя требы, про раскольниковъ и проч. и проч. Вообще духовный регламентъ есть одинъ изъ самыхъ важныхъ законовъ Петровскаго времени.

Духовная коллегія названа *Святѣйшимъ синодомъ* и должна была состоять изъ 12 членовъ или больше; въ томъ числѣ полагалось три архіерея, а остальные могутъ быть архимандриты, игумены и протопопы. На первыхъ же порахъ синоду пришлось сталкиваться съ сенатомъ и сильными людьми, спорить, ссориться и жаловаться Царю. Но не въ однихъ спорахъ проходило первое время, дѣлалось и дѣло. Синодъ разослалъ указъ, чтобы священники отвращали прихожанъ отъ разныхъ, укоренившихся богопротивныхъ обычаевъ; приказалъ на деньги за продаваемые въ церквяхъ свѣчи строить богадѣльни и призрѣвать тамъ больныхъ нищихъ; разрѣшилъ православнымъ вступать въ браки съ иновѣрцами, лишь бы дѣти отъ этихъ браковъ были православныя, и многое другое.

Пока объявлялись и вводились всѣ эти и многія другія большія и малыя преобразованія, война продолжалась и вмѣстѣ съ тѣмъ на Аландскихъ островахъ (между Швеціей и Финляндіей) велись со Шведами мирныя переговоры. Съ русской стороны договаривались Брюсъ и Остерманъ, со шведской Гиллемборгъ и Герцъ. Герцъ былъ всему этому дѣлу заводчикъ и покровитель, за что Шведы его ненавидѣли и говорили въ голосъ, что онъ измѣнникъ, ибо про-

дался Русскому Царю. Съ самаго начала шведскіе уполномоченные объявили, что король согласится на миръ, если Царь вернетъ ему всё завоеванныя земли, а русскіе отвѣчали, что Царь согласенъ на миръ, если удержитъ за собою все, что отъ Шведовъ завоевано. Потомъ стали другъ другу понемногу уступать, но дѣло волочилось, шло шагъ за шагомъ, а наконецъ и совсѣмъ затянулось, когда въ концѣ 1718 года Карлъ былъ убитъ при осадѣ одного города.

Прямого наслѣдника у Карла не было; приходилось наслѣдовать или сыну старшей его сестры, герцогу Голстинскому, или младшей сестрѣ Ульриксъ-Элеонорѣ. При жизни Карла не разъ ему про это напоминали, но онъ отвѣчалъ: «всегда найдется голова, которой шведская корона придется впору». На счастье Шведовъ дѣло устроилось безъ большого смятенія: на престолѣ сѣла Ульрика-Элеонора, отказавшись отъ самодержавной власти. Герца казнили и рѣшили мириться со всѣми, кромѣ Россіи, а съ Россіей воевать, если Царь не будетъ уступчивѣе въ своихъ спросахъ. Послѣ этого на Аландѣ Шведы стали явно тянуть время, чтобы успѣть покончить мировою съ другими своими непріятелями. Петръ рѣшился пострацать Шведовъ не одними словами, снарядилъ сильный флотъ и въ іюлѣ 1719 года послалъ его къ шведскимъ берегамъ. Генералъ Ласси и адмиралъ Апраксинъ пристали недалеко отъ Стокгольма, въ двухъ мѣстахъ, и вся окрестная страна запылала. Два города, 135 деревень, 40 мельницъ, 16 магазиновъ и 9 желѣзныхъ заводовъ спалены; забрано огромное количество желѣза, людскихъ и конскихъ кормовъ, а чего нельзя было

забрать, то потоплено въ морѣ. Но Шведы все упрямились, и переговоры на Аландѣ были порваны.

Война на время затихла, зато разгорѣлась другая война—на словахъ и на бумагѣ: начались въ Европѣ усиленные переговоры; всякій норовилъ уладить дѣла воюющихъ повыгоднѣе для самаго себя. Не отставали отъ другихъ и посланники Петра; съ ловкостью и выдержкой опытныхъ дѣльцовъ исполняли они волю своего Государя; гдѣ нужно—показывали волчій зубъ, гдѣ нужно—лисій хвостъ. Уже нѣсколько лѣтъ такая война велась между Россіей и Англіей; Англійскій король пытался поднять на Россію другія государства, но безуспѣшно, и тогда для устрашенія Россіи послалъ въ Балтійское море сильный флотъ. И это не помогло; Ласси и Апраксинъ опустошили шведскіе берега, какъ сказано. На слѣдующій годъ англійскій флотъ появился снова. Ожидая на этотъ разъ прямого нападенія, Петръ приказалъ укрѣпить Ботлинтъ; но Англичане не нападали, а только грозили. Тѣмъ временемъ русскіе полки опять высадились въ Швецію, сожгли 2 города, 41 деревню, нѣсколько мельницъ, захватили 14 судовъ и 600 головъ рогатаго скота; кромѣ того князь М. Голицынъ разбилъ небольшую шведскую эскадру при Гренгамѣ.

Послѣ Англіи принялась Франція мирить Петра со Шведской королевой, только безъ угрозъ и запугиванія; но и это не подвинуло дѣла ни на волосъ: Петръ ничего не уступалъ. Шведы увидѣли, что расчетъ Герца—помириться съ Россіей и воевать съ другими—былъ вѣрнѣе, и что все, отданное другимъ для заключенія мира, потрачено даромъ. Пришлось

отложить надежду на чужую помощь и опять завести переговоры съ Царемъ Петромъ.

Въ апрѣлѣ 1722 года въ финляндскій городъ Ништатъ посланы были прежніе уполномоченные, Брюсъ и Остерманъ, и нашли уже тамъ шведскихъ министровъ. Шведы стали объяснять, что прежде противъ Швеціи воевали 4 государства, теперь она съ двумя помирилась, съ Польскимъ королемъ помириться скоро, съ Англійскимъ находится въ союзѣ, стало быть условія мира должны быть новыя. Русскіе на это не соглашались, говоря, что отъ союзниковъ своихъ Россія почти никакой помощи не имѣла; что Царь Петръ можетъ вести войну одинъ; что отъ Англии нѣтъ помощи Швеціи, какъ это видно по прошлымъ годамъ. Завязались длинныя споры; Шведы увѣряли, что скорѣе дадутъ отрубить себѣ обѣ руки, чѣмъ подпишутъ мирный договоръ, какого требуютъ Русскіе. Какъ будто на поддержку имъ англійскій флотъ опять приплылъ въ Балтійское море, однако приходъ этотъ показалъ, что русскіе уполномоченные говорятъ правду. Генералъ Ласси снова высадился на шведскій берегъ, опустошилъ побережье на 300 верстъ, пожегъ 3 городка, 19 приходовъ, 79 мызь, 506 деревень, нѣсколько заводовъ и увелъ много скота.

Шведскіе уполномоченные стали стоворчивѣе, но выгоды своего государства все-таки отстаивали упорно. Лѣто приходило къ концу, переговоры все еще тянулись.

Сентября 3 Государь поѣхалъ по дѣламъ изъ Петербурга въ Выборгъ. На Лисьемъ Носу встрѣтилъ онъ курьера, который скакалъ въ Петербургъ; курьеръ

узналъ Государя и подалъ ему пакетъ съ бумагами. Царь распечаталъ и прочиталъ; то было донесеніе Брюса и Остермана съ мирнымъ договоромъ: Лифляндія, Эстляндія, Ингрія, часть Кареліи съ Кексгольмомъ и часть Финляндіи съ Выборгомъ отходили на вѣчныя времена къ Русскому государству. Петръ съ трудомъ вѣрилъ глазамъ своимъ: Шведы уступили все, о чемъ только онъ думалъ. Такъ какъ время было позднее, то Царь своротилъ въ Дубки и тамъ ночевалъ.

На другой день весь Петербургъ переполошился: Царь неожиданно вернулся на легкомъ суднѣ, плывъ по Невѣ и стрѣлялъ изъ пушекъ, а трубачъ трубилъ. У Троицкой площади собрались толпы народа, пріѣхали и знатныя лица. «Миръ, ребята, миръ», говорилъ Петръ, приставая къ берегу. Радостные крики народа раздались со всѣхъ сторонъ и провожали Государя до Троицкаго собора. Отслушавъ молебенъ, Государь вышелъ на площадь, гдѣ уже стояли кадки съ виномъ и пивомъ. Высшіе чины просили его принять чинъ адмирала отъ краснаго флага, Государь соизволилъ и обратился къ народу съ привѣтствіемъ. «Здравствуйте, православныя», сказалъ онъ: «и благодарите Бога, что онъ прекратилъ долгую войну и даровалъ намъ со Швеціей счастливый вѣчный миръ»; затѣмъ взялъ ковшъ съ виномъ и выпилъ за здоровье народа. Новые громкіе крики поднялись отовсюду, съ крѣпости раздались пушечные выстрѣлы, приведенные на площадь полки стали стрѣлять изъ ружей. По городу поѣхали 12 драгунъ съ бѣлыми перевязями черезъ плечо объявлять о заключеніи мира, передъ ними ѣхали и трубили трубачи.

Петръ двумя письмами благодарилъ Брюса и Остермана за ихъ великую передъ отечествомъ заслугу, а къ Василию Долгорукому написалъ въ Парижъ: «Ученики оканчиваютъ науку обыкновенно въ 7 лѣтъ; наша школа продолжалась втрое дольше, однако, слава Богу, такъ хорошо окончилась, какъ лучше быть нельзя».

Сентября 10, въ 8 часовъ утра, 1.000 ряженныхъ съѣхались на Троицкую площадь. Государь съ ближними людьми былъ въ церкви; когда божественная служба кончилась, онъ вышелъ изъ церкви и самъ ударилъ въ барабанъ. Ряженые мигомъ сбросили съ себя плащи, и площадь запестрѣла разными одеждами. Двинулись всѣ тихимъ ходомъ; Петръ шелъ впереди, одѣтый голландскимъ матросомъ; передъ нимъ три араба-трубача. Государыня шла въ концѣ, одѣтая въ душегрѣйку и юбку изъ чернаго бархата съ обложкой изъ красной тафты, и держала на рукѣ корзинку. Другіе были въ китайскихъ, индійскихъ, испанскихъ, персидскихъ одеждахъ; были тутъ и турки, и католическіе монахи, и жидаы, и древніе воины, даже языческій богъ вина Бахусъ въ тигровой кожи. Веселье тянулось цѣлую недѣлю, по вечерамъ зажигалась иллюминація. Петръ веселился какъ малый ребенокъ, пѣлъ пѣсни, плясалъ по столамъ.

Октября 20 Государь пріѣхалъ въ сенатъ и объявилъ, что, въ благодарность за милость Божію, онъ даетъ прощеніе и свободу осужденнымъ преступникамъ и слагаетъ недоимки, накопившіяся съ начала войны до 1718 года. Недоимокъ было на нѣсколько милліоновъ рублей. Въ тотъ же день сенатъ собрался въ

другой разъ, безъ Петра, и рѣшивъ, какъ слѣдуетъ Государя привѣтствовать и благодарить за великія дѣла, которыя нынѣ завершились миромъ. Октября 22 Петръ былъ у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ со всѣми вельможами. Обѣдня кончилась, стали читать мирный договоръ, уже подписанный Шведскимъ королемъ, мужемъ Ульрики-Элеоноры. За договоромъ говорилъ проповѣдь Феофанъ Прокоповичъ; онъ перечислилъ всѣ совершенные Петромъ подвиги и знаменитыя дѣла и кончилъ тѣмъ, что по справедливости Государь достоинъ назваться Отцомъ Отечества, Императоромъ и Великимъ. Подошли къ Петру сенаторы, отъ ихъ лица канцлеръ графъ Головкинъ держалъ слово. Онъ сказалъ, что единственно Государевыми неусыпными трудами и руководеніемъ Русскій народъ изъ небытія въ бытіе произведенъ и къ обществу европейскихъ народовъ присовокупленъ; того ради сенатъ дерзаетъ, именовъ всѣхъ русскихъ поданныхъ, всеподданнѣйше молить Государя, чтобы онъ принялъ имя Отца Отечества, Великаго и Императора Всероссійскаго. Кончивъ слово, Головкинъ три раза крикнулъ «вивать» (да здравствуетъ), за нимъ подхватили этотъ кликъ сенаторы, за сенаторами войско и народъ, который толпился на площади; раздался колокольный звонъ, литавры, трубы и барабаны, затрещала ружейная пальба, загрохотали пушечные выстрѣлы изъ крѣпости и со стоявшихъ на Невѣ 125 галеръ. Государь отвѣчалъ: «очень желаю, чтобы весь нашъ народъ узналъ, что Богъ прошедшею войною и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ. Надежить Бога благодарить всѣми силами, но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ,

а стараться объ общей пользѣ, дабы народъ получилъ облегченіе». Послѣ того отслуженъ молебенъ, потомъ данъ обѣдъ въ зданіи сената для всѣхъ служащихъ въ офицерскихъ чинахъ; послѣ обѣда Государь раздавалъ медали, затѣмъ былъ балъ и богатѣйшая иллюминація съ фейерверкомъ, какого еще не видали. Но праздники этимъ не кончились: изъ Петербурга Императоръ поѣхалъ въ Москву, и тамъ повторились петербургскія торжества съ маскарадомъ, пирами, иллюминаціями, фейерверками. Кромѣ того былъ устроенъ диковинный въездъ въ старую столицу: двигались на полозьяхъ нарочно-сколоченные небольшіе корабли. Шествіе началось отъ села Всесвятскаго и двигалось по Тверской улицѣ; впереди ѣхала золоченая галера, убранная хитрой рѣзбой; на скамьяхъ сидѣли гребцы съ веслами въ рукахъ. За галерой ѣхалъ трех-мачтовый фрегатъ съ 16 жѣдными пушками и многими матросами, пушки по временамъ стрѣляли, матросы кричали «ура». Дальше двигались корабли съ Государемъ, всей его фамиліей и придворными чинами; царскій корабль, длиною больше 4 сажень, былъ уставленъ 8 пушками; гдѣ можно, паруса помогали лошадямъ. Подъ конецъ тянулись суда поменьше, съ ряжеными. Музыка играла, пушки палили, народъ кричалъ, любуясь на небывалое зрѣлище.

Немудрено, что Государь такъ праздновалъ Ништатскій миръ. Долгая военная школа завершилась миромъ неслыханнымъ, на который вся Европа смотрѣла либо съ завистью, либо съ опасеніемъ. Одинокая Россія, дотолѣ отлученная отъ просвѣщенной Европы, съ боя заняла первое мѣсто на сѣверѣ, согнавъ съ него

Швецію. Прибавилось въ Европѣ новое государство, держава славянская, православная, и съ той поры нельзя ужъ было не знать ее и не слушать ея голоса.

XIII. Петровъ рай.

У Петра Великаго за словомъ сейчасъ же шло дѣло и ладилось скоро, безъ задержки, особенно если оно принадлежало къ важнымъ или любимымъ. Такимъ большимъ, любимымъ дѣломъ было и устройство новой столицы, города Петербурга, который Государь называлъ своимъ *парадизомъ*, т. е. раемъ. Оттого Петербургъ росъ, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ. Въ новый городъ указано переселять людей всякихъ чиновъ и состояній; изъ одной Москвы переселено 12.000 семей. Переселялись дворяне, купцы, ремесленники, ямщики; назначались люди не убогіе, не малосемейные и маломочные, а которые имѣютъ торги, промыслы, заводы, вообще достатокъ.

Что у думочки у красной дѣвицы
 Не дождичкомъ бѣлое лицо смочило,
 Не морозомъ бѣлое личико ознобило.
 Смочило бѣлое лицо слезами,
 Ознобило ретиво сердце кручиной.
 Тужить-плачетъ по миленькомъ дружечкѣ;
 По ласковомъ-привѣтливомъ по словечкѣ:
 Хорошъ-пригожъ мой миленькій уродился,
 Онъ не долго со мною, съ дѣвицей, поводелся:

Какъ сказано милему другу царская служба,
Показана широкая путь-дорожка
Во славному ко городу Петербургу.

Тѣхъ, которые временемъ не ожились на новомъ мѣстѣ и достаткомъ захирѣли, велѣно было отпускать на прежнія мѣста жительства. Многие убѣгали сами, такъ что приходилось иногда отправлять за ними нарочныхъ гонцовъ и вѣрочать назадъ. Селились и своей волей: слуги при господахъ, купцы ради наживы, потому что дороговизна въ Петербургъ была большая; тянули въ новый городъ Шведы и Финны изъ выжженныхъ мѣстъ Финляндіи; поселялись и иноземцы, ради многихъ даваемыхъ имъ льготъ. Добровольныхъ переселенцевъ въ новую, бѣдную и неприглядную сторону конечно было не много, особенно нельзя было считать на рабочій народъ. А въ немъ-то и была большая нужда: строилась крѣпость, надо было строить и другія казенныя зданія. Оттого, начиная съ 1704 года, 15 лѣтъ къ ряду, высылалось въ Петербургъ по 40.000 рабочихъ ежегодно, на двѣ очереди, 20.000 въ каждой очереди на полгода; брали сначала даже изъ Сибири. Рабочіе должны были запастись на дорогу своими харчами, а въ Петербургъ выдавался отъ казны хлѣбъ и деньги, по полтинѣ и по рублю на человѣка въ мѣсяцъ. Дорогой многие разбѣгались, другіе умирали или за болѣзнью отставали, такъ что работало далеко меньше назначеннаго числа; поэтому съ 1710 года работа производилась уже съ подряда, и вмѣсто рабочихъ собирали со дворовъ деньги.

Городъ обстраивался быстро, дома появлялись одни за другими; только все это дѣлалось на скорую руку;

ибо не хватало ни рабочихъ, ни матеріала, а Государь торопилъ. Лѣсу было по Невѣ и въ ближнихъ мѣстахъ много, только больше дровяного, а строевого мало, да и тотъ хилый, ненадежный. Деревянные дома скоро портились, такъ что приходилось ихъ поднимать; отъ стѣнъ дуло, потолки давали течь; часто въ домахъ именитыхъ и знатныхъ лицъ, на пирахъ, капала на пирующихъ съ потолковъ дождевая вода. При большой нуждѣ въ лѣсѣ, сталъ онъ скоро во кругъ города замѣтно рѣдѣть; вышелъ строгій указъ— не рубить въ ближнихъ окрестностяхъ; цѣна на лѣсъ поднялась страшно, строитья стало еще тяжелѣе. Камня тоже не было; съ 1710 года стали строить каменные дома изъ остатковъ крѣпости Нienшанца, заведены кирпичные заводы, одно время по всей Россіи указано было всякія каменные постройки остановить, чтобы каменщиковъ хватило для нуждъ Петербурга.

Земля подъ новымъ городомъ была топъ и болото, въ ненастное время грязь стояла невылазная, надо было мостить улицы. Стали отыскивать булыжный камень кругомъ; указано подводамъ, которыя шли въ Петербургъ съ товарами, и баркамъ, что къ нему плыли, набирать на пути камня въ указанномъ числѣ и сгружать въ городъ. Мощеніе улицъ на Адмиралтейской сторонѣ шло быстро, но мостовая обходилась домохозяевамъ очень дорого.

Сначала городъ былъ заложенъ на правомъ берегу Невы, на нынѣшней Петербургской сторонѣ, гдѣ выстроенъ домикъ Петра; потомъ Государь увидѣлъ, что главной части города лучше быть на лѣвомъ бе-

регу, гдѣ теперь адмиралтейство. Чтобы заохотить селиться сюда, онъ выстроилъ въ углу, между Невой и Фонтанкой, лѣтній для себя домъ, что нынѣ стоитъ (съ прибавками) въ Лѣтнемъ саду, а также Зимній дворецъ вблизи нынѣшняго. Дворцы Государевы были очень невелики, даже въ то время въ Петербургѣ были дома и виднѣе, и больше. Послѣ Государь рѣшилъ—лучшей части города быть на Васильевскомъ островѣ, а на Адмиралтейскомъ—быть казеннымъ постройкамъ. Васильевскій островъ онъ положилъ прорѣзать каналами по образцу Амстердама, богатымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ назначилъ строить тамъ дома по достатку каждаго, и многіе хоромы съ Адмиралтейскаго острова и Московской стороны указалъ перенести на Васильевскій островъ. Дѣло однако двигалось тихо, и Государевы указы оставались безъ исполненія; тогда приказано было раскрыть на домахъ слушниковъ кровли и потолки, до переноса на указанное мѣсто. Но все-таки Государь не добился чего хотѣлъ; уѣхавъ въ чужіе края, онъ долго не былъ въ Петербургѣ, а когда вернулся, то увидѣлъ, что каналы на островѣ прорыты не такъ, какъ указано и вообще все дѣло перепорчено. Онъ принялся было исправлять и передѣлывать испорченное, но работы затянулись, а послѣ него совсѣмъ брошены и каналы засыпаны.

Къ концу царствованія Петра Великаго, Петербургъ такъ уже разросся и устроился, что сталъ по виду молодымъ европейскимъ городомъ. Улицы тянулись широкія, хоть и съ большими пустырями; на Адмиралтейскомъ островѣ всѣ, а въ другихъ мѣстахъ

многія изъ нихъ были вымощены камнемъ. Самая красивая теперешняя улица, Невскій проспектъ, въ то время была длинная пустынная дорога, обсаженная деревьями, съ рошицами и лужайками по сторонамъ; мостили ее и содержали въ порядкѣ плѣнные Шведы. По улицамъ соблюдалась чистота; подѣ страхомъ тяжкихъ наказаній, запрещалось выкидывать на улицы соръ и выпускать домашній скоть, что для русскаго города было большой новинкой. Фонарей уличныхъ не было долгое время; они заведены съ 1721 года и то въ небольшомъ числѣ, но все-таки главные части города уже не покоились по ночамъ въ непроглядной тьмѣ. Не остались въ первобытномъ видѣ и берега Невы; знатная часть берега была убита деревянными сваями, заложена фашинникомъ и завалена землей и мусоромъ. Чтобы сохранить въ цѣлости и исправности лучшую красу Петербурга, многоводную рѣку Неву, было строго наказано выкидывать въ нее пометъ и всякій соръ, и полиціи велѣно смотрѣть за этимъ строго. По малымъ рѣчкамъ и каналамъ не приказано было даже ѣздить зимой, чтобы они не засаривались навозомъ.

Разумѣется, не всѣ приказанія Государевы и не всегда исполнялись, хотя заведена была полиція, данъ ей строгій наказъ и даже поставленъ генералъ-полицейстеръ. Полиціи было дѣла по горло, потому что заводились новые во всемъ порядки; она должна была знать про каждаго пріѣзжаго, про каждаго захворавшаго заразительной болѣзью, осматривать вездѣ печи и бани для предупрежденія пожаровъ, не позволять возамъ становиться гдѣ попало, и многое другое, о

чемъ дотогѣ въ русскихъ городахъ не слыхивали. Оттого полиція была очень строга, не любила со всякимъ чиниться и, по обычаю времени, прибѣгала къ строгой расправѣ: чуть не ежедневно генераль-полицмейстеръ съѣлъ кнутаго челоуѣка 6 и больше. Однако, не до всего она успѣвала доходить: такъ, были въ городѣ слободы, а ни одна улица не имѣла названія, и на домахъ не выставлялись ни номера, ни надписи: прїѣзшему было очень мудрено отыскать чью-нибудь квартиру.

Несмотря на всѣ усилія Петра Великаго заселить Петербургъ, постоянныхъ городскихъ обывателей въ двадцатыхъ годахъ было еще не много, тысячъ 25 или 30. Постройки были больше мазанковыя и деревянныя, но къ тому времени не мало ужъ возведено и прекрасныхъ каменныхъ домовъ, особенно по набережной Васильевскаго острова. На улицы обращено было жильѣ, а конюшни и сараи строились внутри дворовъ. Церквей считалось 25; лучшая—Петропавловскій соборъ въ крѣпости, съ каменной колокольней. Самый великолѣпный домъ въ городѣ принадлежалъ Меншикову, на Васильевскомъ островѣ, съ большимъ садомъ, огороженнымъ богатой рѣшеткой, съ оранжереями и фонтаномъ. Домъ этотъ, съ позднѣйшими постройками, уцѣлѣлъ и донинѣ. Адмиралтейство стояло тамъ же, гдѣ находится и нынѣ; выстроено оно было по чертежамъ и указаніямъ Государя до послѣднихъ мелочей; при адмиралтействѣ были богатые запасы всякаго матеріала, нужнаго на корабельныя работы. Крѣпость строилась съ перваго же года безъ перерыва; къ концу царствованія Петра она на половину была

земляная, на половину каменная. Противъ крѣпости, на Троицкой площади, производились и торжества, и казни. Тутъ, по праздникамъ, выйдя изъ церкви отъ обѣдни, Царь заходилъ въ ближній трактиръ, закусить и выпить чарку водки съ корабельными мастерами и шкиперами. Было и нѣсколько другихъ площадей: на Царицыномъ лугу, какъ и нынѣ, дѣлались войску ученья и смотры; Адмиралтейская площадь оставалась немощеной и лежала зеленымъ лугомъ. Сюда по праздникамъ сходился подгулявшій народъ — мастеровые, рабочіе, крестьяне, и двумя стѣнами заводили кулачные бои, по старому русскому обычаю. Петръ Великій не трогалъ старыхъ обычаевъ, которые не мѣшали новымъ порядкамъ, поэтому полиція петербургская не препятствовала народу тѣшиться кулачными боями:

Рынковъ было нѣсколько; были и ряды съ лавками, и торгъ въ шалашахъ, и носячимъ товаромъ, какъ въ толкучихъ рынкахъ. Полиція смотрѣла, чтобы торговцы съѣстными припасами одѣты были чисто, въ бѣлыхъ «мундирахъ», и торговали свѣжимъ товаромъ, однако правило это не исполнялось. Особенно плохъ былъ рыбный товаръ; въ Невѣ водилось много вкусной рыбы, но живорыбныхъ садковъ не было и въ поминѣ, такъ что на рынкахъ рыба продавалась большею частію сонная, тухлая, вонючая. Подъ Петербургомъ расло гибель грибовъ, бѣдный людъ ѣлъ ихъ во множествѣ, въ соленомъ видѣ, особенно когда дорожалъ хлѣбъ и другіе припасы; а это случалось нерѣдко.

Какъ ни молодъ былъ при Петрѣ городъ, но въ немъ уже завелись разныя школы, больницы, морской

и сухопутный госпитали, богадѣльни; было нѣсколько типографій, большая библіотека, театр, кунсткамера, т. е. палата разныхъ рѣдкостей. Въ кунсткамеру Государь заѣзжалъ часто, потому что былъ большой охотникъ до рѣдкостей; разъ даже принялъ тамъ иноземнаго посланника. Чтобы заохотить петербургскихъ жителей посѣщать кунсткамеру, онъ приказалъ выдавать туда по 400 рублей въ годъ на угощеніе посѣтителей кофеемъ, виномъ, водкой. Театръ Государь не любилъ, но ѣзжалъ туда, въ примѣръ другимъ, и даже велѣлъ въ немъ выстроить для себя и своего семейства особую свѣтлицу. Часто собранія назначались и у самого Государя, въ Лѣтнемъ саду. Садъ былъ гораздо больше нынѣшняго и видалъ въ то время много праздниковъ; тутъ праздновались коронація Государя, годовщина полтавской побѣды, царскія именины. Въ саду били фонтаны, сидѣли по клѣткамъ рѣдкостные звѣри и заморскія птицы; въ оранжереяхъ росли лимоны, апельсины, лавры и другія растенія знойныхъ странъ. Праздникъ начинался обыкновенно часовъ въ 5 дня и тянулся до полуночи. Угощали по старинѣ: хочешь не хочешь, а пей, — ворота на запорѣ. Всѣ веселились, многіе танцевали на галлерей, которая выходила на Неву; гостей собиралось много, были тутъ и духовные, и придворные, и военные, мужчины и женщины, бывала и Царица-хозяйка со всей семьей.

Завелъ Государь въ Петербургъ и ассамблеи, по очереди, у разныхъ извѣстныхъ ему людей. Часа въ три дня являлся генераль-полицмейстеръ Девьеръ, чтобы записывать, кто не пріѣдетъ, потомъ собира-

лись гости, а часовъ въ 6 вечера и Царская фамилія. Въ одной комнатѣ танцовали, въ другой играли въ шашки, въ шахматы, въ третьей курили табакъ, пили пиво, вино и разныя прохладительныя питья. Подъ оглушающій громъ музыки велась и веселая, и дѣловая бесѣда; слышался говоръ на разныхъ языкахъ; шведскіе офицеры, голландскіе корабельщики, русскія красавицы смѣшивались въ одной толпѣ; салныя свѣчи горѣли, тускло въ табачномъ дыму. Государь то бесѣдовалъ съ какимъ-нибудь мастеромъ, купцомъ, сановникомъ, то игралъ въ шашки или шахматы; былъ онъ со всѣми какъ равный, безъ чиновъ, и зорко присматривалъ, чтобы уставъ ассамблеи соблюдался строго. Если кто противъ устава погрѣшалъ, Государь частенько самъ подносилъ *великаго орла* и смотрѣлъ, чтобы виноватый выпилъ его непремѣнно до дна. До полуночи всѣ разъѣзжались по домамъ.

Кромѣ такихъ ассамблей, Петръ Великій придумалъ еще другія, водяныя. Построивъ Петербургъ на многоводной рѣкѣ, у самаго выхода въ море, онъ хотѣлъ приучить петербургскихъ обывателей къ водѣ, сдѣлать ихъ приморскими жителями, не только по названію, но и на дѣлѣ. Поэтому во все царствованіе Петра не было на Невѣ мостовъ; появились охотники строить мосты и сулили богатую пошлину съ проѣзжихъ, но Государь не соглашался. На Фонтанкѣ, противъ Лѣтняго сада, была выстроена верфь для постройки и починки гребныхъ лодокъ и малыхъ парусныхъ судовъ. Суда эти раздавались зажиточнымъ домовладѣльцамъ и достаточнымъ людямъ разныхъ со-

словій даромъ, на вѣчное время, съ тѣмъ, чтобы со-держались всегда въ исправности и чтобы на нихъ хозяева выѣзжали, когда будетъ приказано, на Неву, къ сборному мѣсту, у крѣпости. Такіе сборы бывали почти каждое воскресеніе и по другимъ праздникамъ; собирались по флагамъ, которые выкидывались въ 6 мѣстахъ, и по пушкѣ изъ крѣпости. Кто не выѣзжалъ, тотъ платилъ штрафу 3 р., за второй разъ 6 р., за третій 9 р., что дальше, то больше. Случалось, что невскую флотилію Государь собиралъ и въ будни, когда дулъ хорошій вѣтеръ; штрафъ иногда увеличивался; разъ указано было взять по 50 рублей. Такія собранія на водѣ продолжались часа 3—4; невская флотилія выдѣлывала разныя движенія, на нѣкоторыхъ судахъ играла музыка, другія палили изъ своихъ маленькихъ пушекъ, видъ былъ очень красивый, и народъ толпами смотрѣлъ съ береговъ. Однако охотниковъ до этой забавы было очень мало, а собирались только изъ боязни царскаго гнѣва да штрафа, потому что потѣха становилась иногда тяжелой службой: флотилія выѣзжала изъ Невы на взморье, не смотря ни на крѣпкій вѣтеръ, ни на стужу, ни на ненастье. Такъ, въ 1723 году, 2 октября, Государь собралъ флотилію и самъ повелъ ее къ Котлину. Когда вышли на взморье, наступила ночь, и невольные мореходцы пристали на ночлегъ къ Галерной гавани, у невскаго устья. Утро встало ненастное, крѣпкій вѣтеръ дулъ съ моря, но, по сигналу Государя, всѣ поплыли къ Котлину. Цѣлый день бились неопытные мореходы на расходившемся взморьѣ, кочевья отъ стужи, и только къ вечеру флотиліи

удалось добраться до Котлина. Въ слѣдующемъ году, 8 октября, несмотря на снѣгъ, флотилія отправилась по Невѣ въ Шлюссельбургъ и вернулась только на шестой день.

Государю все это казалось ничемъ, онъ былъ большой охотникъ до водянаго катанья. Бывало, въ началѣ зимы, когда уже стоялъ на Невѣ ледъ, но оставалась большая полынья, Петръ приказывалъ протащить туда лодку и катался по полыньѣ подъ парусами. Катался онъ и зимой по большому расчищенному катку въ парусной лодкѣ, поставленной на полозья.

Петербургу приходилось видѣть Государя и въ работѣ, и въ весельи. Празднества были часты, потому что Петръ любилъ праздновать всякое радостное событіе: годовщины прежнихъ побѣдъ, новыя побѣды, спуски кораблей, именины въ Царскомъ семействѣ и пр. Государь былъ очень бережливъ и въ домашней жизни, и въ государственномъ хозяйствѣ, но на такіе случаи денегъ не жалѣлъ. На пиръ при спускѣ каждаго корабля выдавалось 1.000 рублей, а на фейерверки и на радостную пальбу тратилось и того больше. Петръ рѣдко пирувалъ съ большой компаніей дома, ибо дворцы у него были маленькіе; пиры давались либо въ почтовомъ домѣ, гдѣ теперь Мраморный дворецъ, либо у ближнихъ государевыхъ людей, чаще всего у Меншикова. Въ праздникѣ участвовали не одни пирующие, но и весь народъ, потому что пальба, фейерверки, иллюминаціи, маскарады, разныя торжественныя и потѣшныя шествія видны были всѣмъ. За зрителями дѣло, разумѣется,

не ставало, тѣмъ паче, что зрѣлища бывали совѣмъ необычныя. Такъ, въ 1721 году князь-папа, старикъ Бутурлинь, повѣнчался со вдовою прежняго князя-папы, Зотова; свадебный обѣдъ справляли въ почтовомъ домѣ; Бутурлину приходилось переѣзжать туда черезъ Неву. Поѣздъ былъ изготовленъ самый потѣшный. На плоту изъ бочекъ поставили громадный чанъ съ пивомъ; въ пиво плавала огромная деревянная чаша, въ эту чашу посадили князю-папу. Къ его плоту привязали нѣсколько малыхъ плотовъ, каждый изъ двухъ связанныхъ бочекъ, съ поставленнымъ наверху боченкомъ; на каждомъ боченкѣ сидѣло по потѣшному кардиналу. Весь этотъ поѣздъ поплылъ черезъ Неву; впереди ѣхала лодка, похожая видомъ на морское чудовище; въ лодкѣ сидѣлъ царскій шутъ и длиннымъ трезубцомъ поворачивалъ и колыхалъ чашу съ княземъ-папой. Изъ-за высокихъ краевъ пивнаго чана высывалась одна голова Бутурлина; ему все время была большая забота—какъ бы не опрокинуться и не нырнуть въ пиво; кардиналамъ было еще страшнѣе, они легко могли слетѣть съ маленькихъ плотовъ въ Неву. Когда поѣздъ причалилъ къ берегу, князь-папа никакъ не могъ приловчиться, чтобы выбраться изъ чана; какъ только онъ поднимался на ноги, чаша колыхалась и грозила черпнуть крайемъ или опрокинуться. Его подхватили подъ руки и стали высаживать, но будто невзначай упустили, такъ что онъ все-таки окунулся въ пиво.

Много и другихъ потѣшныхъ зрѣлищъ доводилось видѣть петербургскимъ обывателямъ; въ выборѣ забавъ Петръ былъ вообще очень неразборчивъ. Въ Петер-

бургѣ какъ-то показывалъ свою силу заѣзжей силачь. Разъ онъ объявилъ по городу, что покажетъ невиданныя штуки и что на представленіи будетъ Царская фамилія и дворъ. Плата собрана была двойная, наѣхало любопытныхъ много. Вдругъ имъ объявляютъ, что сегодня 1 апрѣля, и, по царскому повелѣнію, представленія не будетъ.

Петербургцы видѣли Государя безпрестанно, потому что онъ не любилъ сидѣть дома; ѣздилъ въ адмиралтейство, въ сенатъ, посѣщалъ разныхъ мастеровъ, фабрикантовъ, купцовъ, приходящіе корабли. Ѣздилъ онъ и къ самымъ простымъ бѣднымъ людямъ; всякій, кто собирался строить въ Петербургѣ домъ, могъ просить Петра Великаго на закладку, и Государь не отказывалъ. Просили также на крестины, на свадьбы; Государь ѣхалъ, когда можно. Разъ онъ отправлялся куда-то на званый обѣдъ; встрѣтился ему простой матросъ и сказалъ: «Богъ далъ мнѣ сына, а тебѣ, Государь, матроса; удостой посѣтить и окрестить». Государю надо было торопиться, но узнавъ, что матросъ живетъ недалеко и что все къ крестинамъ готово, онъ поѣхалъ, былъ воспріемникомъ, выпилъ рюмку водки, закусилъ пирогомъ съ морковью, поцѣловалъ родильницу въ губы, положилъ ей подъ подушку два цѣлковица и отправился на званый обѣдъ.

Одѣвался Государь всегда въ простой суконный кафтанъ, ходилъ зачастую въ заплатанныхъ сапогахъ и принаряжался лишь въ праздники, особенно на свадьбы. Ѣздилъ онъ водою, чаще всего въ открытой лодкѣ, по суху—въ двуколкѣ. Однажды петербургцы глазамъ не повѣрили, встрѣтивъ Государя въ богатой

каретъ, запряженной шестерикомъ; за нимъ скакалъ отрядъ гвардіи. Это онъ ѣхалъ встрѣтить двухъ посланниковъ, кн. Долгорукаго и гр. Головкина, которые возвращались изъ Парижа и Берлина, исполнивъ ревностно, искусно и разумно государеву службу. Онъ встрѣтилъ ихъ за нѣсколько верстъ отъ города, посадилъ въ свою карету на первыя мѣста, главными улицами повезъ во дворецъ, куда заранѣе собрались сановники, и здѣсь передъ всѣми благодарилъ ихъ за службу.

Петербургъ росъ и устраивался быстро, но Россіи обходилось это не дешево. Край былъ бѣдный, безлюдный; городъ не могъ своими способами ни обстраиваться, ни кормиться, а кромѣ города отстраивались и окрестныя мѣста: Петергофъ, Котлинъ и другія. Государь очень заботился, чтобы населить Ингрію; даже бѣглые крестьяне, сюда забравшіеся, не выдавались прежнимъ помѣщикамъ. Переводились отовсюду служилые всякихъ чиновъ люди и получали землю съ крестьянскими дворами. Но земля все-таки заселялась медленно, и подгородныя мѣста лежали, болѣею частію, пусты; даже для почтовой гоньбы строились особые дворы, потому что жилья не было. Оттого привознаго хлѣба требовалось много и часто не хватало; бѣднымъ и рабочимъ людямъ приходилось кормиться капустой да рѣпой, подолгу не видя хлѣба. Отъ нужды и безкормицы разводились болѣзни, люди умирали во множествѣ; при постройкѣ крѣпости и на другихъ казенныхъ работахъ Петербурга, въ царствованіе Петра, погибло не меньше 100,000 человекъ. Чтобы облегчить подвозъ къ городу хлѣба и всего

нужнаго, Государь рѣшилъ соединить Неву съ Волгой непрерывнымъ водянымъ путемъ и приказалъ вырыть Вышневолоцкій каналъ отъ р. Цны до р. Тверцы. Но этого было мало; Ладожское озеро издавна славилось своими бурями, на немъ ежегодно тонула третья часть судовъ; особенно несчастливъ былъ 1718 годъ, когда погибло больше 1.000 барокъ. Въ такихъ случаяхъ Петербургу приходилось голодать, поджидая харчевыхъ припасовъ саннымъ путемъ за 1.000 и за 1.500 верстъ. Чтобы обойти Ладожское озеро, Государь велѣлъ отъ Волхова до Невы копать каналъ.

Что не гуси, братцы, и не лебеди
 Со лузей-озеръ подымались;
 Подымались добрые молодцы
 Все бурлаки понизовые
 На канавушку на Ладожску,
 На работу государеву.

Работы начались въ 1719 году, работало ежегодно по 12.000 крестьянъ, а иногда и солдаты; отъ нужды и болѣзней перемерло много, но при жизни Петра кончить каналъ все-таки не успѣли, потому что вышелъ онъ длиною больше 100 верстъ.

Мы канавушку копали,
 Все ю проклинали:
 На канавушку на коняхъ,
 А съ канавушки-то пѣши.

Другая бѣда была Петербургу отъ моря. Какъ подуетъ крѣпкій вѣтеръ противъ теченія Невы, рѣка начинаетъ вздвигаться, выступаетъ изъ береговъ и залиываетъ городъ. Въ низкихъ мѣстахъ вода выступала

чуть не каждый годъ, иногда нѣсколько разъ въ году, особенно осенью. Бываетъ это и въ наше время, но меньше прожняго, потому что уровень рѣки былъ прежде выше, земля отъ строительнаго мусора и отъ мощенія мало-по-малу возвысилась, и многіе каналы отводятъ прибывающую при наводненіяхъ воду. Въ старину почва была ниже, и до сихъ поръ въ памяти еще сохранились названія урочищъ — Мокруша, Бугорки, Козье болото. Въ 1706 году залило Петербургъ такъ, что въ хорошахъ у Государя стояла вода на $\frac{3}{4}$ аршина выше пола. Въ 1713 году было два наводненія, въ 1715—одно; въ 1721 году вода размыла сады, снесла и разрушила многіе дома; товары, сложенные въ подвалахъ, были перепорчены; убытковъ насчитывалось на 7 миллионъ рублей. По улицамъ во время наводненія почти вездѣ можно было проѣзжать на лодкахъ. Вышелъ указъ, чтобы при прибыли воды угонять скотину въ лѣсъ, на высокія мѣста; выводили туда даже лошадей съ царской конюшни. Въ 1723 году было новое наводненіе, вода поднялась еще выше.

Петербургскимъ жителямъ приходилось держать ухо востро, а потому при каждой прибыли воды подымалась между ними тревога. Этимъ иногда пользовались недобрые или темные люди и увеличивали переполохъ. На Троицкой пристани въ то время расла большая осина или сосна; въ Петербургѣ ходила молва, что до заложения города, въ 1701 году, въ ночь на Рождество, чухны замѣтили на этомъ мѣстѣ большой свѣтъ, будто пожаръ. Они отправились на пожаръ и увидѣли, что на деревѣ по всемъ сучьямъ горятъ восковыя свѣчи. Чухны насадили топоръ на длинную

жердь и стали рубить нижній сукъ; когда зарубка была уже велика, свѣтъ вдругъ угасъ и свѣчи пропали. Басней этой заручился одинъ крестьянинъ и въ 1720 году сталъ пророчить, что 23 сентября нахлынетъ съ моря вода, подыметъ по самую зарубку на деревѣ и смоетъ весь городъ за новыя, басурманскіе порядки. Наводненія не было, и прорицателю досталось порядкомъ, а дерево Государь велѣлъ срубить.

Кромѣ зла отъ воды, терпѣлъ Петербургъ и обычныя на Руси бѣды отъ огня: не проходило недѣли безъ пожара. Пожарная команда была, однако, на славу: въ нее входили и солдаты, и плотники, и чиновные люди; всѣ были расписаны по очередямъ и каждый долженъ былъ являться на пожаръ съ топоромъ, ведромъ или инымъ снарядомъ, по росписанію. Бѣда грозила тому, кто отъ пожарной службы отгуляетъ. Самъ Государь являлся на пожары и работалъ своеручно въ такихъ опасныхъ мѣстахъ, что вчужѣ дрожь принимала. Одинъ очевидецъ-иноземецъ записалъ, что такую исправную пожарную команду, какъ въ Петербургѣ, трудно было найти гдѣ-либо въ Европѣ. Оттого хотя горѣло въ Петербургѣ часто, но почти никогда не сгорало больше двухъ домовъ разомъ.

Въ Петербургѣ проживало или работало много простого народа, стянутого съ разныхъ мѣстъ. Между этими людьми, конечно, попадались ненадежные, а нужда и безкормица еще разводили мошенниковъ. Воровали на рынкахъ, днемъ срывали съ прохожихъ шапки, поджигали дома, ночью выволакивали изъ могилъ покойниковъ и обдирали ихъ, а отъ полиціи укрывались въ сосѣднихъ лѣсахъ. Поэтому, для всеобщей охраны,

поставлены были по концамъ каждой улицы шлагбаумы, опускали ихъ на ночь съ 11 часовъ до утренней зари, и пѣшеходовъ безъ фонарей не пропускали, кромѣ лѣкарей, священниковъ и повивальныхъ бабокъ. Небезопасно было на улицахъ и отъ звѣрей. Въ окрестныхъ лѣсахъ водились медвѣди, волки, рыси и забѣгали въ городъ. Въ 1714 году волки съѣли часового у Литейнаго двора, другого искалѣчили такъ, что онъ умеръ. Нѣсколько времени спустя, волки же напали на одну женщину и заѣли ее днемъ, невдалекѣ отъ дома Меншикова.

Не очень былъ похожъ Петербургъ на *рай*, какъ его величалъ Петръ Великій; но для Петра онъ, по духу, былъ подлинно раемъ. Въ давнее время великій князь Кіевскій, Андрей Боголюбскій, бросилъ Кіевъ и заложилъ на новой землѣ новый городъ, чтобы уйти отъ вѣчевыхъ обычаевъ и порядковъ и завести иные порядки, княжескіе, властительные. Петръ Великій заложилъ на дальнемъ, непріютномъ морскомъ побережьи новый городъ, чтобы уйти отъ закоренѣлой невѣжественной старины, насадить новые порядки, взискать науку, войти въ Европу. На новомъ мѣстѣ люди со всякой новизной сживаются легче, потому что и вынесенная туда старина становится какъ будто пришлою. Это сбылось на Петербургѣ: новые обычаи и порядки тамъ принимались скорѣе, чѣмъ въ Москвѣ; люди сживались съ ними легче, чѣмъ въ глубинѣ Россіи. Въ Петербургѣ не приходилось ничего передѣлывать, а все дѣлать на-ново, что гораздо легче, скорѣе и спорѣе. На невскихъ болотахъ вѣяло обновленіемъ, и чрезъ это они стали для Петра земнымъ раемъ. Разу-

мѣется, всякія новинки и тутъ далеко въ глубь Русскихъ людей не проникали, а видны были больше снаружи; несмотря на это, Петербургъ значилъ очень много: онъ сдѣлалъ обновленіе Россіи крѣпкимъ не только при Петрѣ, но и послѣ него. Прозорливый Государь понималъ это, сдѣлалъ потому новый городъ столицей и старался о его благоустройствѣ и украшеніи всячески, не ская никакими мелочами. Замѣтивъ, что по берегамъ Невы мало слышно пѣвчихъ птицъ, онъ приказалъ закупить ихъ въ Москвѣ и окрестностяхъ, привезти въ Петербургъ и выпустить на волю. Чтобы деревянные дома въ Петербургѣ были прочнѣе и теплѣе, онъ велѣлъ мшить ихъ обвареннымъ въ кипяткѣ мхомъ. Никакія заботы Петра о Петербургѣ не были лишними, потому что почти ни у кого, даже изъ его близкихъ людей, не лежало сердце къ новой столицѣ. Одни не любили ее потому, что не любили нововведеній Петра, и хотя тайно, но упорно ихъ оуждали. Другіе не жаловали Петербургъ потому, что привыкли жить по своему праву, а тутъ во всемъ было стѣсненіе и неволя: городская жизнь съ сухопутными и водяными ассамблеями и другими порядками смахивала на службу. Третьимъ было тяжело по малому достатку; въ деревнѣ, на всемъ готовомъ, прокормиться было нетрудно, а въ Петербургѣ все приходилось покупать за деньги, все было въ тридорога, даже противъ Москвы. Всѣмъ не понутру приходился новый городъ, всѣ почти желали ему гибели и говорили укорительно, что Государь нарядилъ Петербургъ въ сапоги и вызолотилъ, а Москву обулъ въ лапти. Долго, лѣтъ 20 послѣ Петра, люди съ са-

модурскимъ обычаемъ и распущенными привычками чувствовали себя въ Петербургѣ не дома и выискивали случая, какъ бы выбраться оттуда вонъ.

XIV. Послѣдніе годы.

Россія занимаетъ середину между Европой и Азіей; для торговыхъ дѣлъ такое срединное положеніе выгодно. Петръ это понималъ; заводя торговлю Россіи съ Европой на западѣ, онъ, несмотря на тяжелую войну, заботился о томъ же на востокѣ. Для этого отправлялъ онъ посланниковъ въ далекій Китай и приказалъ снарядить отрядъ въ Хиву и Бухару, подъ начальствомъ князя Черкаскаго. Черкасскому наказано было развѣдывать о песочномъ золотѣ, о пріятныхъ зельяхъ и другихъ товарахъ; разузнавать, какъ текутъ и куда впали рѣки; рѣку Аму-Дарью пустить, коли можно, въ прежнее русло, чтобы русскимъ торговцамъ былъ изъ Каспійскаго моря водяной путь въ середину Азіи; отправить надежнаго купчиву въ Индію, для распознаванія пути. И многое другое было наказано Черкасскому; Петръ Великій задумалъ о томъ, что совершается лишь въ наше время, черезъ 150 лѣтъ. Князь Черкасскій съ 3.000 человекъ добрался безъ малаго до Хивы, но ханъ Хивинскій обманомъ залучилъ его въ свои руки, отрубилъ голову, снялъ кожу и, набивъ ее травой, выставилъ у воротъ; другихъ русскихъ людей разобрали Хивинцы. Черезъ

3 года, въ 1720 году, ханъ отправилъ къ Петру Великому посланца съ грамотой; Государь велѣлъ посланца засадить въ крѣпость, гдѣ онъ и умеръ.

Попытка Государева кончилась ничѣмъ въ Средней Азiи; онъ обратился въ другую сторону, къ Персiи, и рѣшился закрѣпить за собою Каспійское море. Теперь, когда большое дѣло было сдѣлано, т. е. въ Балтійское море открытъ Русскимъ свободный путь, можно было перейти и на дѣло, хоть не такое важное, но все-таки для Россiи полезное. Каспійское море было Русскимъ знакомо издавна, а съ 1717 года имъ вольно было торговать во всей Персiи, по особому договору. Но въ Персiи стояла смута, изъ года въ годъ выростая, и дошла до того, что бунтовщики взяли столичный городъ Персiи, Испагань. На Кавказѣ въ то время владѣли многіе мелкіе ханы и князьки; не боясь шаха, двое изъ нихъ напали на персидскій городъ и разграбили въ немъ богатые дома. Досталось и Русскимъ; ихъ лавки въ гостинномъ дворѣ были разграблены, приказчики прогнаны, иные побиты; убытку купцы понесли на полъ-милліона. Государь ухватился за этотъ предлогъ и велѣлъ, не медля, послать туда войско, чтобы сосѣдка Персiи, Турцiя, не успѣла захватить берега Каспійскаго моря. Мало того, онъ рѣшилъ отправиться на войну самолично. вмѣстѣ съ Екатериной выѣхалъ онъ изъ Москвы въ маѣ 1722 года; до Коломны ѣхалъ сухимъ путемъ, а потомъ все водою, по Москвѣ, Огѣ и Волгѣ. Дорогой онъ часто останавливался; осматривалъ фабрики, заводы, достопримѣчательныя мѣста, обѣдалъ у архіереевъ и другихъ извѣстныхъ ему людей; въ Астрахани про-

былъ съ мѣсяць, поджидая войско, потомъ поплылъ съ флотомъ въ Каспійское море и черезъ нѣсколько дней высадился на берегъ въ Аграханскомъ заливѣ.

Военныя дѣла были нетрудныя и некровопролитныя, но много пришлось Русскимъ вытерпѣть отъ безъормицы и отъ страшныхъ жаровъ. Человѣкъ 300 захворало отъ солнечнаго удара; отданъ приказъ — не ходить безъ шляпъ, не ложиться на голой землѣ, спать только подъ кровлей. Жара была такъ велика, что Государыня остригла себѣ голову. Потомъ пришло несчастье: бурей попортило грузовыя суда и подмочило муку, другія суда съ провіантомъ не пришли. Государь оставилъ въ занятомъ городѣ Дербентѣ гарнизонъ, остальнымъ войскамъ велѣлъ идти назадъ, въ Астрахань, а самъ вернулся въ Москву. Въ слѣдующемъ году Персіане были побиты полковникомъ Шиповымъ, и генералъ Матюшкинъ взялъ городъ Баку. Шахъ Персидскій уступилъ Петру города Дербентъ и Баку съ областями Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ, а Петръ обѣщалъ пособлять ему своимъ войскомъ въ войнѣ съ мятежниками.

Недолго Государь пробылъ въ персидскомъ походѣ, но въ это время успѣла встать рознь между людьми высокими, въ самомъ сенатѣ. Меншиковъ захватилъ много лишнихъ земель и людей къ своему новопоза-лованному имѣнію въ Малороссіи; Шафировъ противъ этого возсталъ, Скорняковъ-Писаревъ вступился за Меншикова; поднялись брань, крики, укоры. Шафировъ правду отстоялъ, но зато самъ попался на другомъ: захотѣлъ назначить брату лишнее противъ закона жалованье. Это ему не удалось; съ досады Ша-

фировъ началъ заводить въ сенатѣ споры и брань, говорилъ Меншикову и другимъ укорительныя и обидныя слова и вообще поступалъ крайне непристойно. Завязалось дѣло нешуточное, полетѣли къ Государю и Государынѣ письма, жалобы и доносы. Государь пріѣхалъ недовольный и приказалъ рассмотреть все дѣло особому высшему суду. Судъ раскрылъ разныя другія вины Шафирова и приговорилъ его къ смертной казни.

Казнь назначена была на 15 февраля 1723 года; весь Бремль былъ набитъ народомъ. Шафирова привезли въ простыхъ саняхъ и старой шубѣ, взвели на помость, прочитали смертный приговоръ, сняли парикъ и шубу; Шафировъ нѣсколько разъ перекрестился, сталъ на колѣни и положилъ голову на плаху. Палачъ взмахнулъ топоромъ и ударилъ въ дерево; кабинетъ-секретарь Макаровъ объявилъ, что Государь, во уваженіе заслугъ Шафирова, даруетъ ему жизнь и замѣняетъ ему смертную казнь ссылкой въ Сибирь. Шафировъ поднялся на ноги; онъ былъ очень тученъ, и отъ сильнаго душевнаго потрясенія грозила ему смерть кровянымъ ударомъ, но лѣкаръ во-время пустилъ ему кровь. «Лучше бы открытъ мнѣ большую жилу, чтобы разомъ избавить отъ мученія», сказалъ убитый горемъ Шафировъ. Многіе отъ всей души его жалѣли, особенно иноземные посланники, потому что хотя былъ онъ человѣкъ черезъ мѣру горячій, но хорошій и умный, и на слово его можно было положить какъ на каменную гору.

Не надъ однимъ Шафировымъ стряслась бѣда: Скорняковъ-Писаревъ разжалованъ въ солдаты; у Дол-

горукова и Голицына, сторонниковъ Шафирова, отняты чины, сказанъ имъ домовый арестъ и наложенъ денежный штрафъ. Но Государь помнилъ службу всѣхъ этихъ людей и уменьшилъ наказаніе. Шафирова вмѣсто Сибири послали въ Новгородъ и держали подъ строгимъ присмотромъ; онъ жилъ тамъ въ большой бѣдности, получая съ семьей по 33 коп. въ день. Скорняковъ-Писаревъ посланъ смотрѣть за работами на Ладожскомъ каналѣ; ему скоро данъ чинъ полковника и возвращена половина отобранныхъ деревень. Долгорукій и Голицынъ получили назадъ свои чины и выпущены изъ подъ караула, а потомъ прощена имъ большая доля денежнаго штрафа.

Грозилъ бѣда и князю Меншикову, который больше другихъ былъ нечистъ на руку. Открывались его вины по захвату земель и людей въ Малороссіи, за ними вслѣдъ сказались и другія. Меншиковъ бросился къ Государынѣ, Екатерина сильно умоляла за него Государя. Петръ сказалъ: «Меншиковъ въ беззаконіи зачатъ, во грѣхахъ рожденъ и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой», однако простилъ его и на этотъ разъ, ради великихъ его заслугъ. Попался еще одинъ большой человекъ, оберъ-фискаль Нестеровъ. Онъ былъ поставленъ для искорененія всякихъ неправдъ, а самъ дѣлалъ великія беззаконія и бралъ многія взятки. Его приговорили къ смертной казни и казнили.

Пріѣхавъ изъ Москвы въ Петербургъ, Государь задумалъ отпраздновать какъ бы совершеннолѣтіе русскаго флота, который родился у всѣхъ на глазахъ и въ короткое время выросъ въ грозную силу. Прика-

зано было привести ботикъ, на которомъ Петръ въ дѣтскіе годы началъ плавать по водѣ. Въ августѣ 1723 года у Броншлота вытянулся весь флотъ; Государь провезъ ботикъ-дѣдушку по рядамъ кораблей и галеръ, его встрѣчали и провожали неумолчной пальбой, матросы кричали «ура». Зрѣлище завершилось веселымъ пиромъ.

Два мѣсяца спустя происходило на Ботлигѣ другое торжество — закладка крѣпости. Отслужено молебствіе и будущая крѣпость наречена Бронштадтомъ; первыя три дернины положилъ самъ Государь, другія три — Государыня, за нею стали власть остальные; все время гремѣла пушечная пальба съ Броншлота.

Въ слѣдующемъ году было въ Петербургѣ церковное торжество: перенесены мощи св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. На берегахъ Невы святой князь заслужилъ прозваніе Невскаго; тутъ же приличествовало почивать и мощамъ его. Изъ Владимира они были привезены въ Шлюссельбургъ; для перенесенія ихъ въ Петербургъ Государь назначилъ 30 августа 1724 года. Три выстрѣла изъ крѣпости оповѣстили жителей столицы, невская флотилія стала собираться къ монастырю. Въ часъ дня показалась богато разукрашенная галера съ мощами; она причалила къ берегу, и Государь, вмѣстѣ съ сановниками, поднялъ раку и вынесъ на сушу. Съ тѣхъ поръ мощи благовѣрнаго князя и покоятся въ Александро-Невской Лаврѣ. На другой день въ монастырѣ былъ большой обѣдъ; послѣ обѣда вся невская флотилія, а впереди ея на дѣдъ-ботикѣ Петръ, поплыла внизъ по рѣкѣ.

Доплывъ до крѣпости, Государь сдалъ туда ботикъ; тутъ онъ хранится и донинѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Государь въ послѣдній разъ побывалъ въ Москвѣ, тоже на большомъ торжествѣ. Петръ Великій давно уже вопелъ въ годы, когда человѣку нужна семья, чтобы отдыхать тѣломъ и душой отъ трудовъ и заботъ, и находить дома миръ и успокоеніе послѣ тревогъ и безпокойствъ. Этотъ покой онъ нашелъ, благодаря уживчивому, покладистому и гибкому нраву Екатерины. Съ такимъ мужемъ, какъ Петръ I, женѣ трудно ладить, но Екатерина ладить умѣла, знала, чѣмъ угодить, приспособилась къ его крутому нраву, не перечила безъ пути ни въ какой малости, знала свое мѣсто и въ тѣ дѣла, въ которыя ей входить не подобало, не вмѣшивалась. Оттого Петръ полюбилъ ее крѣпко и съ годами такъ къ ней привязался, что стала она ему нужна не только по сердцу, но и по разуму. Онъ называлъ ее «другъ мой сердечненькій, Катеринушка», скучалъ безъ нея; одна Екатерина умѣла его успокоить, уговорить, смѣнить гнѣвъ на милость. У Петра бывали припадки гнѣва, которые наводили на всѣхъ ужасъ; передъ припадкомъ лицо его и особенно ротъ подергивались судорогой. Тогда Екатерина ласково сажала его подлѣ себя, брала за голову и слегка ее почесывала; онъ засыпалъ, а она сидѣла часа два, не шевелясь: Петръ просыпался совершенно здоровый. Вообще Екатерина сдѣлалась для Петра необходимой, и онъ вознамѣрился отблагодарить ее за все добро, которое она ему приносила. Въ ноябрѣ 1723 года издавъ онъ манифестъ, въ кото-

ромъ сказано, что въ минувшую войну Екатерина была великою помощницею Государю въ его трудахъ, во многихъ военныхъ дѣйствіяхъ своей охотою находилась, а въ прутскомъ походѣ даже не по-женски, а по-мужски поступала; того ради, по обычаю христіанскихъ государствъ, онъ, Петръ, хочеть свою супругу короновать.

Это было новизной; дотолѣ ни одна русская царица, кромѣ Марины Мнишекъ, жены Дмитрія Самозванца, не короновалась. Торжество происходило въ Москвѣ, 7 мая 1724 года. Наканунѣ Петръ зашелъ съ нѣсколькими сенаторами къ одному английскому купцу, засталъ тамъ многихъ знатныхъ духовныхъ и во время угощенія сказалъ, что коронуеть Екатерину для того, чтобы дать ей право на управленіе государствомъ. На другой день совершилась коронація. Когда Петръ возложилъ на Екатерину корону, слезы потекли изъ глазъ Государыни; принимая правой рукой державу, она лѣвою хотѣла обнять и поцѣловать колѣни своего супруга-Государя. Такъ свидѣтельствуеть одинъ иноземный посланникъ, и этому повѣрять можно, потому что Екатеринѣ выпала безпримѣрная судьба, и всѣмъ она была обязана Петру Великому. Послѣ коронаціи потянулся цѣлый рядъ богатыхъ праздниковъ. Когда Государь собрался съ Государыней въ Петербургъ, то было приказано всѣмъ знатнымъ лицамъ, кои въ Москву не имѣли службы, даже дамамъ и дѣвицамъ, ѣхать туда же, а московскому коменданту велѣно понуждать ихъ къ выѣзду. Петръ Великій, какъ видно, рассчитывалъ долго не возвращаться въ Москву; ему суждено было не вернуться въ нее вовсе.

Отъ внутреннихъ государственныхъ дѣлъ вниманіе Государя не отрывалось попрежнему, даже больше прежняго; Петръ работалъ будто на-спѣхъ. Многое изъ нововведеннаго раньше, обозначилось и дало слѣдъ. Обозначилось, между другими, дворянское сословіе, по тогдашнему «шляхетство». До Петра дворянства не было, а были «служилые люди», обязанные государю служить, за что и получали государево пожалованіе — помѣстья и вотчины. На службу они вызывались когда грозила война, въ мирное же время и ради разныхъ гражданскихъ дѣлъ, они надобились только по временамъ, да и то въ числѣ не очень большомъ. И хотя были они крѣпки службъ, но зачастую отъ нея отлынивали, особенно отъ военной, такъ какъ проживать въ деревняхъ было и выгоднѣе, и спокойнѣе. Для Петра такіе порядки не годились, ибо при немъ на долю каждаго выпадало работы гораздо больше, чѣмъ при прежнихъ государяхъ. Онъ потребовалъ, чтобы служилые люди, составившіе изъ себя шляхетство, находились при государевомъ дѣлѣ не по временамъ только, а постоянно, и въ мирное, и въ военное время. Одни должны были итти въ ученье, другіе въ военную службу, третьи — вести гражданскую службу по выборамъ. Въ военную службу дворянинъ поступалъ рядовымъ солдатомъ, какъ послѣдній крестьянинъ, чего прежде не водилось, да еще съ 15-лѣтняго возраста. Вообще дворянство не только льготъ противъ другихъ сословій не имѣло, а еще во многомъ ему приходилось тяжеле, чѣмъ другимъ. Даже крѣпостными крестьянами владѣли не одни дворяне; это сдѣлалось дворянской привилегіей гораздо послѣ

Петра. За гулящими дворянами смотрѣлось строже, чѣмъ за простыми тяглыми людьми, потому что дворянъ было мало, а работы для нихъ много. Чтобы они не отлынивали отъ службы, Государь даже учредилъ особую должность, *герольдмейстера*. Въ 1721 году приказано было переписать всѣхъ дворянъ, состоящихъ не у дѣлъ, и велѣно имъ прибыть въ Москву или Петербургъ къ новому году. Кто не явился, имена тѣхъ были вывѣшены на висѣлицахъ, съ барабаннымъ боемъ. Стало быть, дворянское сословіе сдѣлалось тяглымъ больше, чѣмъ прежніе служилые люди, хотя тягло его разумѣется было, какъ и прежде, иное, чѣмъ у другихъ сословій.

Подобно дворянству, обозначилось и новое положеніе крестьянства. До Петра оно было крѣпко землѣ, на которой сидѣло и съ которой сходили подати, а теперь сдѣлалось крѣпко владѣльцамъ, землю которыхъ обрабатывало. По злоупотребленіямъ, вошедшимъ мало-по-малу въ обычай, такъ было на самомъ дѣлѣ и до Петра, но теперь этотъ обычай сталъ закономъ, послѣ ревизіи, сдѣланной по указу Государя 1719 года. Податныхъ сосчитано безъ малаго 6 милліонѣвъ душъ, въ томъ числѣ 172.000 купечества, да неподатныхъ около 2 милліонѣвъ, изъ коихъ дворянъ четвертая доля. Тягло сошло съ земли и перешло на крестьянина, т. е. введена подушная подать, дабы въ захребетникахъ никто безъ тягла не жилъ, чтобы не было избылыхъ, гулящихъ. Сдѣлалась ревизская сказка для народа тѣмъ же, что герольдмейстерскіе списки для дворянства. Какъ владѣльцы должны были служить государству, такъ и подданные ихъ тоже. Стала

крестьянская неволя крѣпче и тяжеле прежняго, но казалось это не сразу, а только послѣ Петра, который насильникамъ не мирволилъ, и новыя тяготы на крестьянъ добавлять не позволялъ, потому что довольно было на нихъ и безъ того повинностей.

Въ числѣ новыхъ повинностей была рекрутская; она началась при Петрѣ давно, въ 1705 году, и что дальше, то больше ширилась, ибо стали брать въ рекруты Мордву, Черемись, Татаръ; брали и изъ солдатскихъ дѣтей, кто годенъ. Отъ рекрутства избавилъ Государь лишь купечество, но, по своему обычаю, не даромъ, дабы не льготить однихъ въ ущербъ другимъ: купечество должно было платить по 100 руб. за рекрута,—по тогдашнему времени деньги большія.

Надъ воими людьми и ихъ дѣлами ставилъ Петръ Великій законъ; всю свою самодержавную власть употреблялъ онъ на то, чтобы вмѣсто стариннаго произвола, насилій и неправдъ, ввести въ своемъ государствѣ прямую и нелицепріятную силу закона. Онъ говорилъ: «всеу законы писать, когда ихъ не хранить или ими играть какъ въ карты, прибирая масть къ масти». Видя, что неправды и беззаконія все-таки велики, Государь установилъ при сенатѣ *генераль-прокурора*, который долженъ былъ смотрѣть за исполненіемъ сенатомъ законовъ и останавливать несправедливыя распоряженія. Генераль-прокуроръ служилъ какъ бы связью между сенатомъ и Государемъ; Петръ называлъ его своимъ «окомъ». Для такого же надзора за коллегіями и другими присутственными мѣстами установлены должности *прокуроровъ*. Однако Государь не самъ назначилъ генераль-прокурора и

прокуроровъ, а велѣлъ выбрать ихъ сенату, ибо имѣлъ въ него большую вѣру и въ 1722 году еще расширилъ его права и преимущества.

Денегъ на государственныя надобности постоянно не хватало, а въ 1722 году случился еще большой хлѣбный недородъ, такъ что люди стали умирать съ голода. Чтобы удержать въ казнѣ больше денегъ, въ слѣдующемъ, году указано: служащимъ въ канцеляріяхъ и коллегіяхъ выдавать жалованье сибирскими и другими товарами. Кромѣ того велѣно со всѣхъ служащихъ, исключая иноземныхъ мастеровыхъ и нижнихъ чиновъ, удержать четвертую часть жалованья, да и впредь указано такъ поступать, когда будетъ большая нужда. Не ослабѣли заботы Государя о промыслахъ, фабрикахъ и заводахъ. Заводчикамъ и фабрикантамъ давались разныя льготы: кому свобода отъ службы, кому отъ пошлинъ и налоговъ; одному пособлялъ Государь отъ казны, другому позволялъ держать бѣглыхъ. Разъ онъ помиловалъ одного слесарнаго мастера, француза, приговореннаго за убійство къ каторгѣ, приказавъ содержать его въ Петербургѣ, чтобы обучалъ Русскихъ слесарному дѣлу.

Заботясь объ увеличеніи дастатка народнаго и государственнаго, Петръ Великій пуще прежняго прилагалъ стараніе, чтобы служили этому общему дѣлу и монастыри. Запрещено заводить новые скиты и монастыри, не велѣно постригать раньше 30-лѣтняго возраста, на убылыя мѣста указано помѣщать отставныхъ солдатъ и всякихъ убогихъ; монахи должны за ними ходить, а остальные пахать землю. Монахини тоже должны были служить престарѣлымъ и больнымъ

женщинамъ, воспитывать сиротъ и подкидышей, обучать дѣвочекъ грамотѣ и рукодѣльямъ. Для приготовления на архіерейство учепыхъ монаховъ, велѣно устроить въ Петербургѣ и Москвѣ семинаріи. Приказано открыть академію, гдѣ обучать явкамъ, наукамъ и знатымъ художествамъ, переводить книги и готовить учителей для школъ; однако сдѣлать этого при Петрѣ не успѣли. Стараясь, чтобы изъ священнослужительскихъ дѣтей выходили годные и знающіе священники, Петръ въ прежнее время приказывалъ обучать тѣхъ, кто пожелаетъ, но въ 1723 году издалъ указъ, чтобы брать въ школы всѣхъ, которые учиться могутъ, а кто не пойдетъ охотой, тѣхъ брать неволей.

Не разъ Петру Великому приходилось передѣлывать свои прежнія дѣла, мѣняя лучшее на худшее изъ-за того, что не было годныхъ людей, или ради вѣвшейся закорузлой старины, къ которой всѣ привыкли и отстать отъ нея не могли. Большое улучшение сдѣлано было въ судѣ; оказалось однако, что многое изъ сдѣланнаго не шло ни къ тому времени, ни къ тогдашнимъ людямъ. Крѣпко не нравился простой новый судъ ябедникамъ и подъячимъ, которымъ способно было только въ мутной водѣ ловить рыбу. Подымался вопль противъ новизны, и дѣло спорилось по новымъ порядкамъ хуже, чѣмъ по старымъ. Такъ, въ прежніе годы завелъ Государь по городамъ особыхъ судей, подвѣдомыхъ юстицъ-коллегии, а не губернаторамъ, но въ 1722 году принужденъ былъ судей этихъ отмѣнить, и всякія расправы указалъ чинить губернаторамъ и воеводамъ. Но за коллегіи Государь стоялъ по прежнему и, чтобы избавить малороссійскій народъ отъ на-

силій казачьей старшины, послѣ смерти гетмана Скоропадскаго, установилъ малороссійскую коллегію. Въ коллегіяхъ, за недостаткомъ людей, набралось много негодныхъ иноземцевъ; Государь указалъ разобрать ихъ и худыхъ выключить. Выключено много, взять новыхъ было неоткуда; 100 мѣстъ остались пустыми.

Выборы вводились всюду, и въ гражданской, и въ военной службѣ; Государь внимательно слѣдилъ за этимъ дѣломъ. Большинство видѣло въ нихъ тяжелую для себя повинность, которую Государь выдумалъ изъ подражанія иноземцамъ; поѣтому дворине зачастую посылали вмѣсто себя на выборы своихъ приказчиковъ. Петръ указалъ: на выборахъ земскихъ комиссаровъ быть самимъ помѣщикамъ и обывателямъ; имъ же судить и штрафовать комиссаровъ, коли въ чемъ провинятся. Петръ любилъ самъ сидѣть въ сенатѣ, когда дѣлались выборы, и училъ, какъ слѣдуетъ поступать, чтобы выбирались люди правильно и нелицеприятно. Въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ, судныхъ мѣстахъ было большое безчиніе, крики, брань и даже побои; Государь указалъ — вести себя во всѣхъ такихъ мѣстахъ пристойно и на провинившихся назначилъ штрафы, даже смертную казнь.

Исконн на Руси военная и гражданская служба пережѣшивались; служилые люди, главнымъ образомъ, несли службу военную; но смотря по надобности и по времени, имъ приходилось исполнять разныя посланки и порученія также по службѣ гражданской. Можетъ быть, по этой причинѣ служилые люди и въ той, и въ другой службѣ были плохи, такъ что царь Федоръ задумалъ наладить дѣло иначе, однако не

исполнилъ. При Петрѣ государство перестраивалось сверху до низу и вводилось множество новыхъ порядковъ, по этимъ порядкамъ стало невозможно переищивать службу попрежнему. Петрѣ отдѣлилъ службу гражданскую отъ военной и велѣлъ составить «табель о рангахъ». Ранги, т. е. чины, были и прежде Петра, но только военные и придворные, а теперь прибавлены гражданскіе, морскіе и горные; число чиновъ увеличено и даны новыя названія военнымъ и придворнымъ рангамъ. Каждый чинъ обозначалъ особую должность, по которой служащему и давался. Главная разница противъ прежняго порядка состояла въ томъ, что повышеніе чиновныхъ людей до Петра коренилось яще всего на породѣ, а теперь открылся путь до самыхъ высокихъ чиновъ каждому, кто выкажетъ на службѣ годность свою и способности. Было въ этомъ и худо: чиновничество могло расплодиться и составить изъ себя какъ-бы сословіе, «бюрократію», забравъ въ свои руки большія и малыя государственныя дѣла. Такъ оно иотомъ и вышло, только не по винѣ Петра, а потому, что послѣ него табель о рангахъ измѣнилась въ своемъ смыслѣ.

Кромѣ чиновъ, Петрѣ ввелъ награжденіе за особыя заслуги почетными титулами — княжескимъ, графскимъ, баронскимъ. До него существовалъ на Руси одинъ княжескій титулъ; пожалованіе имъ не водилось; Петрѣ далъ предпочтеніе обычаю, котораго держались въ Европѣ почти всюду.

Послѣ учрежденія синода, появлялись во множествѣ указы по церковному благоустройству. Священническія убылыя мѣста велѣно замѣщать по выбору

прихожанъ; дѣтей церковно и священнослужителей, если они не хотятъ въ школы, приказано записывать въ окладъ, наравнѣ съ крѣпостными. Чтобы не было небреженія славѣ Божіей отъ лишніхъ церквей и множества поповъ, лишнія церкви приказано закрыть и не дозволено строить новыхъ безъ синодскаго указа. Изданы разныя правила о благочиніи въ храмахъ Божіихъ. Русскіе всю вѣру полагали въ церковномъ служеніи, земныхъ поклоняхъ, приношеніи свѣчъ и проч.; Государь приказалъ написать книгу, гдѣ объяснить различіе между непремѣннымъ закономъ Божиимъ и обрядомъ. Вообще святѣйшему синоду было много работы, и Государь наблюдалъ, чтобы та работа спорилась. Для этого указано имѣть въ синодѣ оберъ-прокурора, какъ и въ сенатѣ, и установить фискаловъ по дѣламъ духовнаго вѣдѣнія.

Государево здоровье давно уже было плохо, слѣдовало подумать, кому передать государство. Царевичъ Петръ умеръ въ малолѣтствѣ, другой Петръ, сынъ царевича Алексѣя, былъ еще малъ, и на него возлагали все свое упованіе приверженцы старины. Государь издалъ въ началѣ 1721 года законъ о престолонаслѣдіи. Въ законѣ сказано, что «подданнымъ Государя уже дана воля избирать наслѣдникомъ такого сына, который не расточитъ наслѣдства; потому, ради попеченія о цѣлости государства, отдается на волю правительствующаго государя назначать себѣ наслѣдника и, коли окажется непотребенъ, паки отмѣнять, дабы дѣти и потомки узду на себѣ имѣли». Кого Государь прочилъ себѣ въ наслѣдники — неизвѣстно; можно думать, что супругу свою Екатерину. Какъ бы

то ни было, Государь хотѣлъ, чтобы подданные такой его волѣ присягнули. Народъ присягнулъ, но мѣстами выискались ослушники. Раскольники толковали, что окончено будетъ царствовать шведъ и что крестъ цѣлуютъ на шведа. Между монахами шелъ говоръ, что Государь выбираетъ на свое мѣсто нѣмца, за котораго выдаетъ дочь. А Петръ, на письмо герцога Голштинскаго, который добивался жениться на одной изъ дочерей его, отвѣчалъ въ это время такъ: «обязаться не могу, прежде чѣмъ ваши дѣла въ порядокъ придутъ, ибо ежели бы я то нынѣ учинилъ, то иногда противъ воли и пользы своего отечества принужденъ бы былъ дѣлать, которое мнѣ наче живота моего есть».

XV. Новая имперія и первый императоръ.

Въ исторіи замѣчено, что не всякій народъ можетъ сдѣлаться просвѣщеннымъ, образованнымъ. Случалось не разъ, что когда народъ, дряблый духовно, неспособный къ преуспѣянію, входитъ въ сношеніе и связь съ народомъ просвѣщеннымъ, то начинаетъ мало-по-малу хирѣть и совсѣмъ вымираетъ. Ему не подъ силу вынести свѣтъ просвѣщенія, какъ большому глазу не въ мочь выносить свѣтъ дневной. Стало быть, если въ самомъ народѣ нѣтъ здороваго жизненнаго духа, то не сможетъ его просвѣтить никакой государь, хоть бы и великій. Не подъ силу

была бы и Петру I сдѣлать Россію европейскимъ государствомъ, еслибы въ русскомъ народѣ, подѣ нарощей на немъ корой невѣжества, грубости и застою, не жилъ живой духъ, искони ему присущій и только придавленный великими невзгодами. Петръ, какъ истинно-русскій человѣкъ, понималъ своимъ необъятнымъ умомъ, что народъ его могучъ, крѣпокъ духомъ, переимчивъ и не уступитъ никому своими способностями. И принялся Петръ обновлять государство круто, безъ уступки, будто торопясь сдѣлать какъ можно больше при своей жизни, чтобы закрѣпить новые порядки на будущія времена. При такой спѣшной работѣ и въ такое короткое время ничто не могло быть додѣлано до конца: одно было только начато, другое кое-какъ налажено, третье двинуто впередъ больше. Но не все принялось одинаково; къ чему народъ былъ больше склоненъ и готовъ, то принялось лучше; къ чему меньше, то хуже; да и самъ Государь, заботясь обо всемъ разомъ, прилагалъ къ иному дѣлу больше старанія, къ иному меньше.

Очень много двинулось въ Россіи при Петрѣ военное дѣло. Русскій человѣкъ не войнолюбивъ, но стоекъ, выносливъ въ трудахъ, неприхотливъ въ потребностяхъ, умѣетъ смотрѣть въ глаза смерти безбоязненно, рѣдко входитъ въ азартъ, но зато еще рѣже падаетъ духомъ. Такимъ онъ былъ всегда, и если старинная ратная русская сила воевала плохо, то единственно изъ-за того, что ей не хватало добраго устройства, обученія и порядка. Армія Петра Великаго уже совсѣмъ не походила на прежнюю русскую рать и раз-

нилась отъ нея какъ небо отъ земли, хоть ей много еще не хватало въ обученіи и снаряженіи противъ лучшихъ европейскихъ войскъ. Иноземцы того времени не скупятся на похвалы русскому войску, особенно пѣхотѣ; артиллерія тоже была хороша и снабжена свѣдущими людьми; конница вышла похуже. Устроенію доброй военной силы пособило особенно то, что военная служба вся держится на дисциплинѣ, а послушанію и повиновенію русскій народъ выучился въ тяжелой школѣ прошедшихъ вѣковъ. Въ концѣ царствованія Петра Великаго, регулярнаго войска считалось 210.000 челоувѣкъ, да въ половину противъ этого выходило на войну казаковъ малороссійскихъ, донскихъ, яицкихъ и другихъ.

Еще труднѣе сухопутнаго войска было завести морскую силу, потому что ея вовсе не было, и русскій народъ, кромѣ немногихъ поморскихъ жителей, къ морскому дѣлу не склоненъ. Зато Государь ни на что не положилъ такъ много заботы и трудовъ, какъ на флотъ. Флотъ былъ любимымъ дѣтищемъ Петра Великаго и не выходилъ у него изъ мыслей никогда. Ни на одномъ праздниѣ Государь не забывалъ выпить за здоровье русскаго флота; деньщики должны были ему объ этомъ напоминать, и шуту Давостѣ обѣщано 1.000 рублей всякій разъ, какъ Государь забудеть провозгласить за флотъ здравицу. Къ концу Петровскаго времени въ Россіи былъ уже большой и хорошій флотъ, который къ тому же и обошелся не очень дорого, потому что весь матеріалъ на корабельное строеніе добывался въ Русской землѣ. Всего считалось 48 линейныхъ кораблей и 787 галеръ и мор-

скихъ судовъ разной силы и названій, на нихъ 28.000 матросовъ. Между русскими кораблями было немало такихъ, которые не уступали лучшимъ англійскимъ, и хотя корабельная служба не совсѣмъ еще наладилась, но служба на галерахъ исполнялась очень хорошо.

Много подвинулись въ Россіи также ремесла, промышленное и фабричное дѣло. Государь и изъ чужихъ земель выписывалъ разныхъ мастеровъ, и Русскихъ посылалъ учиться, и книги по ремесламъ указывалъ переводить. Помогали ему и плѣнные Шведы; въ одной Сибири ихъ находилось тысячъ 9 или 10; для своего пропитанія они занимались мастерствами и обучили многихъ Русскихъ. Самъ Государь почти все зналъ и коли не могъ всему учить досконально, то, по крайности, могъ дать добрый совѣтъ. Въ концу его царствованія въ Россіи работало 230 фабрикъ всякаго дѣла. Были фабрики шелковыя, позументныя, игольныя, полотняныя, чулочныя, бумажныя и другія. Въ казенныхъ мѣстахъ стали обходиться одной русской бумагой, а до Петра всю ее привозили изъ чужихъ краевъ; торгъ тряпьемъ на писчебумажное дѣло далъ хлѣбъ многимъ. По завѣренію одного иноземца, полотна русской выдѣлки бывали не хуже голландскихъ. Сукна выдѣлывалось много, но все-таки меньше, чѣмъ надобно; иглъ, каната, кожъ и нѣкоторыхъ другихъ товаровъ работалось столько, что ихъ вывозили въ чужіе края. Кожевенныхъ заводовъ съ доброю выдѣлкою кожъ развелось много. Но чуть ли не больше всего подвинулось горнозаводское дѣло. Въ старые годы желѣзо и мѣдь привозились больше изъ Швеціи, а въ 1718 году ужъ выплавлялось своего чугуна и мѣди

7 милліоновъ пудовъ безъ малаго. Въ началѣ Сѣверной войны не хватало селитры, сѣры, пороху; подъ конецъ стало довольно.

До Петра Московскіе государи старались рубить лѣса, чтобы прибавлять пашенъ и пастбищъ, ибо съ обработанныхъ земель сходилъ въ казну доходъ. Петръ увидѣлъ въ чужихъ земляхъ, какъ тамъ берегутъ лѣса, и сталъ то же дѣлать у себя, особенно берегъ дубы и даже самъ садилъ жолуди. При Петрѣ положено въ Россіи начало правильному лѣсоводству и начали употреблять въ дѣло каменный уголь и торфъ. При Петрѣ же началось садоводство, а винодѣліе расширилось; самъ Государь работалъ въ виноградникахъ, развелъ виноградъ во многихъ донскихъ станицахъ, выписывалъ лозы съ Рейна и изъ Венгріи. Также принялось понемногу шелководство, и начали сѣять и приготавливать табакъ.

Устроено нѣсколько конскихъ заводовъ; разведенъ въ Холмогорахъ рогатый скотъ голландской породы, который и доселѣ считается въ Россіи лучшимъ. Послѣ Петра осталось три овчарные завода, были ученые овчары, иноземцы и русскіе; въ Малороссіи ужъ считалось 150.000 овецъ лучшихъ иностранныхъ породъ. Морскіе промыслы, рыбная ловля, разумное солѣніе рыбы, — во всемъ этомъ Государь старался ввести улучшение и кое въ чемъ успѣлъ.

Въ сельскомъ хозяйствѣ перемѣнъ сдѣлано мало, почти все осталось по прежнему, кромѣ развѣ посѣва и выдѣлки льна и пеньки. Петръ хотъ и старался о прибавкѣ пашенъ, но больше у государевыхъ и дворцовыхъ крестьянъ.

Отъ всѣхъ этихъ благихъ переменъ выросла торговля, тѣмъ паче, что открылся новый торговый путь по Балтійскому морю. Въ 1724 году пришло въ главныя русскія гавани этого моря 750 иноземныхъ кораблей; Рига торговала такъ хорошо, какъ едва ли бывало въ шведское время.

Вообще только съ Петра въ русское государственное хозяйство стали вводиться добрые порядки, добытые въ Европѣ наукой и просвѣщеннымъ опытомъ. Только при Петрѣ появилась статья государственнаго расхода на образованіе, на школы. Открыто небывалое прежде число училищъ; напечатано множество противъ прежняго книгъ; Русскіе то и дѣло ѣздили въ чужія земли учиться, и Государь строго смотрѣлъ, чтобы они не болтались тамъ безъ пользы. Онъ самъ испытывалъ ихъ и воздавалъ каждому по заслугамъ, не глядя ни на богатство, ни на родъ. Разъ пріѣхали изъ чужихъ земель молодые Русскіе; Петръ сталъ ихъ испытывать и замѣтилъ, что около одного дворянина юлилъ его слуга. На спросъ слуга объяснилъ, что онъ родомъ калмыкъ, въ чужихъ земляхъ прислушивался и присматривался къ ученью своего барина и кое-чему подучился. Государь принялся испытывать калмыка и увидѣлъ, что онъ выучился съ толкомъ, тогда какъ баринъ его почти ничего не зналъ. Петръ Великій произвелъ калмыка въ офицеры, а барина отдалъ ему въ команду простымъ матросомъ. Калмыкъ назвался Калмыковымъ и дослужился до большого чина.

Государь заботился больше о насажденіи наукъ прикладныхъ, ибо въ нихъ настояла самая неотлож-

ная нужда для промысловъ, фабрикъ, корабельнаго дѣла и проч. Но онъ не остановился на одной насущной потребности; изъ монастырей собирались рукописи, снимались рисунки съ древностей, за старинные черепа человѣческіе назначена большая цѣна; Государь думалъ собрать и напечатать въ особой книгѣ русскія пословицы и поговорки, что сдѣлано лишь въ наше время; хотѣлъ перевести библію на русскій языкъ и дешево продавать—тоже дѣло нашихъ дней. Взысканы при Петрѣ также искусства, особенно строительное; каменные постройки, дотолѣ рѣдкія, пошли въ ходъ. До музыки Царь былъ небольшой охотникъ, и при немъ она не сдѣлалась еще потребностью образованныхъ людей, какъ нынѣ, но все-таки вошла въ употребленіе. Гораздо больше сдѣлала успѣха живопись. До Петра на Руси были только плохіе иконописцы, при Петрѣ появились живописцы. Богатые люди стали покупать картины; Государь тоже былъ до нихъ охотникъ, особенно до морскихъ и такъ называемыхъ фламандской школы. Разъ въ Амстердамѣ онъ зашелъ къ одному изъ Русскихъ и увидѣлъ за столомъ его сына, 14-лѣтняго мальчика, который, замѣтивъ Царя, спряталъ листъ бумаги въ карманъ. Государь велѣлъ показать листъ: мальчикъ срисовывалъ голландскую картину.—«Развѣ любишь?» спросилъ его Государь.—«Люблю, да учиться не у кого».—Петръ отдалъ его въ ученье, и черезъ нѣсколько лѣтъ мальчикъ, Никитинъ, сталъ лучшимъ русскимъ живописцемъ того времени. Онъ вернулся изъ чужихъ краевъ въ Петербургъ ночью на Свѣтлый праздникъ; Государь узналъ про это въ церкви, послѣ службы

пошелъ въ нему, поздравилъ съ прїѣздомъ, похристовался и поблагодарилъ за ученье.

Настойчивыми трудами Государя Россія сблизилась съ Европой, и многіе изъ Русскихъ перестали бояться всего, что оттуда шло. Стали появляться добровольные охотники учиться, родители начали отдавать дѣтей въ ученье безъ принужденія; встрѣчались и такіе, что ничего не жалѣли для ихъ образованія; Русскіе люди начали своей охотой ѣздить въ чужія земли для дѣченья. Все это была малость, но значила она много: незримая стѣна между Россіей и Европой была проломана. И точно, хоть въ Европѣ или завидовали Россіи, или боялись ея, или смотрѣли на нее свысока, но ужъ не могли по прежнему не знать ея: русская армія была сильна, у нея были полководцы не хуже другихъ; русскіе посланники и министры не уступали европейскимъ; чувствуя свою силу, Россія начала подымать голосъ за единовѣрныхъ и единоплеменныхъ въ Турціи. Въ русской имперіи считалось 17 или 18 милліоновъ народа, вмѣсто 11 или 12 милліоновъ, которые были въ началѣ Петрова царствованія; доходъ государственный выросъ до 10 милліоновъ рублей съ 3 милліоновъ, которые сходили въ казну 15 лѣтъ назадъ. Россія уже не нуждалась въ иноземцахъ по прежнему, ихъ брали съ разборомъ и держали въ гораздо меньшемъ числѣ; Государь понималъ, что только Русскіе могутъ служить Россіи честно и вѣрно, не изъ одной корысти. Онъ не сажалъ иноземцевъ на самыя первыя должности и даже въ фабричномъ и промышленномъ дѣлѣ старался заручиться Русскими людьми, такъ

что между фабрикантами того времени встрѣчаются большею частию имена русскія.

Много было сдѣлано Петромъ, но далеко не все, чего онъ хотѣлъ и на что рассчитывалъ. Старые обычаи, нравы и порядки живучи: у насъ доселѣ не вымерли повѣрья и обычаи отъ временъ язычества. Съ виду какъ будто все было обновлено: завелось новое управленіе — синодъ, сенатъ, коллегіи, магистраты; на разныхъ должностяхъ сидѣли выборные люди; армія совсѣмъ не походила на прежнія безурядныя рати; на морѣ плавалъ новорожденный флотъ; дома строились и убирались на иноземный ладъ; мужчины сходились съ женщинами на празднествахъ, на ассамблеяхъ и въ театрѣ; всюду видно было европейское платье; разговоры велись, какихъ прежде не слыхивали: читали русскую газету, курили табакъ, слушали музыку. Все имѣло видъ европейскій, но подъ глянцемъ сквозила прежняя грубость, выглядывало замастерѣвшее зло, прорывались привычки и обычаи, вовсе не европейскіе. Служилые люди, чиновники, съ бритыми подбородками, въ нѣмецкомъ платьѣ, по старинному обирали просителей и обкрадывали казну. При соборномъ управленіи число властей выросло, выросло и государево на нихъ жалованье, но вмѣстѣ съ тѣмъ размножились ссоры и перебранки, или власти входили между собой въ стачку. Чѣмъ дальше отъ Москвы и Петербурга, тѣмъ больше отзывались всѣ порядки нетронутой стариной; даже страшный царскій гнѣвъ не отваживалъ отъ самовольства и особенно отъ лихоимства. Разъ Государь вышелъ изъ себя, видя, что казну обворовываютъ со всѣхъ сто-

ронъ, и сказалъ сенатскому оберъ-прокурору Ягужинскому: «напиши указъ, что если кто на столько украдетъ, что можно купить веревку, то будетъ повѣшенъ». Ягужинскій возразилъ: «мы всё, Государь, воруетъ, только одни больше и примѣтнѣе, а другіе меньше; эдакъ ты можешь остаться одинъ, безъ поданныхъ». Государь разсмѣялся.

Сильно проглядывала старинная грубость въ домашней и общественной жизни. Пиръ были неумѣренные; при свадьбахъ соблюдались самые грубые обычаи, молодого отводили спать не иначе, какъ мертвецки-пьянаго. Иные вели себя въ трезвомъ видѣ пристойно, но во хмелю сказывалась настоящая натура, являлся задоръ, брань, заводилась драка. Недаромъ по тогдашнему говорилось *шумень* вмѣсто *хмелень*. Разъ, на пирѣ у Ромодановскаго, Долгорукой крѣпко побранился съ хозяиномъ; оба схватились за волосы и тузили другъ друга кулаками съ полчаса; никто ихъ не разнималъ. Да и не въ одномъ пьяномъ видѣ высказывались привычки совсѣмъ не европейскія. Передъ обѣдомъ или ужиномъ иной лѣзъ черезъ накрытый столъ и сапогомъ попадалъ въ самую средину блюда, никого это не дивило. Царедворцы ложились во дворцѣ на кровати съ сапогами на ногахъ, такъ что Государь долженъ былъ издать объ этомъ указъ. Бъ сестрѣ князя Меншикова присватался Девіеръ; тотъ такъ оскорбился, что велѣлъ его связать и жестоко высѣкъ.

Въ школахъ учились вмѣстѣ и 10 и 20-лѣтніе, ученикамъ давалось жалованье за ученье, какъ за службу; кто лишнему учился, тому и платилось лиш-

нее. Въ морской академіи, въ Петербургѣ, сидѣлъ дядька и баловниковъ билъ хлыстомъ; за большія вины доставались имъ и плети. Ученики иногда женились; начальникъ академіи не позволялъ жениться раньше 25-лѣтняго возраста. Жалованье временами запаздывало или выдавалось товарами, при продажѣ товаровъ ученикамъ приходилось много терять. Оттого въ 1724 году 85 учениковъ за босотою и голодомъ по 3 и по 5 мѣсяцевъ не ходили въ академію; изъ нихъ 55 кормились вольной работой, нѣкоторые промышляли грабежомъ. Ученики бѣжали изъ школъ, какъ солдаты со службы; въ морской академіи одинъ годъ находилось въ бѣгахъ 116 человекъ изъ 400, въ переяславско-рязанской цыфирной школѣ 59 изъ 96. Солдаты бѣжали изъ войска во множествѣ; ихъ клеймили за это по рукамъ, ковали въ кандалы, сажали въ тюрьмы. Въ пониманіи вѣры кое-что перемѣнилось къ лучшему, но больше оставалось все по старому, особенно въ простомъ народѣ. Раскольниковъ развелось множество, сотни тысячъ, а можетъ быть и миллионъ. Сельское духовенство было бѣдно и малограмотно, попадались безграмотные попы и въ Москвѣ. Новой Имперіи не хватало денегъ на насущныя потребности, оттого жалованье платилось неисправно; при кончинѣ Государя, войскамъ въ Петербургѣ было не додано жалованья за 16 мѣсяцевъ. Зачастую обижали недодачей иноземцевъ; Русскіе, что находились въ чужихъ краяхъ въ обученіи, жаловались подчасъ, что имъ грозитъ голодная смерть. Дороги были худы; одинъ иноземный посланникъ ѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ 6 недѣль, по долгу про-

живая на станціяхъ за недостаткомъ лошадей. По дорогамъ грабили, разбойничали.

Много худого было въ новой Имперіи, но иначе и быть не могло. Не сразу и не легко перестраивается государство и просвѣщается народъ; старое борется съ новымъ на-смерть, новое одолеваетъ шагъ за шагомъ и цѣлыми столѣтіями живетъ бокъ-о-бокъ со старымъ. Петръ прорубилъ просѣку, намѣтилъ дорогу и твердой рукой повелъ по ней государство и народъ, не давая перевести духъ. Какъ путнику трудно пробираться несглаженной тропой, по кочкамъ, пнямъ и рытвинамъ, такъ трудно было Россіи двигаться при Петрѣ впередъ. Не время было сглаживать и ровнять путь; прежде всего надлежало сдѣлать невозможнымъ поворотъ назадъ, и Петръ этого добился. При немъ Россія сдѣлалась государствомъ европейскимъ, судьба ея слилась съ судьбою просвѣщеннаго христіанскаго міра на вѣки вѣчные. Этимъ и велико дѣло Петра, этимъ и живучи его мысли и предназначенія.

Дѣло Петра не было дѣломъ насилія, какъ говорили и говорятъ его враги, потому что онъ не создавалъ того, что для его народа невозможно и непотребно. Въ обновленіи была нужда вопіющая, и оно началось до Петра, только робко, ощупью; Петръ же повелъ его смѣло, на проломъ. Въ одномъ указѣ 1723 года сказано: «Нашъ народъ яко дѣти, которыя никогда за азбуку не примутся, пока не приневолены бываютъ; которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ. Не все-ль неволею сдѣлано, а ужъ за многое благодареніе слышится». Поступалъ онъ

такъ потому, что зналъ силы и способности своего народа и вѣрилъ въ его будущую судьбу. Петръ не ошибся: Русскій народъ совершилъ при немъ подвигъ безпримѣрный. Но старая Русь накопила въ себѣ за долгое время столько болѣзней, что понадобились сильныя лѣкарства, а они вмѣстѣ съ пользой приносятъ и вредъ. Петръ не всегда зналъ мѣру; по своему крутому и нетерпѣливому нраву спрашивалъ иногда больше, чѣмъ можно, набавлялъ тѣмъ лишнюю тягость и вредилъ самъ своему дѣлу. Виноваты въ томъ также препоны и помѣхи, которыя ему всюду ставили его враги. Когда двое борются, напрягая всѣ силы, чтобы одолѣть другъ друга, то часто одинъ калѣчитъ другого противъ своей воли. Петръ боролся все свое царствованіе. Со Шведами онъ бился безъ озлобленія, потому что они были враги явные и шли на него прямымъ, честнымъ боемъ; но въ дѣлахъ внутреннихъ встрѣчалъ онъ не то. Тутъ враги были многочисленные и тайные, неудачи частыя, успѣхъ еле замѣтный. Разумный крестьянинъ того времени, Посошковъ, сказалъ про Петра, что онъ на гору самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ. Все это расналяло гнѣвливаго Петра, и онъ иногда хваталъ черезъ край. Оттого нѣкоторыя изъ его предначертаній и дѣлъ при немъ же отмѣнены; инныя пережили его, но не надолго; кое-какія оставили по себѣ недобрый слѣдъ и доселѣ. И въ привычкахъ Петра Великаго попадались такія, которыя шли наперекоръ его дѣламъ. Онъ любилъ бывать на пирахъ у близкихъ людей, а на пиры нужны были немалыя деньги, и ближніе люди прибѣгали въ лихоимству. Конечно

и безъ пировъ оставались бы они лихоимцами, но тогда не было бы имъ лишняго предлога выгораживать себя передъ совѣстью и развязывать руки на беззаконія.

Надо при этомъ вспомнить, что хотя европейскіе государства и народы стояли далеко впереди Россіи и Русскихъ, но противъ нынѣшняго времени тогдашніе нравы и распорядки были во многомъ грубы и въ Европѣ. Правительства выбирали во всякихъ дѣлахъ способы, которые поудобнѣе и покороче, не разбирая, хороши они или худы. Оттого многіе изъ жесткихъ дѣлъ и крутыхъ поступковъ Петра въ сущности не настолько были грубы и необычны, какъ это нынѣ кажется. Да и нигдѣ на долю одного человѣка не выпадалъ такой непомерный трудъ, какой взялъ на себя Петръ Великій, а чѣмъ больше дѣлается дѣла, тѣмъ неизбѣжнѣе ошибки. Онъ по-истинѣ былъ работникомъ своего народа; сложилась слава, что онъ даромъ хлѣба не ѣлъ, лучше бурлака работалъ, что ученья онъ былъ великаго, все зналъ, до всего дошелъ, только лаптей не умѣлъ плести. Онъ былъ русскій человѣкъ съ головы до пятъ, до мозга костей. Въ немъ все было богатырское: великая душа въ крѣпкомъ тѣлѣ, удалая, широкая натура; смѣлость — начинать и доводить до конца каждое дѣло; простота и живая преимчивость ума; необычайная смѣтка — сразу хвататься во всемъ за самое нужное и самое полезное. Не черезъ другихъ онъ освѣдомлялся про истинныя нужды и потребности своего народа, а узнавалъ ихъ на мѣстѣ, самолично, изъѣздивъ на своемъ вѣку въ 10, въ 20 разъ больше, чѣмъ любой государь въ

мірѣ. Для него на первомъ мѣстѣ стояло дѣло, а не человекъ; тотъ и становился выше, кто на дѣло былъ больше годенъ. Оттого многіе изъ худородныхъ людей дошли при немъ до самыхъ высокихъ должностей. Меншиковъ вышелъ изъ простонародья, Шафировъ изъ московскихъ приказчиковъ, Девиеръ былъ сынъ крещенаго иноземнаго еврея, Ягужинскій — сынъ лютеранскаго пастора, Остерманъ — бѣдный нѣмецкій студентъ, бѣжавшій въ Россію. У Петра было необычайное умѣнье различать способныхъ людей, и онъ ихъ наготовилъ не на одно свое царствованіе. Разъ, на кораблѣ, государевъ деньщикъ подрался въ пьяномъ видѣ съ молодымъ нѣмцемъ, который служилъ письмоводителемъ у адмирала. Нѣмецъ пошелъ жаловаться Государю; «пьяное дѣло», сказалъ Петръ и не сталъ разбирать, но умное лицо нѣмца остановило его вниманіе; онъ приподнял у него со лба волосы, пристально посмотрѣлъ въ глаза и взялъ нѣмца къ себѣ для иностранной переписки. Этотъ нѣмецъ былъ Остерманъ, потомъ знаменитый министръ. Почти такъ же Петръ вывелъ въ люди и многихъ другихъ.

Петръ Великій былъ истинно-вѣрующій православный христіанинъ, только не на старый русскій ладъ, когда благочестіе ушло въ обрядъ, а живая вѣра поворотилась въ обычай. Святая вѣра не мѣняется и стоитъ нерушимо во всѣ вѣки, но благочестіе въ разные времена понимается людьми неодинаково. При Петрѣ наступило для Русской земли новое время, всѣмъ пришлось работать до истощенія силъ, и отъ мірянъ потребовались не монашескіе, а мірскіе подвиги. Поэтому благочестіе Петра не могло оставаться

такимъ, какое было у его отца и дѣда. Но онъ не нарушалъ уставовъ Православной церкви и требовалъ только, чтобы кесарево было воздаваемо кесарю, а Божіе Богу. Онъ не разъ говаривалъ, что плохіе слуги Божіи не могутъ быть хорошими слугами государя и отечества, и что трудящійся противъ закона Божіа никогда не успѣетъ. По праздникамъ и наканунѣ, Петръ бывалъ на божественныхъ служеніяхъ, любилъ стоять на клиросѣ и пѣть вмѣстѣ съ пѣвчими, священное писаніе называлъ лучшимъ изъ всѣхъ книгъ сокровищемъ. Военскимъ уставомъ накладывались наказанія на тѣхъ, кто не будетъ на богослуженіи; на время божественной службы указано запираеть лавки и шинки и запрещены суетныя забавы. Постился Государь рѣдко потому, что не переносилъ ни рыбы, ни постной пици; Константинопольскій патріархъ далъ ему разрѣшеніе — кушать скоромное въ посты, кромѣ недѣли передъ причащеніемъ.

Блюстители старины наиболѣе соблазнялись якобы нечестивой замѣной святѣйшаго патріарха святѣйшимъ синодомъ, но тутъ нѣтъ никакого нечестія, ибо соборное управленіе церковью искони отвѣчало духу православія. Многіе еще обвиняли Петра, что онъ будто издѣвался надъ уставами и чиновначаліемъ церкви, выдумавъ князя-папу съ шутовскимъ соборомъ и разныя по этому дѣлу правила и торжества. Но кромѣ князя-папы Петръ установилъ и князя-кесаря; воздавалъ ему царскія почести, нисался его низайшимъ подданнымъ, ѣдучи съ нимъ въ каретѣ, сидѣлъ на второмъ мѣстѣ; пріѣзжая къ нему, слѣзая у воротъ и шель черезъ грязный дворъ пѣшкомъ.

Если бы въ князь-папѣ съ соборомъ онъ подымалъ на-смѣхъ высшихъ духовныхъ чиновъ и соборы, то значить въ князь-кесарѣ осмѣивалъ свою царскую власть, а этого не могло быть. Дѣло въ томъ, что въ тогдашнее грубое время не умѣли быть разборчивыми, особенно въ шуткахъ и забавахъ, ибо такая разборчивость дается добрымъ воспитаніемъ, котораго Русскимъ и не хватало. Петръ Великій, несмотря на богатые отъ Бога дары, все-таки былъ человѣкъ своего времени и даже меньше многихъ другихъ умѣлъ различать истинно-забавное отъ грубаго; оттого его забавы и шутки для нынѣшняго времени какъ-то невразумительны. Только мѣстами проглядываетъ въ нихъ скрытый разумъ: Петръ осмѣивалъ нѣкоторые старые обычаи, платье, многократные поклоны, широко-вѣщательное писаніе и проч., а своимъ обращеніемъ съ княземъ-кесаремъ показывалъ примѣръ, какъ надо служить государю и отечеству.

Нельзя обвинять Петра въ неправославіи и за его поступки съ монастырями, монахами и монахинями: Двѣсти лѣтъ передъ нимъ, почти тому же самому училъ преподобный Нилъ Сорскій. Онъ говорилъ, что то достояніе только законно и угодно Богу, которое пріобрѣтено собственнымъ трудомъ; что иноки должны быть нестяжательны, ибо они отрекаются отъ міра, а стяжаніе есть дѣло мірское; поэтому монастырямъ не подобаешь владѣть селами и разными угодьями. Опираясь на творенія древнихъ святыхъ Отцовъ, преп. Нилъ громилъ ханжей, распускавшихъ вѣсти про ложныя чудеса, знаменія и сновидѣнія, и обличалъ монаховъ, которые всюду бродили и попрошайничали.

Вскорѣ послѣ Нила Сорскаго, преп. Максимъ-Грекъ училъ, что Богу угодна только трудовая жизнь иноковъ, что имъ слѣдуетъ ѣсть хлѣбъ, прибрѣтенный собственными трудами, питать убогихъ и служить другимъ, а не властвовать надъ ними. Максимъ-Грекъ говорилъ, что монахи не угождать Христу долгими молитвами и черною власяницей, когда въ то же время одержимы духомъ любостыжанія. Онъ порицалъ тѣхъ, которые думали, что только въ монашескомъ чинѣ можно получить спасеніе, и училъ, что христіанское благовѣріе состоитъ въ воздержаніи отъ всякой злобы и душегубительныхъ страстей. Противъ Нила Сорскаго и Максима-Грека возстали тогда почти всѣ; противъ Петра Великаго тоже было тайное множество; но у Царя Петра была въ рукахъ крѣпкая власть, и онъ сдѣлалъ то, что правда и польза требовали.

Враги Петра винили его въ кровопійствѣ и люто-сти. Государь былъ на самомъ дѣлѣ суровъ, грозенъ и мягкимъ сердцемъ не отличался; но пытки и казни не онъ выдумалъ, онѣ перешли къ нему отъ старой Руси готовыя. Да и въ Европѣ тогда отъ нихъ еще не отстали; выданный Шведамъ Паткуль понесъ жестокую казнь колесованіемъ, т. е. ему живому палачъ ломалъ руки и ноги. Время было безжалостное, жестокость лежала въ обычаяхъ и въ законахъ. Отецъ Петра Великаго былъ Государь благодушный, добрый и кроткій; но при немъ пытки и казни были нисколько не легче. Царствование Петра можно поистинѣ назвать *переворотомъ*; Государю приходилось употреблять въ дѣло все могущество самодержавной власти и прибѣгать ко всѣмъ обычнымъ тогда спосо-

бамъ, чтобы исполнить задуманное; на его мѣсть нельзя было поступить иначе. Бывали, правда, случаи, когда Петръ ожесточался и тогда вчуужь стынеть кровь отъ ужаса. Но стынеть кровь нынѣ, а въ тогдашнее время все это было не въ диковину. Государь приходилъ въ сильный гнѣвъ потому, что тайные враги ставили ему на каждомъ шагу препоны, въ тишинѣ ковали ковы, и дѣло его не спорилось. Черная туча находила на Петра; онъ запирался и по цѣлымъ днямъ никого къ себѣ не впускалъ, а какъ только виноватый попадался, начинался кровавый розыскъ, ставились висѣлицы, колья, плахи... Можно скорбѣть за тогдашнее время, благодарить Бога, что оно миновало, но невозможно винить величайшаго изъ государей за то, что онъ былъ во многомъ чловѣкъ своего вѣка и своего народа.

Петру ставили также въ укоръ, что когда умеръ царевичъ Алексѣй, онъ пировалъ и проводилъ время по прежнему, какъ будто ничего не случилось. Но Петръ почти также поступалъ по кончинѣ любимой сестры Натальи, сына Петра и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Онъ такъ отдался своему великому дѣлу, что скорбѣть долго не могъ, особенно о непоправимомъ. Это указываетъ на жесткость въ немъ чувства, но отъ нея далеко еще до лютости и кровожадности. Хотя нравъ Петра съ годами не только не смягчился, но еще сталъ суровѣе и запальчивѣе, однако уголовные законы сдѣлались при немъ во многомъ милостивѣе. Прежде отъ пытки не освобождался никто; Петръ допустилъ многія изыятія, кромѣ дѣлъ государственныхъ и убійствъ, указалъ безъ важныхъ причинъ и

безъ подозрѣнія никого не пытатъ и совсѣмъ запрети́тъ пытки въ дѣлахъ маловажныхъ. При немъ же отмѣненъ правезъ; фальшивымъ монетчикамъ стали отсѣкать голову, вмѣсто заливанія горла расплавленнымъ оловомъ; въ войскѣ введено болѣе легкое противъ кнута наказаніе—шпицрутены. Въ законѣ о процессѣ сказано, что «лучше десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить»; эта человѣколюбивая мысль не могла родиться въ голоѣ кровопійцы и мучителя.

Петръ иногда справлялся съ провинившимися дубинкой; дѣлалъ онъ это въ сердцахъ, сгоряча и, сорвавъ сердце, успокоивался. Разъ онъ ѣхалъ съ генераль-полицмейстеромъ Девіеромъ по Петербургу, на какой-то канавѣ попался очень плохой мостъ. Петръ вспылилъ, выскочилъ изъ двуколки и поколотилъ Девіера дубинкой. Сердце тотчасъ же отлегло, онъ сѣлъ въ двуколку и спокойно сказалъ Девіеру: «садись, братъ». Любимымъ его отдыхомъ была токарная работа; въ токарную Петра никто не смѣлъ входить безъ зова, даже служители Государя. Тутъ глазъ на глазъ, Государь, разгнѣвавшись, иногда потчевалъ дубинкой сановниковъ; побитые выходили оттуда веселые на видъ, будто ничего не произошло; Петръ самъ не упоминалъ про свою расправу и чтобы скрыть ее отъ другихъ, звалъ побитаго къ обѣду.

Государь былъ очень правдолюбивъ; ничто такъ не выводило его изъ себя, какъ ложь. Не разъ случалось ему замѣчать, что кто-нибудь живетъ широко, не по достатку; такихъ призывалъ онъ зачастую къ себѣ и разспрашивалъ—не отъ лихоимства ли нажи-

лись. Отъ провинительнаго Государя трудно было скрыть правду; если взяточникъ виновился и кааяся, Царь ему на первый разъ прощалъ; если же заи-
рался, то Петръ приказывалъ разыскивать истину и съ виноватымъ поступалъ безъ пощады. И во всѣхъ другихъ дѣлахъ не выносилъ онъ лжи. Одинъ изъ молодыхъ Русскихъ, Неплюевъ, посланный въ чужія земли для науки, вернулся въ Россію, былъ Государемъ испытанъ и приставленъ къ строенью кораблей. Ближніе Государевы люди говорили ему: «будь исправенъ, будь проворенъ, а пуще всего говори правду; Боже сохрани тебя солгать, хоть бы что худое было; Царь больше разсердится за ложь». Скоро Неплюевъ убѣдился, что его учили вѣрно. Разъ онъ пришелъ на работу и увидѣлъ, что Государь уже тамъ; Неплюевъ испугался, хотѣлъ бѣжать домой и сказаться больнымъ, но припомнилъ совѣтъ и пошелъ прямо къ Государю. «Виноватъ, Государь», сказалъ онъ: «вчера я долго засидѣлся въ гостяхъ, оттого сегодня проспалъ и опоздалъ». Петръ взялъ его за плечо; Неплюевъ вздрогнулъ, чуя бѣду, но услышалъ ласковое слово: «спасибо, малый, что говоришь правду; Богъ простить; кто бабѣ не внукъ».

Оттого, несмотря на свой горячій нравъ, Петръ Великій умѣлъ сдерживать себя, когда ему говорили дѣло и когда онъ видѣлъ, что неправъ самъ. Разъ, будучи въ Бронштадтѣ и дѣлая флоту ученье, Петръ остался очень недоволенъ нѣкоторыми командирами кораблей и велѣлъ посадить ихъ подъ арестъ. Адмиралъ Сиверсъ вступилъ съ нимъ въ сильный и горячій споръ, говоря, что самъ Государь тоже вино-

вать въ происшедшемъ безпорядкѣ, а не одни капитаны. Петръ нисколько не разгнѣвался на Сиверса, и всѣ дивились его терпѣнію. Для работъ на Ладожскомъ каналѣ назначены были крестьяне изъ двухъ губерній, нарядъ этотъ былъ подписанъ сенатомъ и утвержденъ Государемъ. Бяязъ Яковъ Долгорукій, котораго въ сенатъ тогда не случилось, пришелъ на другой день, спросилъ про новое постановленіе, сталъ его охуждать и въ спорѣ съ другими сенаторами разорвалъ указъ. Въ это время вошелъ Петръ, узналъ въ чемъ дѣло, сильно разгнѣвался на Долгорукаго и спросилъ его, какъ онъ осмѣлился сдѣлать такое тяжкое преступленіе? Долгорукій отвѣчалъ: «обѣ губерніи потерпѣли въ войну больше всѣхъ остальныхъ, а потому лучше собрать рабочихъ съ другихъ губерній, понемногу съ каждой, да послать на работу плѣнныхъ Шведовъ». Сказавъ это, Долгорукій повинился въ своемъ дерзкомъ поступкѣ и просилъ прощенія. Государь простилъ, велѣвъ быть впередъ осторожнѣе, и совѣтъ Долгорукаго исполнилъ. Однажды, въ сентябрѣ, Петръ послалъ одного изъ ближнихъ людей, Румянцова, въ Ладогу и велѣлъ ему не пропускать къ Петербургу барокъ, построенныхъ вопреки указу по старинѣ, а пустить только тѣ, которыя выстроены по новому чертежу. Румянцовъ пріѣхалъ на мѣсто и увидѣлъ, что почти всѣ барки были стараго чертежа. Караванъ запоздалъ, наступила глубокая осень, а въ Петербургѣ хлѣба оставалось мало, такъ что могъ быть зимой голодъ, если барки не пропустить. Румянцовъ на свой страхъ рѣшился послушаться и пропустилъ всѣ барки. Государь выслушалъ его и простилъ.

Вообще Петръ не только не взыскивалъ, если его довѣренные люди поступали по своему разумѣнiю, но всемѣрно отъ нихъ этого требовалъ, объясняя, что ему самому издалика нельзя все такъ сообразить, какъ тому, кто стоитъ у самаго дѣла. Разъ Шереметеву онъ прямо написалъ: «дай вмѣстѣ съ прочими генералами совѣтъ, какъ войну въ концу привести, только чтобъ въ письмѣ твоемъ отнюдь не было *какъ изволишь*». Онъ всячески старался, чтобы поданные исполняли его волю не изъ одного слѣпного послушанiя, но и по разуму, а потому въ указахъ своихъ объяснялъ, — почему и зачѣмъ сдѣлано или велѣно сдѣлать такъ, а не иначе. До Петрова царствованiя этого не водилось.

Государь высоко цѣнилъ въ людяхъ способности, а потому, умѣя выбирать годныхъ на дѣло людей, умѣлъ и сохранять ихъ, пользы ради, прощая разные изъяны и пороки. Снисходительность Петра лучше всего видна изъ случая со Стефаномъ Яворскимъ. Въ бытность царевича Алексѣя въ чужихъ земляхъ, въ 1712 году, Яворскiй сказалъ въ день св. Алексѣя челоуѣка-Божiя проповѣдь. Не называя въ ней Государя прямо, онъ разразился противъ челоуѣка законопреступнаго, разорителя закона Божiя, который все ломаетъ, оставилъ свою жену, не блюдетъ постовъ; проповѣдникъ упомянулъ про смятенiя Россiи, про желанiе вождельннаго мира, который не дается потому, что гдѣ нѣтъ правды, тамъ не можетъ быть и мира; называлъ царевича Алексѣя единой надеждой Россiи. Церковь была полна молящимися, между ними находились сенаторы и другiе сановники; Государю обо

всемъ донесли. Петръ не наложилъ на Яворскаго опалу, а замѣтилъ только, что самъ проповѣдникъ не соблюдяетъ правила, обличая прямо въ церкви, ибо по Евангелію надо: *перво одному, потомъ съ свидѣтели.*

При всей своей суровости, Государь былъ въ обращеніи простъ и обходителенъ. Сядетъ бывало за ткацкій станокъ на фабрикѣ и покажетъ какъ надо ткать; пообщаетъ съ плотниками; зайдетъ къ какому-нибудь мастеру, разспроситъ, какъ бы дѣло выходило выгоднѣе; посѣтитъ купца, потолкуетъ о нуждахъ, дастъ совѣтъ. Пріѣхалъ онъ разъ на шелковую фабрику Полуярославцева; хозяинъ спалъ. Петръ не велѣлъ его будить и пошелъ смотрѣть работы. Полуярославцевъ скоро проснулся, узналъ, что на фабрикѣ Царь, побѣжалъ къ нему и сталъ просить прощенія, что не пришелъ раньше. «Я заѣзжаю къ тебѣ не затѣмъ, чтобы тебя беспокоить», сказалъ Петръ, «такъ не въ чемъ тебѣ и извиняться».

Государь былъ очень бережливъ и терпѣть не могъ роскоши и мотовства, оттого и удалось ему выдержать 20-лѣтнюю войну, не сдѣлавъ долгу. Хотя дворъ Государыни содержался довольно богато, не хуже дворовъ Германскихъ владѣтелей, зато дворъ самого Государя былъ очень простъ и состоялъ всего изъ нѣсколькихъ деньщиковъ. На весь дворъ выходило въ годъ отъ 50 до 100.000 рублей; чрезъ годъ послѣ кончины Петра истрачено на эту статью 700.000 руб. Носилъ онъ платье самое простое, изъ русскаго грубоватаго сукна; дома его не разъ видали въ нанковомъ халатѣ. Въ 1723 году, при пріемѣ персидскаго посла, на Петрѣ былъ тотъ самый кафтанъ, въ ко-

торомъ онъ 6 лѣтъ назадъ посѣщаль Французскаго короля. За службу свою онъ получаль по чинамъ жалованье и записываль въ особую тетрадь, на что тратилъ эти деньги; такая вѣдомость сохранилась за 11 лѣтъ. На разныя празднества, на фейерверки и на радостную пальбу денегъ онъ не жалѣль, но терпѣть не могъ, когда ради его тратились простые, бѣдные люди. Въ началѣ его царствованія, въ Тулѣ жилъ небогатый кузнецъ, Никита Демидовъ, который такъ угодилъ Петру своими оружейными работами, что потомъ разбогатѣль неслыханно. Какъ-то Государь зашелъ къ нему, когда еще Демидовъ былъ безвѣстнымъ кузнецомъ; хозяинъ поднесъ гостю дорогого рейнскаго вина. Петръ попробоваль и сказалъ: «не прилично тебѣ, Демидычъ, держать такое дорогое вино». — Да я, Государь, съ роду не пью, а досталь для тебя, — отвѣчалъ Демидовъ. «Отнеси назадъ и дай мнѣ рюмку нашего русскаго, простаго». Находясь второй разъ въ чужихъ краяхъ, Петръ замѣтилъ, что приходится нести большіе убытки при переводѣ русскихъ денегъ на иностранныя. Государь далъ сенату указъ — купить продаваемый по дешевой цѣнѣ воскъ, перевезти 1.000 пудовъ зимнимъ путемъ къ Архангельску, а оттуда весной прислать на кораблѣ въ Голландію на продажу.

Петръ Великій носилъ волосы остриженные въ кружокъ и не любилъ ходить въ шляпѣ; лѣтомъ, по улицамъ, носилъ ее за нимъ деньщикъ. Обѣдалъ онъ дома рѣдко, а больше въ гостяхъ, и садился на первое попавшееся мѣсто; поваръ его клалъ къ прибору нѣсколько небольшихъ черныхъ хлѣбцевъ и собственные Государя ножикъ, вилку и деревянную ложку. Люби-

мыя его кушанья были: студень, лимбургскій сыръ, щи, каша, ветчина, редисъ, жареная утка съ солеными лимонами и огурцами. Онъ кушалъ всегда съ аппетитомъ и любилъ выпить рюмку анисовой водки; пилъ квасъ, разное вино, особенно пиво. По части питья онъ былъ очень вѣрнопокъ; ближнихъ людей зачастую выносили съ пировъ, а Петръ никогда не терялъ памяти и на другой день, съ ранняго утра, уже былъ на работѣ. Обѣдалъ онъ часовъ въ 11 или въ 12, ложился спать часовъ въ 10, вставалъ очень рано. Иногда онъ просыпался ночью, приказывалъ денщику подать аспидную доску и записывалъ чтонибудь на память. Раннимъ утромъ занимался токарными, столярными и чертежными работами; вырѣзывалъ на мѣди картины, особенно морскія сраженія, въ которыхъ одержалъ побѣду; для дряхлаго, больного князя Голицына сдѣлалъ покойное кресло на колесахъ. Вообще Петръ любилъ ручную работу, за нею онъ отдыхалъ отъ трудовъ государственныхъ, ибо совсѣмъ безъ дѣла не могъ пробыть и короткое время. Онъ надѣлалъ много разныхъ вещей, которыя сохраняются донинѣ.

При своемъ свѣтломъ умѣ, Петръ имѣлъ нѣкоторыя слабости рядовыхъ людей. Случалось, что онъ записывалъ на память сны, значить вѣрилъ имъ. Въ Голландіи онъ учился рвать зубы и платилъ каждому, у кого вырывалъ; съ той поры онъ пристрастился къ этому дѣлу и вообще къ хирургіи, носилъ при себѣ ящичекъ съ инструментами и напрашивался помогать больнымъ. Встрѣтивъ разъ чухонку, у которой болѣли зубы, онъ своими инструментами вырвалъ у нея зубъ.

Другой разъ у одной женщины, хворавшей водяной, онъ выпустилъ воду и хвалился, что передъ нимъ англичанинъ-хирургъ не могъ этого сдѣлать. Онъ считалъ себя за хорошаго хирурга, а про неудачи свои забывалъ.

Ведя войну, Петръ никогда не выставялъ себя главнымъ лицомъ, а всю честь приписывалъ своей арміи и полководцамъ; когда же объявлялъ про сраженія, въ которыхъ самъ участвовалъ, то говорилъ «мы». Славы онъ не искалъ никогда; славу свою видѣлъ онъ въ пользѣ, въ одной пользѣ; оттого его слава такъ велика и незыблема, что минуютъ вѣка, а она жить будетъ.

Много прибавилось бы Петру славы, а любимой имъ Россіи пользы, еслибы Богъ продлилъ ему вѣку. Но земной предѣлъ Петра Великаго ужъ подошелъ. Государь хворалъ давно и часто, по временамъ даже очень сильно, но все-таки кое какъ оправлялся, не разъ посѣщая Олонецкія цѣлебныя воды. Въ сентябрѣ 1724 года онъ занемогъ крѣпко, но въ октябрѣ все-таки поѣхалъ осматривать работы на Ладожскомъ каналѣ, потомъ отправился на Олонецкіе желѣзные заводы, выковалъ тамъ, между дѣломъ, своими руками, желѣзную полосу въ три пуда; оттуда съѣздилъ въ Старую Русу и осмотрѣлъ солеварни. Вернувшись въ Петербургъ въ концѣ октября, онъ вскорѣ поѣхалъ на Сестрорѣцкій заводъ, что на финляндскомъ берегу, невдалекѣ отъ Петербурга. Подъѣзжая къ селенію Лахтѣ, онъ замѣтилъ, что плывшій изъ Бронштадта ботъ съ солдатами сѣлъ на мель. Погода стояла бурная, ботъ сильнымъ волненіемъ било объ мель и лю-

дей смывало въ море. Государь послалъ туда лодку на помощь, но стащить боть съ мели все-таки не могли; Государь поѣхалъ самъ, но его шлюпку отби-вало волной. Тогда онъ выскочилъ изъ шлюпки и по поясъ въ студеной ноябрьской водѣ сталъ вмѣстѣ съ другими стаскивать боть съ мели и спасать людей. Послѣ долгихъ трудовъ боть и люди были спасены, но Петръ жестоко простудился и схватилъ лихорадку.

Къ тѣлесной болѣзни прибавились неприятности и неудовольствія, Петръ не поправлялся. Временами ему становилось какъ будто лучше; тогда онъ бывалъ у обѣдни, посѣщалъ ближнихъ людей, ѣздилъ на ассамблеи, занимался дѣлами, но потомъ опять дѣлалось хуже. Въ прежнее время любилъ онъ на святкахъ ходить со славеньемъ въ знатные и богатые дома и приношенія ихъ отдавалъ на госпитали; въ этомъ году славленья онъ дѣлать не могъ и 17 января 1725 года слегъ въ постель.

Стояла тутъ кроватушка тесовая,
 Разостлана на ней перинушка пуховая,
 Поставлено взголовьице высокое,
 Положена подушечка парчевая,
 Раскинуто одѣяло соболиное.
 Лежитъ надежа-православный Царь
 Всей ли Россіи Петръ Алексѣевичъ:
 «Охъ вы гой еси князья со боярами,
 «Всѣ старшіе, любезные фельдмаршалы!
 «Вы пьете, вы ѣдите готовое,
 «Цвѣтное платье вы носите припасенное,
 «Ничего вы не знаете, не вѣдаете:
 «Мнѣ же, Царю, худо можется,
 «Худо можется мнѣ, Царю, конецъ идетъ».

Лейбъ-медикъ Блуентростъ написалъ письма двумъ знаменитѣйшимъ врачамъ Европы, прося со-
вѣта, и собралъ петербургскихъ докторовъ; но Госу-
дарю не легчало. Петръ Великій приказалъ поставить
близъ своей опочивальни походную церковь, его испо-
вѣдали и приобщили. Силъ у него оставалось такъ
мало, что онъ не могъ сидѣть въ постели; боли были
такъ сильны, что его крики раздавались на улицѣ,
со второго этажа, черезъ двойныя рамы. Потомъ онъ
и кричать не могъ, а только стоналъ. Архіереи Тео-
фанъ и Феофилактъ и Чудовскій архимандритъ, скло-
нясь надъ изголовьемъ, подкрѣпляли страдальца еван-
гельскими словами; Петръ слушалъ ихъ и, возводя
глаза къ небу, повременамъ поднималъ правую руку;
засохшія его губы чуть слышно произносили: «вѣрую,
уповаю»... Велѣно было освободить отъ каторги всѣхъ
преступниковъ, кромѣ самыхъ тяжкихъ; прощены
почти всѣ осужденные на смерть или на каторгу по
военнымъ законамъ. Надъ Государемъ совершили еле-
освященіе, утромъ 27 января онъ былъ уже почти
безъ языка. Онъ попробовалъ было написать свою
последнюю волю, но не могъ, — бессильная рука па-
дала на одѣяло; изъ написаннаго могли только разо-
браться слова: «отдайте все»... Велѣлъ позвать дочь
свою, Анну Петровну, но, когда она къ нему подошла,
онъ уже не могъ сказать ни слова. Въ ночь на 28
января его приобщили св. Тайнъ второй разъ, преосвя-
щенный Феофилактъ сталъ читать отходную, и въ на-
чалѣ шестого часа утра Петръ Великій испустилъ духъ.

Екатерина находилась при супругѣ безотлучно и
закрѣла ему глаза.

Предсмертная воля Государя осталась неизвѣстной. Кабинетъ-секретарь Макаровъ сказалъ сановникамъ, что незадолго до послѣдней поѣздки въ Москву, Государь уничтожилъ завѣщаніе, которое было написано за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, и потомъ не разъ собирався написать новое, но не написалъ. На престолъ вступила вдова Петра Великаго, императрица Екатерина I, потому что была коронована при жизни своего супруга.

Съ 30 января толпы народа приходили воздавать Петру Великому послѣднее поклоненіе и цѣловать его мозолистую руку. Скорбь была глубокая и всеобщая; о немъ мертвомъ столько жалѣли, сколько боялись и уважали его живого; всякій какъ бы чувствовалъ утрату великой силы, которая отлетѣла и уже не вернется.

Померкъ, померкъ нашъ свѣтлый мѣсяцъ,
 Потемнѣло солнце красное,
 Потяжелѣла служба царская:
 Что не стало у насъ Царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
 Подымайтесь вы, буйны вѣтры,
 Разсыпьте же вы, желты пески,
 Ты откройся гробова доска,
 Развернися золота парча,
 Ты возстань-проснись, ты нашъ батюшка,
 Ты нашъ батюшка, православный Царь.

Въ началѣ марта совершенно торжественное погребеніе; тѣло перваго Русскаго Императора перевезено въ Петропавловскій соборъ. Отслужили обѣдню, послѣ обѣдни Феофанъ Прокоповичъ сказалъ надгробное слово.

Слово было краткое, но говорилъ его Прокоповичъ безъ малаго часа, потому что плачь предстоящихъ поминутно прерывалъ проповѣдника: «Что се есть», началъ Прокоповичъ: «до чего мы дожили, о Россіяне, что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!» Кончилъ онъ утѣшеніемъ: какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ: «сдѣлалъ добрымъ любимую, любима и будетъ; сдѣлалъ врагамъ страшною, страшна и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною, славная и быти не перестанетъ. . . . Оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ».

Прокоповичъ сказалъ правду: духъ Петра живетъ въ Россіи и донинѣ. До сей поры выполняются въ ней его предназначенія, и она идетъ по тому пути, на который онъ ее взвелъ. Дорога становится все больше торною, но на ней всюду еще видны слѣды работы Петра Великаго. Справедливо писалъ тогда Неплюевъ, русскій посланникъ въ Турціи: «на что въ Россіи ни взглянешь, все Петра началомъ имѣеть, и что бы впредь не дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ».

Кончимъ словами того же Неплюева: «да вчинить Господь душу его, многотрудившуюся о пользѣ общей, съ праведными».

Вѣчная ему память, вѣчная ему слава.

Его-же. Злодѣй и Петька	— . 10
Его-же. Отставное счастье. Изъ старыхъ запис. Два кольца — .	20
Его-же. Анчутка-безпятый. Наумъ-Сорокодумъ. Собачій застрѣль- щикъ. Медвѣжья наука	— . 20
Его-же. Солдатское пиво. Первый винокуръ. Птичій даръ.— .	20
Его-же. Пестрая книжка	— . 15
Его-же. Куча денегъ (три разсказа)	— . 20
Его-же. Божеское правосудіе (три разсказа)	— . 20
Его-же. Солдатскія замѣтки	— . 20
Его-же. Легкая надбавка (драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ)	— . 30
Его-же. Жареный гвоздь (походная шутка въ 3-хъ картин.)— .	15
Его-же. Дѣдушка-домовой (представленіе въ 4-хъ дѣйств.)— .	15
Его-же. Чему быть, того не миновать, или не по носу табакъ (комедія)	— . 30
Его-же. Изъ прошлаго и настоящаго	— . 10
Коссинскій, В. Подъ Севастополемъ (былина въ стихахъ).— .	20
Шалфѣевъ. Двѣнадцатый годъ, три чтенія для народа съ рисун- ками	— . 20
Его же. Царь Петръ Великій, чтеніе для народа	— . 5
Роговъ. О смутномъ времени на Руси, народныя чтенія въ Со- лянномъ городкѣ	— . 10
Его-же. Татарскій погромъ и святой благовѣрный князь Алек- сандръ Невскій	— . 10
Бутовскій, Н. Прежняя служба и настоящая. (Очеркъ развитія солдатской школы)	— . —
Его-же. О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата (практическія замѣтки командира роты) томъ I	— . 80
томъ II	— . 85
Сборникъ общедоступныхъ чтеній Педагогическаго музея военно- учебныхъ заведеній. Чтеніе для народа и для солдатъ. Съ 8-ю картинами и 38-ю рисунками въ текстѣ.	1 . —
Чтеніе для юношества. Разсказы изъ физики, химіи, ботаники, зоологіи, минералогіи и технологіи о предметахъ и явленіяхъ. Съ подтипажами въ текстѣ	1 . 25

СОЧИНЕНІЯ А. ПЕТРУШЕВСКАГО.

Генералисимусъ князь Суворовъ, въ 3 томахъ, съ 2 портретами, снимкомъ съ маски, 4 факсимиле и 4 картами, 1884 года. Удостоено Императорскою Академіей наукъ большой Макарьевской преміи. Цѣна 10 рублей.

ПО ОБЩЕДОСТУПНОМУ ЧТЕНІЮ.

Разсказы про старое время на Руси, отъ начала Русской земли до Петра Великаго. Удостоено С.-Петербургскимъ комитетомъ грамотности первой преміи и Ученымъ комитетомъ Министерства государственныхъ имуществъ золотой медали. 1880 года, съ картинками. Цѣна 75 коп.

Сказаніе о св. благовѣрномъ великомъ князѣ Александрѣ Невскомъ, изданіе 2-е, С.-Петербургскаго комитета грамотности, 1885 года, съ картинками. Цѣна 10 коп.

Разсказы про Суворова, съ портретомъ, изд. 2-е, 1891 года. Цѣна 60 коп.

Разсказы про Петра Великаго. Удостоено С.-Петербургскимъ комитетомъ грамотности первой преміи и Ученымъ комитетомъ Министерства государственныхъ имуществъ золотой медали. Изданіе 4-е, 1893 г. Цѣна 50 коп.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 октября 1893 г.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.

Digitized by Google